

смена

2006

июль • 7

11 Живописное мошенничество

124 Осторожно: вор на промысле

170 Чудеса в шоколаде

**Монастырь Святой
Екатерины в Синае
стр. 4—10**

Основан в январе 1924 года

2006 • ИЮЛЬ (1701)

Главный редактор

Михаил Кизилов

Зам. главного редактора

Тамара Чичина

Главный художник

Надежда Веселова

Над номером работали:

Башкеев Максим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Калинина Людмила

Молчанова Надежда

Подоляк Кирилл

Подорванова Светлана

Силакова Марина

Чейшвили Владимир

Учредитель — ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

**Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.**

Набор, верстка и оформление

ООО «Издательский дом журнала «Смена».

Отпечатано в ОАО «Смоленский
полиграфический комбинат»

по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит
12 раз в год.

© «Смена», 2006

Проект осуществляется
при поддержке Федерального
агентства по печати
и массовым коммуникациям

Подписной индекс в почтовых
отделениях **70820** (по каталогу
Агентства «Роспечать»)

ISSN 0131-6656

Наш журнал вы всегда
можете купить в киосках сети
«Аргументы и факты»

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

612-15-07 — для справок.

Факс (495) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения: (495) 257-31-37
sales@smena-id.ru

Сдано в набор 15.05.2006.

Подписано к печати
19.06.2006.

Печать офсетная.

Заказ № 14687

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Журнал
зарегистрирован
в Комитете
Российской
Федерации
по печати
Per. № 014832

ЧУДЕСА НА ПЛАНЕТЕ

Игорь Опарин
**Монастырь Святой
 Екатерины в Синае** 4

ВСЕМИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Ирина Опимах
**Взлет и падение
 подражателя-
 авантюриста** 11

СТОП-ТУР

Татьяна Полева
**Со своим самоваром
 сюда не ездят** 21

ИЗДАЛЕКА

Любовь Русева
**Личная гвардия
 Светлейшего** 26

ДЕТЕКТИВ

Шарль Эксбрайя
Клан Морамбер 34

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Светлана Бестужева
Госпожа генеральша 110

КРИМИНАЛ

Екатерина Постникова
**«Кирпич» ушел,
 «кирпичики» остались** 124

ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА

Владимир Кислов
Возмужавший красавчик 129

НЕФОРМАТ

Анатолий Пимонов
Загадка другой природы 138

ТЕХНОКРАТ

Максим Севрюков-Кистерев
У природы нет плохой погоды? 150

ПЕРСОНА

Евгения Гордиенко
Жизнь Haute Couture 155

КОМПЬЮТЕР

Просто Кир
Эх, дал бы кто взаймы! 160

РАНДЕВУ

Елена Воробьева
Актер, лечащий Душу 164

НОВОСТИ ЕВРОПЫ

Денис Логинов
Земля шоколадного счастья 170

СПОРТ

Максим Башкеев
Гоус всемогущий 178

МУЗЫКА

Ольга Быстрых
Тюльпаны от Питера до Массквы 182

КУЛИНАРИЯ

Евгения Гордиенко
Ленивый пельмень 186

О РАЗНОМ

Екатерина Макарова
Сны добровольных убийц 145

Екатерина Кочеткова
Девочка-лето 175

КРОССВОРД 188

ЭРУДИТ 190

РЕКЛАМА 192

Иосиф Гольман

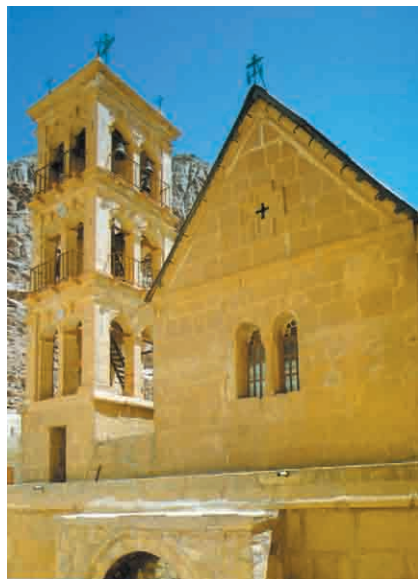
«Любовь заказывали?»

Говорят, «любви все возрасты покорны». И неважно, двадцатилетний ли ты юнец или уже размениваешь полтинник. Вот и к Сергею Петровичу Фролову пришло это чувство. Но было ли оно настоящим, и к каким неожиданным последствиям привело наших героев, вы узнаете, прочитав новую повесть Иосифа Гольмана «Любовь заказывали?»

АНОНС: АВГУСТ 2006

Монастырь

Святой Екатерины в Синае

Сейчас в мире много говорят о терпимости и толерантности, об уважении различных вероисповеданий, об уважении людей разных культур и традиций. Особенно остро эти вопросы встали перед человечеством после 11 сентября 2001 года, когда, по воле безумных фанатиков, погибли тысячи людей. Всем стало понятно, как хрупок наш мир, и как мы все беззащитны перед силами зла, перед террористами, для ко-

торых нет ничего святого, кроме их собственного Бога... Но есть на нашей планете уголки, где люди научились жить мирно, уважая друг друга и веру своего соседа. И пример такого поистине человеческого общежития — греко-православный монастырь Святой Екатерины, основанный на землях, принадлежащих исламу, и уже много столетий не испытывающий никаких притеснений со стороны даже самых ярких его приверженцев.

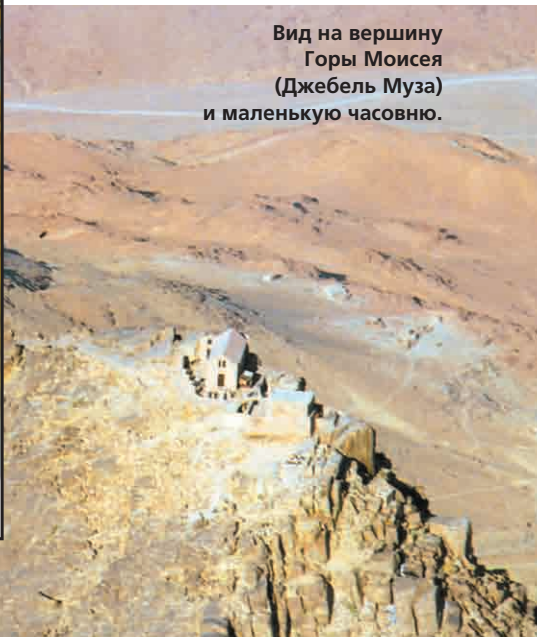
Синай... Эти скалы, чьи причудливые изгибы и складки завораживают каждого, кто сюда попадает, дюны, непрерывно меняющие свои формы, целиком отдаваясь воле ветров, бедуины, бредущие по пустыням, строго соблюдая сформированные веками ритуалы и традиции, и редкие растения, которые вдруг прорастают в иссушенной солнцем земле. Это — земля библейских героев, земля, святая и для иудеев, и для христиан, и для мусульман ...

Есть на Синае гора, которую арабы называют Джебель Муза, гора Моисея. Ее высота — 2285 метров. По преданию, это и есть та самая гора Хорив, на которой Бог призвал Моисея вывести свой народ из Египта и вручил ему Скрижали Завета, Закон, по которому должен был отныне жить народ Израиля. Десять заповедей, по которым и сейчас живет почти все человечество. На полпути к вершине бьет источник — его называют «Вода Моисея», — говорят, здесь пророк поил свое стадо. К вершине паломники и туристы поднимаются по лестнице Моисея — ступеням, выбитым одним монахом — таков был его обет, сделать лестницу, ведущую к небу. А на вершине горы император Юстиниан когда-то возвел часовню — она много раз разрушалась, и теперь на ее месте — церквушка, построенная в 1934 году. Рядом с ней — руины мечети: мусульмане считают, что именно с этого места вознесся в небо Наби Салех.

Знаменитая
мозаика
на своде
церкви.

Вид на вершину
Горы Моисея
(Джебель Муза)
и маленькую часовню.

А у подножия горы росла Неопалимая купина, в образе которой Моисею явился Господь. «И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из куста, и сказал: Моисей, Моисей! Он сказал: вот я! Господи!» (Исход, 3.4).

Рассказывают, что когда-то здесь побывала святая Елена, Елена Флавия, мать императора Константина, основателя Константинополя, та самая Елена, что, по легенде, нашла части креста, на котором был распят Иисус Христос. Привела ее сюда (происходило это все примерно в 330 году н.э.) жажда увидеть пустыню, где Бог говорил с Моисеем. Потрясенная до глубины души величественной красотой этих мест и их святостью, Елена основала церковь и посвятила ее Богородице, а рядом повелела разбить сад — этот сад в пустыне не мог не поражать паломников, устремившихся сюда за Божьей благодатью. Церковь, поначалу часовню, возвели там, где росла Неопалимая купина. (Кстати, некоторые ученые утверждают, что

в Неопалимой купине ничего чудесного нет. Моисей, который провел много лет во время своего изгнания на Синайском полуострове, хорошо изучил местную природу и научился у местных жителей всему тому, что помогало сохранить жизнь в суровой пустыне. Видно, знал он и про растение диптам или *Dictamnus albus*, ныне называемое кустом Моисея. Листья этого куста, вошедшего в историю как Неопалимая купина, выделяют летучее эфирное масло, которое легко воспламеняется под лучами жгучего синайского солнца. Зенон Косидовский рассказывает, что такой куст однажды привезли в Польшу, и в один из жарких летних дней он вдруг вспыхнул голубовато-красным огнем! Есть и второе объяснение библейского чуда: на Синае растет дерево *Locarnthus acaciae* — когда оно цветет, все его ветви покрываются яркими пурпурными цветами, и выглядит это, как настоящее пламя.)

Христиане, спасаясь от преследований римских властей, бежали сюда, в скалы Синая, уже начиная с III века. Постепенно вокруг церкви

Богородицы сформировалась община, а потом возник и монастырь. Здесь все было осенено именем Моисея. Кроме Неопалимой купины, на территории монастыря был колодец, названный Бир Муза, колодец Моисея — здесь, по преданию, он встретил дочерей Иофора, и старшая из них, Сепфора, стала его женой.

В 329—379 годах в монастыре жил епископ Кесарии Василий Великий, выдающийся греческий философ, христианский мыслитель, создатель трудов, которые легли в основу христианства. Василий был уроженцем Каппадокии, родился в Кесарии, в богатой семье. Образование получил в Афинах, где изучал философию Платона, оказавшую на него огромное влияние. Там же, в Афинах, он познакомился и подружился с Григорием Богословом, и там же созрело его желание посвятить себя служению Христу, подвижничеству. Василий отличался твердостью в вере и жизни, тактом, личным обаянием, и при его епископате Кесария стала одним из важнейших центров христианства. Он любил уединяться для глубоких размышлений, наверное, потому ему так понравился этот монастырь. Многие монахи обители стали его преданными последователями.

В царствование византийского императора Юстиниана, человека, необычайно глубоко преданного христианству, были возведены базилика (ее строительство продолжалось с 548 по 565 год), впоследствии она стала храмом Преображения, и мощные башни и стены. Тогда монастырь превратился в настоящую крепость христианства. Юстиниан повелел также передать монастырю и военный гарнизон — все понимали, что эту цитадель веры, стоящую посреди враждебного мира, нужно защищать.

Монастырь получил название монастыря Святой Екатерины. Легенда о святой Екатерине — одна из самых поэтичных и ярких историй среди житий святых.

В 294 году в семье богатых александрийских аристократов родилась девочка. Ей дали имя Доротея. Уже с ранних лет она отличалась большими способностями. Доротея с увлечением изучала науки и овладела многими языками. Красивая, умная, гордая, она отвергала приязнания многих сватавшихся к ней юношей — ждала равного себе по красоте и образованию. И вот как-то она встретила христиан, последователей веры в Христа, и решила стать невестой не простого юноши, а самого Иисуса Христа. Она приняла христианство и получила имя Екатерины. Однажды Максимилиан созвал всех своих ученых на состязание с Екатериной в знаниях, и она одержала победу над ними, более того, пятьдесят человек обратила в христианство! Император Максимилиан увлекся прекрасной Екатериной, но и ему она ответила отказом — отныне ее жизнь принад-

На фреске изображены Богоматерь с Младенцем в окружении Моисея и святой Екатерины, и древний монастырь.

Согласно преданию, на этом месте Моисей увидел горящий куст.

лежала Христу. Тогда оскорбленный император повелел сжечь всех новообращенных ученых, а саму Екатерину подвергнуть страшным истязаниям: сначала ее избили воловьими жилами, а потом привязали к колесу.

Но случилось невероятное чудо — колесо сломалось! Озверевший мучитель приказал отрубить девушке голову. Так и не отступившая от своей веры, Екатерина погибла. Предание гласит, что из ее ран текла не кровь, а молоко, а потом она исчезла — говорили, что это ангелы, услышав мольбы Екатерины, не отдали израненное тело ее мучителям, а перенесли его на вершину самой высокой горы Синай. Прошло более пяти столетий, и монахам было дозволено увидеть мощи Екатерины. Они оказались нетленными и прекрасно сохранились. Поднявшись на гору, монахи увидели, что мощи источают сладкое миро, и стали собирать его. Оказалось, что миро обладает чудодейственными свойствами. Один из монахов, Симеон Пятиязычник (видно, он говорил на пяти языках), прожил на горе рядом с мощами семь лет и все это время просил, чтобы Екатерина дала ему часть своей руки. И она отдала ему три своих пальца, которые отделились от ее руки. Симеон отвез эти пальцы в аббатство Святой Троицы в Руан, во Францию. С тех пор святая Екатерина очень почитается в Европе. Прошло время, и монахи монастыря перенесли мощи в обитель, которая с тех пор и получила имя святой мученицы. В честь Екатерины названа и та гора (кстати, высота ее — 2642 м), на которую когда-то ангелы перенесли ее мощи. Они хранятся в саркофаге, стоящем у алтаря храма Преображения.

Но, как ни странно, монастырю особенно никто не угрожал. А в 625

году, как говорит предание, и пожалуй, ему вполне можно верить, сам пророк Мухаммед, основатель ислама, в свое время побывавший с монастыре в составе торгового каравана, оказал монастырю покровительство: принял его посланцев в Медине, уважительно поговорил с ними и даже освободил от уплаты налогов, а затем даровал и другие привилегии. Все это зафиксировано в особой грамоте, которую до сих пор монахи бережно хранят как особую святыню.

В 641 году Синайский полуостров завоевали арабы, и монастырь оказался в исламском окружении, но его оберегал сам Мухаммед, и жизнь монахов практически не изменилась — так же, как и раньше, исправляли они свою нелегкую службу Господу...

В VIII веке всю Европу захлестывает волна иконоборчества — в 726 году византийский император Лев III Сириец запрещает эдиктом почитание икон. Он приказывает выламывать их и закрашивать фрески в христианских храмах. Лев считает, что причина поражений в войне с мусульманами в том, что христиане отвратились от Моисеева запрета поклоняться рукотворным образам. У Льва было множество противников, особенно в Западной Европе. Окончательно борьба с иконоборцами закончилась в 843 году. Но Синай так далеко от Византии, да, впрочем, и от Рима, и когда еще до него дойдут все эти споры и разногласия... Так или иначе, но монастырь Святой Екатерины сохранил уникальное художественное наследие. Храм Преображения — настоящий музей. Здесь хранятся удивительные по красоте и оригинальности иконы, написанные в V—VIII веках, их — около двух тысяч! Поразительны и внушительные двери — и те, что созданы в XII веке, и те, что гораздо

древнее, двери, по преданию, еще от той церкви, которую возвели при Юстиниане. Кипарисовые, состоящие из двадцати восьми резных панелей, с традиционными христианскими сюжетами, они и сегодня потрясают своим совершенством.

Ничто не могло возмутить покой, царивший в святой обители, даже крестовые походы. Крестоносцы, с упоением сражавшиеся за освобождение Святой Земли, с почтением отнеслись к монастырю. Здесь побывали почти все выдающиеся полководцы того времени — и Генрих Брауншвейгский, и Филипп д' Артуа, и Альберт Австрийский. Именно в те времена почитание святой Екатерины распространилось по всей Европе — о ней и о ее монастыре рассказывали вернувшиеся домой участники дальних походов.

А потом очень долго в жизни монастыря ничего не происходило. Только по-прежнему шли службы, по-прежнему зывали к Господу его верные дети, и по-прежнему изучали они святые книги — в монастыре за многие века собрана библиотека, которая, как ныне говорят специалисты, уступает только библиотеке Ватикана! Здесь хранится более 3400 древних текстов на греческом, латинском, арабском и других языках.

В России всегда знали и помнили, что на далеком Синайском полуострове, среди пустынь и гор, горстка монахов бережет православную веру. Многие в монастыре сделано русскими или на русские деньги. Так, два саркофага, стоящие в храме у алтаря, — подношения русских царей: Петра I, который был преподнесен в 1680 году, и Александра II, подаренного в 1860 году. Девять колоколов на монастырской колокольне — дар Русской Церкви.

Поразительно же существование православного монастыря на му-

Внутренняя часть
комплекса
монастыря.

сульманских землях, но еще более поразительно то, что в монастырь допускались и исламские паломники, цель которых — небольшая мечеть, стоящая недалеко от главного монастырского храма Преображения. В это простое строение в форме квадрата, с минаретом высотой около десяти метров, ходят молиться Аллаху и местные жители, работающие в монастыре.

За крепостной стеной разбит сад. Живописные террасы, кипарисы, фруктовые деревья — апельсины, груши, абрикосы, виноградники, оливы, все радует глаз и греет душу. Недалеко от монастырской стены — часовня, это монастырский склеп. Здесь хранятся черепа и кости сотен и сотен монахов. Когда-то, придя в монастырь, они верно служили Вере и Господу и в праведных трудах закончили дни свои... Один из скелетов полностью одет — это святой Стефан, скончавшийся в 580 году.

Оказавшись с стенами монастыря, вы словно попадаете в средне-

Помещение
с черепами
монахов
в часовне
св. Трифона.

вековые. Маленькие дворы, лестницы, строения разных стилей и эпох, узкие галереи и переходы, арки, островерхие и плоские крыши, и монахи, исправно делающие свою работу, точно так же, как много веков назад. И так же светит жгучее синайское солнце, и так же высоко яркосинее небо. И кажется, вот сейчас раздастся Глас Божий, тот самый, что слышал Моисей. И, наверное, ветхозаветному Богу Яхве есть, что сказать людям — ведь, по правде говоря, не все они помнят о том, что Он им завещал, не все живут по Его Закону, и до духовного совершенства человеку еще ох как далеко. □

ВЗЛЕТ

По-видимому, Ван Мегерен был действительно выдающимся мастером — ведь даже после всех откровенных признаний мошенника, спустя годы после его смерти, многие известные искусствоведы, специалисты по творчеству Вермера, так и не смогли поверить в то, что самые удачные подделки Ван Мегерена — «Христос в Эммаусе» и «Последняя вечеря» — не создания великого голландского живописца, а всего лишь фальшивки.

И ПАДЕНИЕ подражателя-авантюриста

Шел 1945 год. Голландия понемногу приходила в себя после оккупации, после безумной бойни Второй мировой войны. Старый и вечно юный Амстердам залечивал раны, люди возвращались к спокойной жизни. Снова появились клиенты в ресторанчиках, зрители стали ходить в театры, открылись музеи и

галереи, и снова в ювелирных лавках, как и много лет назад, почтенные седовласые евреи продавали бриллианты. Но раны, нанесенные фашистами, еще не затянуло, они болят и терзают душу, и как же хочется отомстить этим немцам, как же хочется покарать всех, кто сотрудничал с фашистами!

И вот 30 мая в газетах появился сенсационный материал. «Пойман еще один сообщник нацистов! Антониус Ян Ван Мегерен — под следствием!» — оглашали радостным криком утренние амстердамские улицы мальчишки-оборванцы, продавцы газет. В мире коллекционеров, галерейщиков и ученых искусствоведов разразилась настоящая буря. Совсем недавно такое даже и представить было невозможно! Ван Мегерен, модный портретист, известный реставратор и признанный знаток голландской живописи XVII века, кстати, весьма небедный человек, сидит в тюрьме! Его обвиняют в коллаборационизме: он, якобы, способствовал продаже фашистскому бонзе Генриху Герингу, этому гнусному эстету, обладателю одной из самых известных в мире коллекций живописи (все картины, понятно, украдены из музеев и частных коллекций захваченных немцами стран), сокровищ национального искусства — полотен кисти Вермера, самого загадочного и непостижимого голландского художника. Писали, что капитан Г. Андерсон, занимавшийся розыском произведений искусства, пропавших во время войны из голландских музеев, обнаружил в коллекции Геринга картину Вермера «Христос и блудница». Как это достояние голландского народа могло попасть в руки нацистского преступника? Следы привели к Ван Мегерену, он оказался первым в цепочке дилеров, при этом выяснилось, что ему в результате сделки удалось положить в карман немалую сумму — 1 миллион 650 тысяч гульденов! Капитан доложил властям об итогах своих изысканий, и вот ван Мегерен — за решеткой, в одиночной камере.

— Господин Ван Мегерен, — говорил ему накануне адвокат, стоявший своему клиенту немалых

денег, — боюсь, ничего сделать нельзя. Если не случится чудо, вам грозит смертная казнь. Вы же знаете, какое сейчас время, как трудно оправдать любое проявление коллаборационизма.

Ван Мегерен не мог ни есть, ни спать. Нет, он определенно еще не готов умирать! Черт возьми, жизнь так прекрасна, во всяком случае, у него последнее время все складывалось совсем недурно. Были и деньги, и положение в обществе — к этому он шел долгие годы. И вот так проститься со всем? Но как же быть, неужели ему не остается ничего иного, как признаться в своей тайне, признаться в том, что он сумел одурачить всех этих напыщенных экспертов, этих «ученых» знатоков? Неужели это единственный выход?

Боже, в чем он ошибся? Почему пришел к такому финалу? Ведь он только хотел всем доказать, что он — гений, что может писать лучше, чем все современные художники, вместе взятые, и не хуже старых мастеров...

Отец его никогда не любил искусства и не понимал стремления сына стать художником.

— Ты что, опять взялся за свою мазню? Когда же ты, наконец, займешься делом, черт тебя возьми! И это мой сын! — Тут в его голосе появлялись скорбные нотки, а затем он брал в руки розги, и юный Ян получал хорошую трепку.

Но мальчика ничего не могло отвратить от раз избранного пути, даже тяжелая отцовская рука.

Они жили в маленьком городке Девентере. Яну удалось все-таки поступить, несмотря на сопротивление отца, в местную художественную школу.

*Ван Мегерен.
«Девушки»*

*Ван Мегерен.
«Христос
в Эммаусе».
Работа
выдавалась
за полотно
Вермера*

— Ну, что же, неплохо, неплохо, — говорили преподаватели, глядя на его первые, еще ученические работы. — У этого парня определенно есть способности.

Но для честолюбивого Яна такой оценки было мало — хотелось доказать всем, и прежде всего отцу, что он — настоящий гений. А именно таковым Ян себя и ощущал, только вот остальные еще этого не понимали...

После окончания школы он переехал в Дельфт — здесь удастся найти работу ассистентом преподавателя в художественной школе. Жалование небольшое, но как-то дает возможность прожить. Все свободное время Ян проводит в музеях, у полотен старых голландских мастеров. Его кумиры — Рембрандт, Хальс и, конечно же, самый известный гражданин Дельфта —

Ян Вермер. Ван Мегерен часто проходит мимо дома, в котором жил великий художник, и в его воображении встают картины далекого XVII века.

Дельфт, маленький, уютный город, не сильно изменился с тех пор. Те же каналы, те же очаровательные домики с черепичными крышами, изящные мостики, островерхие кирхи, та же спокойная размеренная жизнь. Ван Мегерену кажется, что он видит, как Ян Вермер, уединившись в мастерской, пишет свои тонкие лирические композиции, пишет мир, который его окружает. И здесь все одинаково важно: и женские украшения, и форма люстры, и кирпичи домов, и фрукты на блюде. Старший Вермер владел гостиницей, таверной, занимался производством модного в те времена шелка «каффа», а еще

приторговывал картинами, жанровыми сценками, которые тогда пользовались большим спросом у голландских бюргеров. Все это после его смерти досталось сыну, вот почему Вермер никогда особенно не нуждался и работал не по заказу, а для души. Как ему было тошно и одиноко среди этих сытых прагматичных бюргеров, заботящихся лишь о своих кошельках! Чтобы не выглядеть белой вороной, приходилось подлаживаться, вести пустые и неинтересные разговоры... И только в искусстве он становился самим собой. Может, поэтому в его картинах такой свет, такое спокойствие и красота, такое стремление к совершенству, гармонии, и так остро ощущается жизнь давно ушедшего в прошлое времени...

Ван Мегерен знал, что Вермер рано умер. После него осталось совсем немного картин, не более сорока. Какое-то время о художнике помнили, и его полотна шли за хорошую цену, но потом в моду вошли другие имена, и о нем забыли — почти на два века.

Ван Мегерен с восторгом изучал особенности манеры письма Вермера и других старых голландских мастеров. Его мечта — создавать такие же шедевры. И вот — первый успех. Как же он был счастлив, получив — это случилось в 1913 году, ему как раз исполнилось 24 года — золотую медаль Института искусств за акварель, написанную в стиле его любимого XVII века! Тогда ему казалось: вот теперь он уже стал знаменитым, теперь его завалят заказами, и мир, наконец, признает, что он — гениальный художник! Но все оказалось иначе — никто не выстраивался у дверей его жилища в очередь за картинами, никто не забрасывал деньгами, и важные музейщики отнюдь не горели желанием приобрести его полотна.

Ван Мегерен перебирается в Гаагу — наивный, он думал, может, в столице ему повезет больше, чем в тихом провинциальном Дельфте. Постепенно его работы завоевывают рынок, он становится известным портретистом, нужда отступает, у него теперь много денег, но он по-прежнему жаждет настоящей славы, а ее-то как раз и нет. И Ван Мегерен снова и снова приходит в тихие залы гаагского Маурицхейса, снова и снова изучает великие полотна старых мастеров, долго простаивая перед своим любимым Вермером — «Видом города Дельфта» и маленькой, но такой чудесной «Головкой девушки». Боже, как же удалось Вермеру написать этот портрет, эту жемчужинку в ушке, этот удивленный взгляд, эту милую головку!

И тогда в его голове родилась безумная мысль — если они, эти идиоты, критики и эксперты, не признают картины с его подписью гениальными, пусть только попробуют не признать таковыми его же работы, но подписанные другим именем — ну, например, его любимым Вермером!

Выбор на Вермера пал не случайно. Дело в том, что его картины были на вес золота. Сравнительно недавно, в середине XIX века, этот художник был открыт заново. Случилось это так. В 1842 году французский искусствовед и критик Теофиль Торе оказался в Гааге и первым делом отправился в городской музей, в Маурицхейс. И вот там, среди уже привычных голландских пейзажей и натюрмортов, ему вдруг попала на глаза работа, мимо которой он не мог пройти — «Вид города Дельфта» некоего Вермера. Кто этот художник? Почему мир о нем ничего не знает? Торе тут же принялся разыскивать другие работы мастера. Неизвестным художником заинтересовались и

другие критики — братья Гонкур, Теофиль Готье и многие другие. Общими усилиями было обнаружено всего 35 работ Вермера. С тех пор каждая новая картина великого живописца становилась настоящей сенсацией, ну и стоили полотна Вермера баснословные деньги. И Ван Мегерен, искренне любивший картины великого голландца, проникнувший, казалось, в самую душу его искусства, подумал — а не попробовать ли написать неизвестного «Вермера»? Сколько же времени ушло на изучение старинных холстов, исследование грунтов и красок! А как он радовался, раздобыв у перекупщиков несколько граммов лазури, имитирующей ту, старинную лазурь, светившуюся на холстах великих мастеров. А кисти из барсучьего волоса, которые ему раздобыли по знакомству! А шпатели и ступки для растирания красок — ведь все должно быть, как у художника XVII века. Потом он купил испорченные холсты XVII века, смыл с них остатки красок и приступил к делу...

Да, тогда, в 1932 году, все очень удивились — преуспевающий художник вдруг забросил все заказы, уехал зачем-то во Францию. Ван Мегерен поселился в маленьком городке Рокбрюне недалеко от Ниццы, на небольшой вилле. Никому не позволялось заходить в его мастерскую, где в тайне от всех он работал над своими «голландцами».

Теперь, сидя в камере, Ян вспоминал, каким мучительным было начало. Тогда, после своего первого пребывания в Рокбрюне, он привез в Амстердам одного «Вермера», одного «Хальса» и одного «Терборха». Рассказал, что нашел холсты в Провансе, совершенно случайно, отреставрировал их и вот теперь возвращает сокровища голландскому народу. И эти надутые ученые индо-

ки-эксперты, тщательно изучив картины, вынесли вердикт — они подлинные! Как же ему хотелось признаться, что автор этих признанных «шедевров» — он, Ван Мегерен, но, весьма удачно продав картины, он передумал. Деньги, деньги...

Больше всего Ян промучился, конечно, с «Христом в Эммаусе», который признали одной из самых значительных работ Вермера. (Долго же он тогда хохотал!) Сюжет выбрал просто — явление воскресшего Христа двум его ученикам в Эммаусе. Картина так и будет называться — «Христос в Эммаусе», решил ван Мегерен. Далеко не сразу получилось писать так, как мог бы это делать Вермер, — слишком хорошо он знал и чувствовал технику великого голландца, слишком хорошо ощущал своеобразие его палитры, тонкую игру света и тени, и удовлетворить столь глубокого знатока было совсем просто. Наконец, после семи месяцев ему удалось создать полотно, на котором Вермеру не было бы стыдно поставить свою подпись. Кстати, Вермеровская подпись — предмет его особых забот: он изобразил ее с особым тщанием, а потом специально затер. Оставалось только состарить картину. Сделал он это с похвальной изобретательностью — покрыл картину темным лаком, просушил ее при температуре 100 градусов, а образовавшиеся трещинки — крокелюры — закрасил черной краской. Ни один эксперт не смог бы придраться!

А как ловко он придумал картине биографию! Вернувшись из Франции с «Вермером», рассказывал, как нашел картину в антикварной лавке на юге Италии и нелегально, контрабандой, на парусной лодке, чуть ли не рискуя жизнью, провез картину, это бесценное для любого голландца сокровище, сна-

Ван Мегерен. «Гитаристка».

Работа выдавалась за полотно Вермера

чала в Монте-Карло, а потом в Амстердам.

Да уж, повеселился он на славу, когда картину предъявили на экспертизу самому большому знатоку Вермера Абрахаму Бредиусу, и тот, расчистив затертую подпись «Вермера», признал его авторство. Кто только ни захотел приобрести «Христа в Эммаусе»! В конце концов, фальшивка попала в престижнейшее собрание Бойманса в Роттердаме, а Ван Мегерен заработал на

этом деле 340 тысяч гульденов. Все, как безумные, восхищались найденным шедевром «Вермера», репродукции появились в самых серьезных монографиях по искусству Голландии, на календарях и открытках. Но в этом восторженном хоре зазвучал скептический голос Бредиуса, который вдруг засомневался в подлинности полотна Вермера, но кто ж его тогда слышал!

А потом ван Мегерен еще несколько раз ездил во Францию, и

*Ван Мегерен.
«Письмо».
Работа
выдавалась
за полотно
Вермера*

*Вермер, подлинник.
«Вид города Дельфта»*

каждый раз привозил оттуда новые сокровища голландской живописи: несколько «Вермеров» («Христос и блудница», «Тайная вечеря», «Омовение тела Господня»), картины «Ван Хоха» («Пирующая компания», «Игроки в карты»), а еще — «Тербоха» и «Хальса». Все они попали в самые известные собрания, не устоял даже главный музей Голландии, амстердамский Рейксмузеум, пополнивший свою коллекцию «Омовением тела Господня».

Ван Мегерен стал богатым человеком, о нем как о выдающемся знатоке и открывателе неизвестных шедевров говорили в самых высоких кругах. Пожалуй, его мечта сбылась, и хотя об этом никто не знает, он все-таки доказал миру, что он гений — пишет, как великий Вермер.

И вот теперь такая неприятность. Ну, не смог он устоять перед искушением и решился на столь рискованную операцию — помог агенту Геринга, этому настырному Нидлю, приобрести его «Христа и блудницу». За помощь в организации сделки он получил от немцев миллион гульденов. А теперь разразилась эта безумная травля, и ему грозит смертная казнь!

— Ну, нет, — решает Ван Мегерен, — мне еще рано прощаться с жизнью. Признаюсь, что я — автор

«Христа и блудницы», скажу, что специально подсунул немцам подделку.

Прошла ночь. Решившись на признание, Ван Мегерен впервые за долгое время всю ночь проспал, как убитый, и утром выглядел даже посвежевшим. С нетерпением он ожидал встречи со следователем. Наконец, в камеру вошел надзиратель.

— К следователю!

Следователь Вонинг уже был готов к беседе с подследственным. Но разве мог он предвидеть, что услышит от Ван Мегерена столь сногсшибательные признания!

Ван Мегерен заметно волнуется.

— «Христос и блудница» — моя работа, — собравшись с силами, заявляет он. — Это я написал картину. Я специально так сделал — хотел надуть Геринга и его экспертов.

В ходе следствия Ван Мегерен вынужден сознаться, что он также автор и других новоявленных «Вермеров» — «Омовения тела Господня», «Тайной вечери», «Головы Христа» и даже знаменитого «Христа в Эммаусе».

Адвокаты с огромным энтузиазмом подхватили новый поворот в деле своего подзащитного. Теперь его выставляли как героя, настоящего патриота, не побоявшегося обмануть самого маршала Геринга, безумного нацистского любителя живописи. При этом пытаются затуманить то, что Ван Мегерен многие годы морочил голову почтенной публике — изготавливал фальшивки и с успехом продавал их.

Самое смешное заключается в том, что Ван Мегерену не верят — ученые эксперты доказывают, используя научную терминологию и результаты разных анализов, что Ван Мегерен врет, что все полотна, о которых он говорит, — подлинники! И тогда Ван Мегерен, понимая, что это его последний шанс

сохранить себе жизнь, предлагает следственный эксперимент:

— Я при свидетелях напишу еще одного «Вермера», картина будет называться «Христос среди учеников», и вы все сами убедитесь, что я не лгу.

Следователь Вонинг соглашается. Ван Мегерена привозят в его роскошную квартиру на Кайзерсграхт. В мастерскую доставляют старый холст, краски и кисти. И начинается работа.

В мастерской постоянно дежурят полицейские, заходят эксперты, и это обстоятельство не могло не сказаться на качестве картины. Но, так или иначе, через два месяца она была готова. Полотно показали самым известным специалистам того времени, и только тогда признали, что Ван Мегерен — автор и других «Вермеров», фигурирующих в деле.

И вот 28 октября 1947 года начался суд. Адвокаты Ван Мегерена праздновали победу — грозящее смертной казнью обвинение в коллаборационизме снято! Теперь Ван Мегерена обвиняли лишь в изготовлении подделок произведений искусства с целью обогащения, и ему ничего не оставалось, как признать себя виновным. Встав со своего места на скамье подсудимых, он еле слышно проговорил:

— Признаю свою вину в создании подделок картин великих голландских мастеров.

После недолгого совещания суд объявил вердикт:

— За фальсификацию произведений искусства с целью наживы Антониус Ян ван Мегерен приговаривается к одному году тюремного заключения. Кроме того, Ван Мегерен обязуется вернуть деньги, приобретенные мошенническим путем.

Ван Мегерен вздохнул с облегчением, однако тут же заявил:

*Ван Мегерен
пишет в
заключении
«Христос
и фарисеи»,
1945*

— Уважаемый суд, у меня сейчас нет таких огромных сумм. Можете считать меня банкротом.

Итак, впереди у мошенника — тюрьма, где ему было суждено провести целый год. Однако этого не случилось — с сердечным приступом Ван Мегерен попал в больницу. Лежа на больничной койке, принимая лекарства и улыбаясь медсестре, он продолжал мучительно размышлять:

«Что же в своей жизни я сделал не так? Ведь работал, не жалея ни сил, ни времени, и на самом деле смог создать настоящие шедевры, смог обмануть этих тупых критиков и экспертов, так не хотевших признать меня как выдающегося художника. Теперь я добился настоящей славы. Обо мне пишут, как о народном герое, надувшем гнусного фашиста Геринга. Да, и не будем все-таки забывать, что я на самом деле написал картины, за которые не стыдно было бы гениальному Вермеру. Но неужели, — вдруг

пронзила мысль, — истинный гений — это тот, кто первый, а подражатель, каким бы талантливым он ни был, остается всего лишь подражателем?»

...Ван Мегерен умер в больнице от разрыва сердца 30 декабря 1947 года, умер, так и не отбыв ни одного дня от присужденного ему сроком наказания.

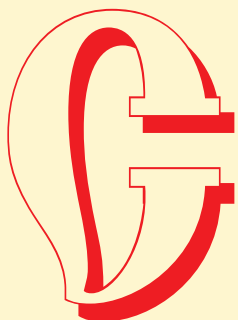
А в 1949 году его последняя подделка — «Христос среди учеников» — была продана на аукционе за три тысячи гульденов.

По-видимому, Ван Мегерен был действительно выдающимся мастером — ведь даже после всех откровенных признаний мошенника, спустя годы после его смерти многие известные искусствоведы, специалисты по творчеству Вермера, так и не смогли поверить в то, что самые удачные подделки Ван Мегерена — «Христос в Эммаусе» и «Последняя вечеря» — не создания великого голландского живописца, а всего лишь фальшивки. □

Пряники,
самовары,
оружие,
подкованная
блоха...

Татьяна
Полева

О СВОИМ САМОВАРОМ

СЮДА НЕ ЕЗДЯТ

... следующим словом в этой цепочке будет Тула. Это — город контрастов: здесь рядом с современными зданиями можно увидеть забытые окна деревенских домов. На улицах до сих пор стоят настоящие антиквариаты — автоматы с газированной водой. На главной площади города — Ленина — напротив здания администрации, построенного в советско-кубическом стиле, высится пустующий храм, поражающий своими немного мрачными куполами, а за всем этим великолепием виднеются зубчатые стены кремля.

Говорят, что землю Тулы никогда не топтала нога врага. Точнее, так: вражья нога никогда не ступала на территорию Тульского кремля, который известен с

1507 года, когда московский государь Василий III повелел построить «город каменной на Туле». Так как исторически Тула оказалась городом, прикрывавшим подступы к Москве с юга, Тульский кремль за свою историю выдержал около 20 осад, в том числе осаду крымского хана Довлет-Гирея в 1552 году. Крымские орды 14 раз приходили на тульские места. Не всякий мог выдерживать жизнь в этом городе. Ведь в любой день и час нужно было быть готовым с оружием в руках выйти на кремлевскую стену, чтобы отразить очередное нападение врага.

Еще одно испытание выдержал город и его защитники летом 1607 года, когда войска царя Василия Шуйского, пытаясь подавить крестьянское восстание во главе с народным вождем Иваном Исаевичем Болотниковым, окружили город, под защиту укреплений которого отступили вставшие и присоединившиеся к ним многие туляки. Сотысячное войско привел царь к Туле, имея пятикратный перевес над силами восставших. Артиллерия обстреливала город, неод-

нократно устраивались штурмы, но все усилия оказались тщетны. Безуспешная осада Тулы длилась четыре месяца.

Он и сейчас стоит, красавец кремль, в центре Тулы. Подходя к нему ближе, невольно проникаешься ощущением крепости, прочности, надежности, несмотря на то, что выросший почти за пять веков культурный слой сделал его стены и башни значительно ниже, чем это было в XVI веке. Если мы пройдем по периметру кремля, то увидим, что это почти правильный прямоугольник, стены которого протянулись более чем на километр и охватывают территорию около шести гектаров.

В кремле в 1685 году возвели каменный пятиглавый Успенский собор. Это так называемый холодный храм, который построили только для летних служб. Роспись храма, созданная школой ярославских мастеров, уже вызывала обеспокоенность у специалистов — многочисленные трещины по штукатурке разрушали ансамбль фресок. А уж морозы прошедшей зимы стали для Успенского храма настоящим

испытанием. Как только температура понизилась, началось резкое осыпание штукатурки, фрески разрушались на глазах. Сейчас специалисты-реставраторы продумывают ряд мероприятий по восстановлению фресок. Однако храму, одному из символов Тулы, требуется комплексная реставрация, но денег на работы до сих пор нет. Между тем храм продолжает быть действующим, и по большим церковным праздникам он открывает свои двери всем желающим. На территории кремля находится также Богоявленский собор, собственно, собором уже не являющийся — он был сильно перестроен, и ныне в его здании находится знаменитый музей оружия.

Оружейный промысел в городе развивается с конца XVI века, а с XVII века Тула становится центром железоделательной промышленности. В 1712 году, по указу Петра I, здесь основан оружейный завод. С тех самых пор тульские оружейники стали изготавливать пушки, ружья, сабли, пистолеты... В 1724

году был основан музей оружия в Туле, один из старейших в стране, в котором экспонируются и хранятся уникальные коллекции оружия от времен Куликовской битвы до наших дней. Началом сбора образцов оружия стал Указ Петра I: «Старинные пушки и фузеи не переливать и не портить, а сдавать как курьезы в

цейхаузы на сохранение». В декабре 1775 года Екатерина II распорядилась на Тульском оружейном заводе создать Палату редкого и образцового оружия. Однако в музее можно увидеть и современное оружие. Многие образцы, стоящие сегодня на вооружении самолетов, кораблей и бронемашин, не имеют аналогов за рубежом. Еще пара интересных экспонатов: миниатюрное ружье, рассмотреть которое можно только под микроскопом, и блоха, подкованная, правда, не Левшой, а современными специалистами в 2002 году.

Следующая ассоциация с Тулой — самовар. В нашем языке словосочетание «тульский самовар» давно стало устойчивым. Нелепый поступок мы часто сравниваем с поездкой «в Тулу с собственным самоваром». Где и когда появился первый самовар? Кто его изобрел? Неизвестно. Известно лишь, что, отправляясь на Урал в 1701 году, туль-

ский кузнец-промышленник И. Демидов захватил с собой и искусных рабочих, медных дел мастеров. Возможно, что уже тогда в Туле изготавливались самовары.

О появлении первых, документально зафиксированных самоваров в Туле известно следующее. В 1778 году на улице Штыковой, что в Заречье, братьями Иваном и Назаром Лисицыными изготовлен самовар в небольшом, поначалу, первом в городе самоварном заведении. Основателем этого заведения был их отец, оружейник Федор Лисицын, который в свободное от ра-

боты на оружейном заводе время построил собственную мастерскую и упражнялся в ней всякого рода работами по меди. С середины XIX века чаепитие из самовара стало на Руси национальной традицией. Самовары, сделанные руками тульских мастеров — это подлинные произведения искусства, которым также был уделен отдельный музей. Находится он прямо под стенами кремля в здании, напоминающем скорее какой-то театр.

Сказав про самовары, нельзя не сказать о знаменитых тульских пряниках. В городе оружейников было много мастеров пряничного дела. Для того чтобы придать своим изделиям оригинальную форму с удивительным витиеватым рисунком, хлебопеки использовали пряничные доски, которые в те далекие времена создавались оружейниками. Резали их из груши или березы, доски получались крепкими, долго держали узоры и надписи и, как считалось, придавали пряникам

особый вкус. Рецепты теста хранились в строгом секрете и передавались по наследству только сыновьям. Результаты этих трудов можно увидеть в музее пряников, одном из самых молодых музеев Тулы. Он расположен в архитектурном комплексе начала XIX века в бывших флигелях оружейников и самоварщиков братьев Лялиных, здесь же находится цех по выпечке пряников и фирменный магазин «Пряник Тульский».

Закупиться пряниками, самоварами, прогуляться по историческо-современной Туле — обязательные пункты программы посещения этого города. Но ни в одном путеводителе не напишут, что здесь «вы сможете попробовать настоящий вкус советской газированной воды и ощутить настоящий шок от контрастов города». Тула не производит абсолютно положительного впечатления: кажется, добрая половина зданий нуждается в реставрации. Но приехать сюда стоит хотя бы для того, чтобы посмотреть на подкованную блоху и самовар размером с человека. □

Любовь Русева

Личная Гвардия Светлейшего

«Одно дворянское достоинство
вследствие происхождения
не даёт ещё ровно никаких преимуществ,
и только служба Родине и заслуги перед нею
делают человека выше и знатнее»

Петр I

Вьюга никак не уймется, воеет-завывает, тоску навеивает. А в доме на Малой Никитской тепло и уютно. Мальцы, затаив дыхание, слушают своего старого отца, заслуженного генерала.

— Служил я тогда под графом Шереметевым. Фельдмаршал зачислил меня капитаном в полк Карташева. Взяли мы Ниеншанц, а дня чрез два в море показалась вражеская эскадра супротивника. Вскорости шведская шнява да большой бот бросили якоря в Неве.

И пожелал государь сии корабли полонить. Гвардейцы да некоторые из нас на лодках в устье пробрались, темноты в камышах дожидаемся. А ночь, как назло, ясная выдалась. Незаметно подобраться — никак, а на вражьих посудинах — пушки. Потопят, как пить дать! Но тут фортуна нам улыбнулась: откуда ни возьмись, тучи налетели, да такой дождина хлынул, точно небеса разверзлись.

Капитан-бомбардир приказал атаковать. Пока мы с Данильчем с тылу заходили, государь по течению спустился. Шведы как заприметили его отряд, пальбу открыли, паруса распустили, чтоб к своим, значит, уйти. Да не тут-то было. Фарватер-то узкий — скоро не развернешься, а тут мы подоспели, облепили наши лодки их посудины. Что тут началось! С неба на нас молнии с громом сыпятся, а с их кораблей — ядра, гранаты да пули. Мы в ответ — из ружей. Только несподручно нам стрелять да гранатами их закидывать — Нева волнуется, лодки наши, играючись, швыряет, водой нас заливают. Треск, грохот, свист, крики.

Хоть и не новички мы, а оробели, но как глянули на государя да на Светлейшего, зазорно стало — такими они орлами смотрелись! Первые на abordаж устремились. Закидали мы их корабли кошками. Швед стреляет, рубит, а мы лезем. Он в нас — гранатами да всякой дрянью, а мы лезем. На палубах в такой рукопашной схватились — загляденье! Любо-дорого с достойным противником дело иметь... Вот за сию викторию и удостоил меня государь медалью, на коей начертано «Небываемое бывает». Тогда же Петр Алексеевич, в знак особой милости к Светлейшему, и учредил полк, коим я впоследствии командовал.

Петр за эту победу удостоил своего любимца Данильча невиданной привилегией, которой до тех пор пользовались на Руси исключительно цари: содержать на свой счет телохранителей, другими словами — гвардию. В именном указе от 19 июля 1703 года говорилось: «... избрать из всяких чинов тысячу человек самых добрых и взрачных людей. А быть им в полку губернатора Александра Даниловича Меншикова особым полком...»

Обо всем генерал рассказал, да только о главном забыл упомянуть. В битавой той он был в одной лодке с Меншиковым. Как только вплотную приблизились к шняве, Орлов зацепился кошкой за борт.

— Осторожно, Григорий!

Меншиков выстрелил в целившегося шведа, тот вывалился за борт, остальные отпрянули. Когда Данильч оказался на палубе, Орлов дрался в окружении. Меншиков врзался в гущу да чуть не погиб. Спасая его, богатырь хватал в охапку шведов и, словно щенков, выбрасывал за борт.

Меншиков, когда вышел указ о создании Ингерманландского полка, вспомнил богатыря. Так Григорий Иванович оказался в полку Александра Даниловича. Вскоре, по приказу Светлейшего, и его братья один за другим были переведены в его личную гвардию. Он знал их давно и с симпатией относился к этим породистым витязям.

Род Орловых отличался громадным ростом, несметной силой, статью да красотой. Детей в семьях всегда много было, к тому же рождались в основном мальчики. Сыновья Ивана Ивановича как две капли воды друг на друга походили. Вот из-за этой особенности случались с ними курьезы.

Еще до начала войны со шведами случилось Григорию стоять в карауле у дверей дворца. Петр обратил внимание на красивого богатыря.

— Ты кто будешь? Чей сын? — резко бросил царь стражнику.

— Орлов я, Григорий, Иванов сын, — степенно ответил тот.

Солдат не оробел и не отвёл взгляд. Петру это понравилось.

— Годов-то тебе сколько?

— Дюжина стукнула, — важно приосанился Григорий.

Петр удивился, он думал, перед ним его одногодка.

— А не врешь?

— Отродясь не брехал, — обиделся юнец.

Дерзость и неотесанность молодца Петру тоже пришлись по душе.

— И много у отца твоего богатырей таких?

— Акромя меня, шестеро, государь. — Орлов явно был горд.

— С такими орлами мы турку побьем! Как думаешь, Алексашка?

— Побьем, непременно побьем, — улыбнулся тот и подмигнул.

По сердцу пришлась служба Григорию, через два года он штурмовал турецкие крепости. Время шло, братья его подрастали и пополняли ряды воинов. Последним на царскую службу вступил Михаил...

Меншиков научился различать братьев и потешался над офицерами, не знавшими, что их четверо. Даст генерал поручение одному, а через минуту увидит другого.

— Подь сюды! Фамилия?

— Орлов.

— Я что тебе приказал?

— Не могу знать, ваше высокоблагородие.

— Каналья! Я велел доложить государю, что бот прибыл. Выполнять!

Не успеет Орлов исчезнуть, как появляется третий.

— Ты здесь, собачий сын? — Лицо генерала покрывалось багровыми пятнами.

— Так точно, ваше высокоблагородие.

— Ты был у государя?

— Никак нет.

— Вон, мерзавец! Под арест! Повешу собаку!

Но когда спустя несколько минут «собака» появляется в форме сержанта, бедного генерала едва не хватает удар.

— Подь сюды! — рычит он. — Фамилия?

— Орлов, ваше высокоблагородие.

Тут один за другим возвращаются первые два брата с докладами о выполненном поручении. Вслед за ними — разгневанный донельзя царь.

— Ты что, белены объелся? С одной вестью всю армию ко мне слать! Пошто Орловых ко мне пригнал? Благо, не все здесь.

— Я... Но... Сколько же их?

— Отошли ты их домой, государь, — подал голос Меншиков, — не то вскорости ни одного не досчитаешься.

Сказание о Добром

Богата боевая история Ингерманландского полка, покрыли себя неувядаемой славой гвардейцы Светлейшего. Боевое крещение получил полк при осаде Дерпта и Нарвы, брал столицу Курляндии Митаву, участвовал в славном сражении при Калише, находился с армией в блокированном Гродно...

1708 год стал новым этапом в Северной войне — Карл XII перешел границы России. 4 августа 1708 года армия его переправилась через Днепр и пошла к Мстиславлению, где с главными силами стоял Петр. Меншиков приказал своей гвардии переправляться через Сож небольшими отрядами, изводить неприятеля постоянными стычками и добывать «языков». Те отличились, пленных чуть ли не каждую ночь таскали, а тут выкрали из деревни спящего шведского полковника, от которого узнали, что 2 полка, отделившись от правого крыла, стали у деревни Доброе. Петр приказал Голицыну и Флюку уничтожить их. Русские полки шли всю ночь, перед рассветом вышли к речке Черная Напья.

Голицын приказал Флюку с семеновцами и вятичами обойти деревню и ударить во фланг. Сам он собрался атаковать село с остальными полками.

Наступал рассвет 29 августа 1708 года... Тихо в Добром, видно, сладко спится шведу. Молочный туман, клубясь, поднялся над Черной Напью, пополз на село, неся на своих крыльях смерть. Гвардия Меншикова стоит в боевом порядке. Две тысячи «самых добрых и взрачных» ждали приказа: «Вперед!» Командиры батальонов благословляют своих воинов.

— Орлы мои, идем на шведа, коего втрое больше. — Зычный голос Орлова доносился до каждого солдата его батальона. — Швед в Европе славится непобедимым, но вы его били. Дружно да бесстрашно пойдем — так и на сей раз его побьем! Братья наши, что живота вчера лишились, с надежей взирают на нас! Не на шведской земле они головы сложили — на русской! Враг должен знать, что русский ни с мечом, ни с калачом не шутит. Доброе на то и доброе, чтоб сеча сия для нас доброй викторией увенчалась. За Рассею-матушку, за царя батюшку, — с Богом! Вперед!

Молча двинулся полк на село, молча речку перешел, выровнялся. Тут забили барабаны, выбивая дробь в такт шагу. Стройно идет гвардия Светлейшего, дружно идет, на смерть идет. А в стане врага переполох. Жутко, видно, шведам, от ратной музыки кровь в жилах стынет. Врага не видно сквозь пелену, а дробь все ближе, ближе, ближе... Забили тревогу шведы, засуетились, но не трусили, не побежали.

Туман растаял. Вот он враг! Пехота ускорила шаг. Синим частоколом стоят шведы на околице, зеленой стеной надвигаются русские.

— Гренадеры! Шаг ускори! Гранаты к бою приготовь!

Орлами летят ингерманландцы на врага, усыпая землю русскую сынами русскими. Шведы львами встретили. Звон да стон над лесами-полями. Рубятся насмерть сыны человеческие...

Сеча разгорается, воздух накаляется. Хоть и храбро бьются русичи, да и шведы не лыком шиты, напирают.

— Да это и не швед вовсе, а змий о трех головах!

И смешались тут мундиры зеленые да синие, перемешались знамена с орлами да львами. Рубятся сыны человеческие, кровушкой землю орошают. Да швед, видно, не о трех головах, а о двенадцати — на смену павшим новые идут. Русским же неоткуда подмоги ждать, вот и бьется каждый за десятерых.

Застонала земля, задрожала — это конница прискакала. Меншиков ее привел. «Ура-а-а!» — ремело по полю. Мнут, топчут, рубят, к лесу шведа гонят... Пехота воспрянула, врага догоняла, добивала.

— Крепка рать воеводу! Полковник своего полка в беде не бросит.

Закончился бой. «Природные шведы» разбиты, три тысячи потеряли убитыми, раненых много на поле лежит, остальные болотом ушли. Наших полегло 375.

Дым еще весь не рассеялся, когда король подошел к Доброму. Карл в бешенстве рвет на себе волосы, бьет кулаками себя по щекам. Да и было от чего бесноваться: разгром полков полный. Петр ликует: армия его крепнет, учится бить врага, и первый успех — победа при Добром. Мало что разгромили вышколаемые полки в меньшинстве, так еще и с малыми потерями. Благодарен царь полкам.

— Я такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал! И такого еще в сей войне король шведской ни от кого сам не видал. Благодарю вас, братцы, что сей танец в очах горячего Карлуса станцевали. Боже! Не отними милость свою от нас впредь!

Но через месяц произошла еще более славная битва, которую Петр назовет матерью Полтавской виктории. И в этой сече гвардии Светлейшего досталось больше всех.

Карл продолжал наступать на пятки Петру. К королю спешил с обозом и войсками Левенгаупт. И снова, как месяц назад, об обозе Петр узнал от «языков» и также он не предполагал, сколько с ним полков. Провианта Карла лишить, — решил царь. Сформировал корволант (летучий отряд) в 11,5 тысяч да выступил. Только шведов вмести 8 тысяч оказалось 16. Шлет гонца Петр за подкреплением.

Появление корволанта для Левенгаупта — полная неожиданность: кругом густые леса, труднопроходимые болота. Откуда здесь коннице взяться? Отступил генерал к деревне Лесной, выставил на передовой позиции шесть батарей. Не дал полководец русским дожидаться подкрепления, навязал им бой. Вся картечь батарей досталась княжеским гвардейцам, которые едва выстроились для атаки.

Жаркая битва была, упорная. Пушкари уже едва на ногах стоят, руки солдат ружья не в силах держать. Пришлось прервать сражение. На землю повалились противники, на расстоянии половины пушечного выстрела друг от друга. А спустя два часа с новой силой баталия разгорелась.

Под Лесной шведы потеряли убитыми и ранеными половину, 876 попало в плен, 17 пушек, 44 знамени и 6000 подвод (весь обоз) достались Петру.

«Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало; к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем. И по истине она виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей, конечно, ободрила, и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячному времени оное младенца счастье произвела».

Ингерманландский полк участвовал и в Полтавской битве, и под Переволочной, где вся шведская армия сдалась Меншикову...

С 1713 года полком стал командовать Орлов. При нем гвардейцы Светлейшего превратились в морских десантников. К началу 1714 года полк вошел в состав Финляндской армии.

После Полтавского разгрома шведская армия была сильно ослаблена, но оставался флот. За него и взялся Петр.

Галерным флотом (99 судов) командовал Апраксин, а корабельным — сам Петр, у него было 13 судов, на которых и находились ингерманландцы. В полдень 27 июля на флагманском корабле адмирала Апраксина взвился синий флаг, раздался пушечный выстрел. Началось знаменитое Гангутское сражение. Авангард русского флота под командованием царя атаковал контр-адмирал Эреншильд, находившийся на фрегате «Элефант». Превосходство в артиллерии (116 пушек против 23) не остановило русских.

Каждый корабль противника приходилось брать приступом. Последним захватили «Элефант». Эреншилд пытался спастись бегством на лодке, но, несмотря на густой пороховой дым, стоявший над водой, его не упустили. Это был первый случай, когда командующий флотом попал в плен, и захватили его гвардейцы Светлейшего.

Победа русских вызвала панику в Стокгольме, поскольку после нее Петр занял Аландские острова, расположенные в 15 милях от шведской столицы. Гангутская виктория оповестила Европу о появлении нового государства с мощным флотом.

Полковник личной гвардии

Петр имел возможность убедиться в личных качествах Орлова. Ему поручил царь командовать отрядами в самое тревожное время. В разгар Северной войны, когда еще не был ясен ее исход, когда Карл XII уже поделил Россию и назначил коменданта Москвы, Петру был нанесен удар в спину — вспыхнуло булавинское восстание.

Царь бросил на подавление бунта войска, отдельными частями командовал Орлов. В том, что опасность была ликвидирована как раз в канун вторжения шведских войск в российские пределы, немалая заслуга и Григория Ивановича. Царь не забыл этого, и в 1713 году Орлов, по именному Высочайшему указу, был пожалован в полковники. Он возглавил личную гвардию Светлейшего.

Опала Меншикова обернулась репрессиями против его верных гвардейцев. Григория Ивановича разжаловали в рядовые и на три года сослали на каторгу, но вскоре его вернули и восстановили в звании.

После смерти императора Орлова «с командой» послали в полки Низового корпуса, затем он воеует на Кавказе. Где только ни служил Григорий Иванович. В 1735 году его послали в Вятскую провинцию для следствия «по донесению бывшего воеводы этой провинции Чернавского с товарищами о «Смертоубийствах, тиранских мучениях и лихоимственных взятках», производимых обывателям штаб, обер и унтер офицерами и прочими чиновниками...»

Через три года Орлов, которому перевалило за 60 лет, подает в отставку «за старостию и дряхлостию и что в голове имеет обморок». Императрица Анна Иоанновна разрешила удалиться старому вояке для поправления здоровья в Москву на три года. И за военные заслуги наградила рангом. Недолго генерал находился на отдыхе. Дочь Петра Великого — Елизавета Петровна, сев на трон, назначила Орлова сначала вице-губернатором, а потом и губернатором Великого Новгорода.

С именем генерала Орлова связана и попытка отмены в России пыток. Блюм в своих записках, говоря о графе Сиверсе, пишет: «Предместником Сиверса по должности новгородского Губернатора был, при Елизавете, отец Григория Орлова, Григорий Иванович Орлов. В одном судебном деле того времени возникло сомнение: предавать ли пытке преступника. Товарищи Губернатора, с Прокурором, высказались за пытку, но Губернатор, которому принадлежал решительный голос, отстранил пытку как ненадежный способ для открытия истины, и решил дело без пытки. Сиверс вспомнил об этом при случае, когда пришлось разрешить подобное же сомнение, и рассказал эту историю Государыне».

Григорий Иванович был женат дважды. Кто первая супруга — пока не известно. По-видимому, первая жена развелась с мужем, когда он был сослан, что разрешалось указом императора. Вторично Григорий Иванович женился в 53 года. Жене его, Лукерье Ивановне, урожденной Зиновьевой, было всего 16 лет. У них родилось 9 сыновей, из которых 4 скончались младенцами.

Первый день Масленицы 1745 года выдался на Москве морозным и ясным. В доме генерал-майора Григория Ивановича Орлова подготовка к празднику была в

разгаре. Лукерья Ивановна хлопотала на кухне, готовясь к встрече дорогих гостей. Григорий Иванович, несмотря на праздник, в опочивальне просматривал счета управляющих.

Каждый из сыновей занимался своим делом. Старший, Иван, мастерил салазки для младшего брата. Федор, Михаил и Владимир увлеченно лепили снеговика. Двенадцатилетний Григорий, не в пример братьям, был занят серьезным делом: трудился на благо Отечества. Слушая сетование отца по поводу плохих пушек, он решил прийти на помощь российской армии и усовершенствовать осадную артиллерию.

Он раздобыл чугунную трубу (не беда, что ржавая, ржу слегка почистил) и заклепал ее с одного конца. Самым сложным оказалось пробить отверстие для запала пороха. Наконец, и с этим справился. Правда, вместо дырки получилась звездочка, но так даже краше. Григорий энергично утрамбовывал порох.

— А коли разорвет ее? — беспокоился Сеня, сын конюха.

— Не бойсь, Сенёк, наша пушка надежна. Ядра давай.

Григорий установил трубу (в смысле пушку) на бревно, направил ее на мишень (старый котел), и привязал свое изобретение бечевкой. Затем он вынул затычку и втиснул в отверстие один конец бечевки, смоченной лампадным маслом.

— Ты укройся, — приказал Григорий Сене, — а я фитиль подожгу.

Сенёк спрятался за дерево. Григорий обсыпал порохом фитиль, поджег и в несколько прыжков оказался рядом с другом. Раздалось шипение, пушка, разорвав гнилые пути, завертелась волчком. Оглушительный взрыв потряс округу, а спустя мгновение со стороны дома послышался звон разбитого стекла. Да, прицельный выстрел не удался... Одно ядро снесло голову снеговiku и угодило в окно...

— Та-а-ак! — в дверях появился Григорий Иванович, одной ладонью он прижимал рассеченный лоб, а в другой держал камень. — Григорий, собачий сын!

Из-за деревьев показались испытатели. Их взгляд исподлобья мало походил на гордый взор победителей. Мальчики не пострадали во время взрыва, только места ми их кафтаны висели клочками.

— Твоя работа? — Григорий Иванович вытянул руку с камнем.

— Пушку смастерил, навел на котел... а она, точно взбесилась, завертелась, запрыгала, а потом неведомо с чего — в куски...

— Пушку, говоришь... — Григория Ивановича распирал гнев. — В куски, говоришь... Я тя предупреждал, чтоб ты сии забавы бросил? Отвечай!

— Так, ить сам сказывал, что турка да швед не угомонятся, а пушки наши плохи... — Григорий посмотрел отцу в глаза.

— Цыц, щенок! А отчий дом крушить заместо шведской крепости да отца родного, аки турка поганого, бить — тоже я сказывал?!

— Сей алтирейрист год у меня сидеть не будет! — процедил сквозь зубы конюх, хватая сына за ухо.

— Погоди, Матвей, может, твой и не виновен! Степан, в арестантскую сих разбойников! На поле брани косточки не сложил, так дома живота лишить норовят... — ворчал старый генерал, возвращаясь в дом.

Генерал Орлов сумел воспитать истинных граждан России, достойных девиза на родовом гербе «Твердостью и постоянством».

Пять братьев Орловых заслужили графский титул и прославили свое Отечество. «Только служба Родине и заслуги перед нею делают человека выше и знатнее».

Отец героев скончался 1 апреля 1746 года. Он и его супруга были похоронены в церкви Георгия Победоносца, что на Всполье. □

Шарль Эксбрайя

Клан Морамбер

иллюстрация
Льва
Рябинина

иллюстрация
Льва
Рябинина

Пролог

Жандарм Мэ был счастливым человеком, а раз он сам был счастлив, то и другим желал того же. Однако не обладая властью ни сделать всех похожими на себя, ни расспрашивать близких об их сугубо личных проблемах, Мэ ограничивался тем, что просто-напросто любил людей, а к животным и растениям испытывал нежность в духе святого Франциска Ассизского. Он печалился о судьбе бродячих и сидящих на цепи собак, восхищался величавой красотой деревьев, ценил тишину полей и, наконец, в любом создании славил бесконечную доброту Создателя.

Альбер гордился своей профессией, тем более что форма ему удивительно шла. Работа жандарма казалась ему благороднейшей на свете, и всякий раз, объезжая окрестности Ардеша (как в тот день, о котором идет речь), парень чувствовал себя своего рода деревенским божком, призванным охранять крестьян. Мэ настолько радовался жизни, что испытывал братскую симпатию даже к своему коллеге, толстому Оноре Трануа, которого возраст, вес и перспектива скорой отставки неизменно поддерживали в сонном оцепенении. Вот и сейчас Трануа мирно дремал на сиденье рядом с Альбером и ни разу не возмущился, когда маленький полицейский автомобиль подбрасывало на очередном ухабе. Альбер был даже благодарен спутнику за молчание — таким образом ничто не мешало ему спокойно мечтать о своей Мари-Клер, которая сейчас наверняка ждет его в жандармерии и готовит любимое блюдо — свинину с чечевицей.

Переполюнявившая жандарма Мэ радость бытия в значительной мере объяснялась тем обстоятельством, что полгода назад он женился на девушке из Сен-Марсель-дез-Анноней, и с тех пор молодые супруги переживали нескончаемый медовый месяц в маленькой квартирке при жандармерии Ламастра, которую администрация предоставила им в виде свадебного подарка.

Заметив, как из травы придорожной канавы между Клуаком и Сен-Жан-Шамбр торчит пара женских ног, Мэ почувствовал, что у него отчаянно сжалось сердце. Поравнявшись с телом, он так резко затормозил, что вырвал из блаженного забытья жандарма Трануа. Толстяк Оноре на дух не выносил подобной грубости.

— Ты что, взбесился, Альбер? — сердито проворчал он.

— Гляди!

Трануа снизошел до небольшого насилия над собой и слегка приподнялся, дабы лучше видеть. Мнение его выразилось в кратком возгласе «Господи!», не требовавшем никаких комментариев.

Остановившись на краю канавы, коллеги молча разглядывали труп — а в том, что распростертая у их ног женщина покинула сей бренный мир немало часов назад, можно было убедиться и без медицинского диплома. Фигурка несчастной выглядела трогательно юной, и, даже еще не видя лица (женщина лежала ничком), Мэ понял, что ей нет и тридцати.

— Могу тебе сразу сказать, эта крошка вся переломана... должно быть, по ней проехалась очень мощная тачка... но наверняка не грузовик — иначе все выглядело бы еще гаже... — заметил Трануа.

— Думаешь, ее сшибли?

— Еще бы! Погляди вон на ту вмятину сбоку и на положение ноги. По-моему, у бедняги весь таз всмятку и сломаны ребра.

— Подонок!

— Ты о ком?

— Да о типе, который это сделал и смылся! Не может быть, чтобы на свете водились такие мерзавцы!

Оноре похлопал приятеля по спине.

— Эх, дружок, повидал бы ты с мое, мы бы потолковали о человеческой подлости!

— Ладно! Что толку болтать? Рванем следом, а? Мне бы ужасно хотелось минут пять с глазу на глаз провести с этим подлым убийцей!

Трануа пожал плечами.

— Сейчас он, наверное, уже далеко... Займемся-ка лучше барышней... — Он тяжело спустился в канаву и, нагнувшись над мертвой, деликатно ощупал тело. — Вмятку... как я и говорил... Надо думать, тот тип чертовски спешил!

Альбер уже успел позвонить в жандармерию, сообщить координаты и попросить прислать «Скорую помощь». Он собирался присоединиться к Оноре, но, услышав негромкое восклицание, замер.

Мэ подошел поближе.

— Ты уверен?

— Еще бы! Это Ивонна с фермы Машей, дочка Барнабэ.

— Бродяги?

— Ага, его самого! — Толстяк немного помолчал. — Подумать только, не позднее как в прошлое воскресенье я видел Ивонну в кафе, и она мне сказала: «Смотрите на меня хорошенько, месье Трануа, недолго мне тут осталось!» Бедняжка и не догадывалась, что так напорочила...

Тем и кончились надгробные речи об Ивонне Салиньи на пустынной дороге, где, кроме нее и двух жандармов, никого не было.

Под суровой внешностью вдовы Коломбье, высокой, сухопарой и рано поседевшей пожилой женщины, скрывалось золотое сердце. Потеряв на войне мужа, она щедро делилась с окружающими неизрасходованным избытком нежности. Зато и у самой вдовы не было ни единого врага. Даже самые отпетые ворчуны склоняли головы перед ее мужеством и упорством в работе. Когда появились жандармы, вдова Коломбье грузила в ручную тележку навоз. Оноре взял переговоры на себя — он знал вдову больше десяти лет и, подобно прочим местным жителям, питал к ней большое уважение.

— Привет, Мария! Как дела?

— Нет времени об этом думать! Должно быть, нормально. Вы пришли болтать?

— Не совсем.

— Вот как?... Ну, так зайдите все-таки в дом, а то, не ровен час, кто-нибудь подумает, что вы решили меня арестовать!

Жандармы следом за матушкой Коломбье вошли в просторную комнату, занимавшую весь первый этаж. Гигантский очаг напоминал о временах, когда здесь собирались многочисленные домочадцы. На крюке дымился чугунный котел. Войдя первой, Мария тотчас обернулась к гостям и прижала палец к губам, а потом указала на стоявшую возле окна колыбельку.

— Только не будем разговаривать слишком громко, — шепнула она. — Я не хочу будить малышку...

— Чей это ребенок?

— Да ну вас, Оноре! Как будто сами не знаете! Ивонны Салиньи, конечно... Вчера вечером она уехала в Ламастр и собиралась там же заночевать.

— У кого?

— Этого она не сказала. Да я и не спрашивала. Ивонне-то уже двадцать восемь годков стукнуло, у нее есть своя девчушка, а потому, коли она с кем и крутит роман, так уж заранее знает, что к чему.

— У Ивонны есть ухажер?

— А что, по-вашему, она недостаточно хороша для этого?

— И кто он такой?

Вдова пожала плечами.

— Ивонна не очень-то любит болтать, особенно о своих делах... Но янисколько не удивлюсь, если это отец девочки. Но, так или этак, а он назначил ей свидание на дороге в Клуак и обещал отвезти в Анноней.

— А почему не заехал сюда?

— Может, меня стеснялся? Я жуть как не люблю тех, кто бросает подружку с ребенком, и наверняка высказала бы все начистоту и ему тоже. Видать, Ивонна об этом догадывалась и посоветовала своему милому не казать сюда носа. Странно только, что она до сих пор не вернулась, хотя обещала успеть до первого кормления — я-то к таким вещам не привыкла. Куда уж мне управиться с годовой крохой!

Мэ не знал, каким образом его коллега собирается сообщить вдове печальную новость. Однако, к его огромному удивлению, Трануа вел себя на редкость тактично.

— Ивонна — порядочная женщина?

— А будь это не так, я бы, по-вашему, позволила им с ребенком жить у меня? Просто ей не повезло... мало ли таких горемык... И потом, Ивонна — хорошая мать, а уж если отец девочки и впрямь одумался, то и слава Богу... Но почему вы расспрашиваете меня об Ивонне? Уж не из-за нее ли вы пришли сюда?

— В какой-то мере — да...

— Иисусе! Неужто Ивонна что-нибудь сотворила?

— Нет, ничего плохого она не сделала, бедняжка...

— А почему «бедняжка»?

— Дело вот в чем... С вашей Ивонной, Мария, случилось несчастье... большое несчастье... короче, несчастный случай.

— Несчастный случай? Да говорите же толком!

— Очень серьезный... честно говоря, серьезнее вообще не бывает.

— Надеюсь, вы не имеете в виду, что она...

— Увы, да, Мария. Сегодня, когда Ивонна хотела срезать кусок дороги и добраться до вас через поля, ее сбил какой-то лихач. Одно утешение — что бедная девочка не страдала... скончалась на месте...

Вдова тяжело осела на стул.

— Господи Боже, это просто невероятно... невероятно, — простонала она. — Ивонна так радовалась жизни, так умела веселиться... И эти вечные планы... По правде говоря, она мне здорово прожужжала все уши насчет того, чем собирается заниматься, когда уедет отсюда...

В это время в колыбельке завозился ребенок.

— А с этой крошкой что станется? — нервно спросила матушка Коломбье.

— На какое-то время вам придется оставить ее у себя... А там видно будет... Наверное, отправят в ламастрский приют.

Вдова беззвучно заплакала.

— У малютки и так не было отца, а теперь еще и матери нет! Вот уж никто не скажет, что она родилась под счастливой звездой, сиротинушка...

— Быть может, отец, узнав из газет о смерти Ивонны, придет за дочкой?

— Хотелось бы верить...

— А нет ли у вас каких-нибудь догадок насчет того, кто бы это мог быть?

— Нет... Ивонна не обмолвилась о нем ни словом... Но, думаю, он горожанин и не из бедных.

— С чего вы взяли, что парень богат?

— Каждый месяц Ивонна получала очень приличный чек... его приносил почтальон.

— А откуда посылали чек?

— Я не спрашивала.

— А почтальон знает?

— Чек лежал в запечатанном конверте, без обратного адреса.

— Но деньги по нему, Ивонна, наверное, получала в Ламастре? — вмешался Альбер.

— Само собой!

— Ну, так мы справимся в банке.

— Это все, Мария? Вам больше нечего нам рассказать? — снова спросил Оноре.

— Нет. Разве что бедняжка Ивонна едва успевает принести деньги домой, как сюда тащится ее побродяжка папаша. Вечно он пытался вытянуть из нее как можно больше! Но только я-то на что? Не будь этот тип отцом Ивонны, я бы вилами выставляла его за ворота раз и навсегда!

— Похоже, вы не питаете особо нежных чувств к Барнабэ, а?

— Из-за таких созданий можно возненавидеть всех двуногих! Немыслимый лодыр! И только одно на уме — как бы накачаться по ноздри со своим дружком Филибером! Совести не больше, чем у скотины, да только скотина-то хоть чистая!

Оба жандарма отлично знали двух старых бродяг, которых им не раз случалось подбирать на улице в зимний вечер мертвецки пьяными и запирать на ночь в камере, чтобы не замерзли насмерть. За это бродяжек заставляли потом мыть участок.

— А где сейчас Ивонна?

— В больнице.

Провожая гостей, вдова все еще жалобно причитала:

— Нравилась она мне, Ивонна-то... Жила тут, вроде как дочка или, там, племянница... Само собой, мы о многом судили по-разному... Поколение ведь другое, правда? Работу она не шибко любила... немножко воображала о себе... думала, однажды и вправду станет дамой... Может, это из-за отца малышки?

За долгие годы службы Оноре Трануа в основном отлавливал кочевников — цыган и бродяг, а потому отлично изучил их привычки. Садясь в машину, он объяснил Мэ, что, если у Барнабэ завелись деньжата, он наверняка пьянствует с неразлучным Филибером в кафе «Бозиль». А коли старик без гроша, его надо искать на опушке леса, неподалеку от дороги в Сен-Базиль. Там Барнабэ сварганил что-то вроде шалаша, где ночует и хранит немного провизии на черный день — в основном черствый хлеб, сардины в банках и несколько литров красного вина.

Жандармы нашли Барнабэ в его лесном укрытии. То был мужчина лет шестидесяти, который, несмотря на непропорционально короткие ноги, мог бы, пожалуй, производить приятное впечатление, если бы, с одной стороны, ему хоть изредка приходило в голову помыться, а с другой — не будь на лице столь страшной печати хронического пьянства. Когда на пороге появились жандармы, Барнабэ как раз только что отхлебнул красного вина из литровой бутылки и, вежливо протерев горлышко грязным рукавом, протянул верному Филиберу. Тот с восторгом схватил бутылку. Еще один отброс общества... Родившись в деревне, Филибер опасался слишком удаляться от полей. Его длинная, иссохшая, как плеть, и как бы вытянутая фигура производила довольно забавное впечатление.

— Господи, какая вонь! — воскликнул жандарм Трануа. — Настоящий хлев!

Барнабэ, мужик далеко не глупый, сухо возразил:

— О вкусах и цветах не спорят! И потом, я ведь вас сюда не звал, верно?

Видя, как Оноре сжал огромные кулаки, Мэ примирительным тоном предложил:
— Может, отведем их в вошебойку?
— Ну нет, мне вовсе неохота, чтобы потом вся машина кишела насекомыми! Советую тебе не валять дурака, Барнабэ, а то как бы я всерьез не рассердился! А ты, Филибер, попробуй только открыть пасть — и увидишь, что с тобой будет!

Пьянчужка вскинул на него слезящиеся глаза.

— Я? Так я ж ничего не говорю...

— Вот и продолжай в том же духе! Мы пришли потолковать насчет твоей дочери, Барнабэ.

— Ивонны?

— Разумеется, Ивонны! Другой-то у тебя нет, насколько мне известно?

— Нет, и я об этом ужасно жалею... Будь у меня две-три такие крошки, как моя Ивонна, — щедрые, любящие старика-отца и всегда готовые спасти его от жадьды, короче, девочки с развитым чувством долга, ох, тогда бы я жил себе припеваючи и в ус не дул...

— То есть пил бы еще больше?

— У каждого свои радости в жизни. Только вот нет у меня ни двух, ни трех дочек...

— Теперь уже вообще ни одной, Барнабэ.

Старик недоуменно воззрился на жандарма.

— Это что, розыгрыш? — недоверчиво спросил он.

— А ты разве часто слышал от жандармов шутки?

Филибер, решив выступить в роли миротворца, вмешался в разговор.

— Надо быть справедливым, Барнабэ! Скажи им, что совсем не часто!

— Заткнись, Филибер! — рявкнул Трануа.

Пьяница испуганно скорчился в своем уголке, а Барнабэ потребовал объяснений.

— Как это, у меня больше нет дочки? Что это значит?

— А то, что твоя Ивонна умерла.

— Ивонна?

— Лихач сшиб ее на дороге в Клуак и удрал. Тело сейчас в морге. Ты хочешь его увидеть?

— А что это мне даст? Раз девочка умерла, я все равно не смогу оживить ее, бедняжку... Такова, видать, судьба, верно?.. И что со мной теперь будет?

Трануа пожал плечами.

— Ты представить себе не можешь, Барнабэ, до какой степени нам на это плевать!

Совершенно раздавленный внезапным ударом судьбы Филибер тихонько захныкал в уголке. Оноре поглядел на него с удивлением.

— А с этим-то дурнем что?

— Филибер — мой друг, и у него есть сердце... Что, человеку уже нельзя посочувствовать, да?! — возмутился Барнабэ. — Ты очень любил мою Ивонну, Филибер?

— Теперь, без нее, никто не даст тебе ни гроша... как бы нам не помереть от жадьды...

Ужасная перспектива совсем доконала Филибера, а у отца жертвы упоминание о мрачном будущем исторгло из груди хриплый стон. И, словно для того, чтобы отвратить злую судьбу, он невольно воскликнул:

— Нет-нет! Денежки я всегда раздобуду!

— Каким же образом? — с любопытством спросил жандарм Мэ.

— Это уж мое дело!

С той минуты, как они нашли тело Ивонны, молодой жандарм почувствовал неладное, хотя никак не мог сообразить, что именно его тревожит. Он решил нажать на бродягу, и на того ледяной тон Мэ нагнал больше страха, чем все угрозы Трануа.

— Вот что, старик, лучше б тебе разговаривать со мной повежливее... Так дочь давала тебе каждый месяц много денег?

— О, много... не стоит все же преувеличивать... Скажем, несколько тысяч...

— Выходит, сама она получала немало?

— Да, очень даже!

— А кто ей посылал деньги?

— Ну, насчет этого Ивонна всегда держала язык за зубами.

— А за что ей платили?

— Черт возьми, из-за ребенка, конечно!

— Кстати, как зовут девочку?

— Барб... Барб-Маргарита, а фамилия — Салины, как у деда, потому как отец не считал нужным давать ей свою.

— И ты, само собой, понятия не имеешь, кто он такой?

— Да говорю ж я вам: нет!

— Тогда объясни мне, как это ты собираешься выманивать у него деньги?

— Ну, это уж мое дело, и вас совершенно не касается... Мы, слава Богу, пока еще свободные люди!

Оноре решил, что и ему пора принять участие в перепалке.

— Продолжай в том же духе, Барнабэ, и узнаешь, что значит «очень больно»! Я пинками погоню тебя до самого Ламастра! Слышишь? Пинками!

— И вы посмеете бить человека, который только что потерял единственную дочь?

— Нет, постесняюсь!

Альбер, между тем, продолжал упрямо гнуть свое.

— Я задал тебе вопрос, Барнабэ!

— Какой? Совсем из головы вон... Вы должны меня простить... это все печаль...

Трануа задыхался от ярости, и глаза у него стали потихоньку наливаться кровью. Но его коллега оставался по-прежнему спокойным.

— Не прикидывайся дураком, Барнабэ, не поможет. Ты сам сказал, что всегда сумеешь раздобыть деньги. Стало быть, ты собираешься получить их с отца своей внучки, верно?

— Черт возьми!

— Повторяю: объясни нам, как тебе удастся доить этого типа, если, по твоим собственным уверениям, ты понятия не имеешь, кто он?

На мгновение Барнабэ совершенно растерялся, и в глазах его мелькнуло беспокойство, однако он быстро взял себя в руки и лукаво поглядел на жандармов.

— Послушайте, я ведь, как-никак, дед ребенка! Да или нет?

— Ну и что?

— А то, что теперь девочка — моя, и деньги на ее воспитание — тоже. Узнав из газет, какое несчастье стряслось с моей Ивонной, папаша, как пить дать, начнет посылать чеки вдове Коломбье. Ну, а я потребую, чтобы она отдала денежки мне, потому как не имеет на них права! Дедушка-то я!

Жандарм Трануа, прекрасный отец семейства, всегда относился к детям, как к святой святых. Он схватил Барнабэ за грудки и хорошенько встряхнул.

— Если ты, гниль, надеешься, что тебе отдадут эту невинную овечку, то угодил пальцем в небо!

— А с чего бы у меня ее отбирать? На то есть права!

— Те, кто сидит в тюрьме, лишаются всех прав разом!

— Но... но я же не там...

— Клянусь, Барнабэ, коли тебе взбредет в голову дурацкая мысль тронуть эту крошку или хотя бы подойти к ней на пушечный выстрел, я тебя живо упеку за решетку, и чертовски надолго!

— Вы... вы... несправедливы... — с горечью пробормотал старик.

— А по морде хочешь?

Барнабэ поспешно ретировался в дальний угол, к приятелю.

— Слыхал, Филибер, как обращаются с отцом, потерявшим единственную дочку? — простонал он.

Однако верный друг почел за благо оставить свое мнение при себе.

Ивонну Салины похоронили на маленьком кладбище в Сен-Жюльен-Лабрус рядом с могилами близких вдовы Коломбье — добрая Мария решила, что так молодой женщине будет менее одиноко.

Шли дни. Полиция объявила розыск лихача-убийцы, но никто уже не надеялся, что его поймут. Дочку покойной Ивонны отдали на воспитание вдове Коломбье — та сама попросила об этом, а жандарм Трануа горячо поддержал ее просьбу. И мало-помалу само имя Ивонны Салины кануло в забвение.

Первые лучи солнца предвещали чудесный день. Ламастр потихоньку просыпался, и каждый его обитатель с той или иной степенью энтузиазма готовился приступить к повседневным обязанностям. Свежевыбритый и безукоризненно стройный в почти новой форме, жандарм Мэ, собираясь спускаться вниз, в участок, оглянулся с порога на еще спящую Мари-Клер и в очередной раз возблагодарил Небо за дарованную ему милость. Проходя мимо двери Трануа, из-за которой доносились отголоски семейной ссоры и детский плач, Альбер посочувствовал старшему коллеге. Ему и в голову не приходило, что когда-то Оноре Трануа, быть может, тоже воображал, будто женился на незаурядной женщине.

Мэ уселся за выдававшую виды пишущую машинку, собираясь, как и полагается добросовестному служащему, составить затребованную начальством в четырех экземплярах опись имущества жандармерии, но дверь неожиданно распахнулась, и в кабинет, задыхаясь, влетел Филибер. Он никак не мог прийти в себя и, прислонившись спиной к двери, все еще судорожно хватал ртом воздух.

— В чем дело? — недовольно спросил Альбер.

— Я... я бежал...

— И... откуда же?

— От самой хижины Бар... набэ...

— Зачем?

— Он умер...

— Пить надо меньше. Но, так или иначе, с Барнабэ это могло случиться в любую минуту, да и ты, кстати, идешь по той же дорожке.

Филибер покачал головой.

— Не в том дело... Мы пили только хорошее вино... короче, лучшее из дешевых.

— Почему ты пришел сюда? Надо было предупредить врача, а он сообщил бы нам.

— Барнабэ... О Господи!.. Бедняга Барнабэ... его удавили...

— Что?!

— Да... проволокой, из которой он делал силки...

— Что ты болтаешь?!

— Ох, видели б вы только... лицо — совсем синее... и мухи, мухи...

Альбер схватил бродягу за руку, усадил на стул перед своим столом и, вернувшись на прежнее место, начал допрос.

— Ну, давай, выкладывай! — сухо приказал он. — И, главное, ничего не забудь, если не хочешь провести ночь за решеткой! За дело, живо, я слушаю!

— Что ж, дело было так... Вчера вечером мы с Барнабэ зашли погреть душу к Бозилю... точнее, к Дэода Шомьенну, потому как его тесть Бозиль давно помер... Ох, и здорово же мы там посидели...

— Кто платил?

— Барнабэ, конечно... у меня-то никогда нет ни гроша... Дочкой-то не обзавелся — вот и некому меня содержать!

— И много у него было денег?

— Еще бы! Целая куча! Как только мы вошли в кабак, Барнабэ сразу сунул Дэода под нос стопку тысячных банкнот — тот прямо обалдел! Надо сказать, он вообще-то из недоверчивых и всегда осторожничают, особенно с нами...

— Удивительно! Кто бы мог подумать? А откуда Барнабэ взял столько денег?

— Вот-вот, я как раз тоже спросил об этом, а он и говорит: «Не беспокойся, старина Филибер, таких бумажек я всегда получу, сколько влезет. Да, теперь-то мы с тобой заживем!» Славным малым был Барнабэ, уж этого у него не отнять... Золотое сердце! Он никогда не забывал друзей... А теперь лежит, как деревянный, и язык из рта вывалился...

— А больше он ничего не говорил насчет денег?

— Не-а. Правда, я и не лез с расспросами. Может, по виду и не скажешь, но меня тоже в свое время воспитывали.

— И, коль скоро Барнабэ покупал тебе выпивку...

Филибер расплылся в счастливой улыбке.

— Ага, с моей стороны было б черной неблагодарностью ему докучать, верно? И все-таки я припоминаю, что, когда мы в первый раз чокнулись, Барнабэ сказал: «Что бы там ни думали о бабах, Филибер, но они намного глупее нас. И доказательство тому — вот оно! Мне с первого раза удалось добиться того, что не вышло у бедняжки Ивонны, и поверь, дружок, это только начало!»

— Так он имел в виду шантаж?

Филибер целомудренно потупился.

— Ну, теперь, когда вы сказали, думаю, очень возможно, что так и есть...

— Он припер к стенке отца своей внучки?

— А кого ж еще?

— И ты, конечно, его не знаешь?

— Нет.

— Во сколько ты вчера распрощался со своим приятелем Барнабэ?

— Около полуночи... Я проводил его до места, которое мы называем «У добрых сестриц», и пожелал спокойной ночи... Надо ж, «спокойной ночи»! Бедный старина Барнабэ...

— Но от монастыря до логова Барнабэ — четыре-пять километров. И он, что ж, под хорошей мухой все-таки отправился туда?

— Барнабэ говорил, ему нравится ходить пешком — хмель разгоняет.

— А ты где провел ночь?

— Как всегда, в прохладное время... в конюшне Проспера Шомерака. Понимаешь, у меня бронхи слабоваты...

— А Шомерак тебя видел?

— Не-а, не видал он меня. И так-то оно лучше, потому как иначе папаша Шомерак не дал бы войти... Ужасно боится, что я когда-нибудь с пьяных глаз сплю весь барак.

Мэ встал и, обогнув стол, угрожающе навис над Филибером.

— Шомерак не заметил тебя только потому, что никак не мог этого сделать!
— Не мог?
— Нет! Потому что ты не ходил к нему этой ночью! Ты крался за Барнабэ до самой его хижины, чтобы там удавить и украсть деньги!
— Ну и мерзости же вы говорите!
— Выбирай выражения, Филибер!
— Да разве ж вы не понимаете, что Барнабэ был мне вроде как братом?
— И что с того? Каин-то ведь убил Авеля, правда?
Ошарашенный этой ссылкой на Библию, бродяга погрузился в недоуменное молчание.

Тело Барнабэ Салиньи и в самом деле нашли в хижине, с проволокой на шее. Жутковатое зрелище. В том, что это убийство, сомнений, естественно, ни у кого не возникло. Срочно проведенное расследование доказало правдивость Филибера. Дэ-ода Шомьенн подтвердил, что перед смертью Барнабэ внезапно разбогател. В тот вечер поблизости не замечали никаких посторонних, а значит, преступника следовало искать разве что среди нескольких престарелых любителей белота, наблюдавших пирушку двух внезапно осчастливленных судьбой жалких нищих. Филибер тоже оказался вне подозрений. Жандармам не оставалось ничего другого, кроме как искать убийцу вне круга знакомых Барнабэ, и тут их ждало почти непреодолимое препятствие. Тот, кто убил старика, не мог не знать о деньгах. А откуда он о них проведал? Может, следил за бродягой с того момента, как тот получил свою мзду? Но кто заплатил Барнабэ и почему? Отец его внучки? Вероятно... Только как отыскать человека, если никто не знает ни его имени, ни как он выглядит?

За две недели после первого допроса Филибера следствие не продвинулось ни на шаг. А потом Альберу Мэ вдруг пришло в голову — а что, если с Ивонной тоже произошел вовсе не несчастный случай? В конце концов, и отец, и дочь, очевидно, занимались шантажом, и, коль скоро кто-то прикончил одного из них, с тем же успехом могли расправиться и с другой... Жандарм поделился своими соображениями с начальством. Сначала на него накричали, тем более что врач, которому обычно поручали делать вскрытие, как раз уехал в отпуск. Однако, по приказу сверху, тело Ивонны все-таки решили эксгумировать. Экспертом назначили совсем молоденького врача, но тот, невзирая на недостаток опыта, без труда доказал, что Ивонну Салиньи сначала задушили, а уж потом по трупу проехала машина, и, судя по всему, не один раз... К огромной радости Мари-Клер, жандарм Альбер Мэ немедленно получил официальные поздравления.

Похвалы начальства еще больше подхлестнули Альбера, и он с удвоенным рвением бросился расследовать двойное убийство, а Трануа, как водится, помогал, чем мог. Теперь оба они только и мечтали поймать убийцу. Тщательное дознание в почтовых отделениях показало, что переводы сначала на имя Ивонны Салиньи, потом — вдовы Коломбье посылала с главного почтамта Аннонея некая мадемуазель Алис Вессо. Приятели тут же помчались в этот старинный городок провинции Ардеш.

Узнав, в чем дело, управляющий немедленно собрал всех, кто оформлял переводы, но ни один из служащих не мог припомнить, как выглядит Алис Вессо. Раздосадованные неудачей жандармы уже собрались уходить, когда к ним неожиданно подошла молоденькая стажерка — она принесла управляющему записку и краем уха слышала вопрос полицейских.

— Я хорошо знаю мадемуазель Алис, — тихо проговорила девушка. — Я работаю у нее под началом, пока не прошла конкурс и не попала сюда.

— Как она выглядит? — спросил Мэ, не смея верить в такую удачу.

— Маленькая худенькая старушка в очках.

Жандарм разочарованно вздохнул. Ему, естественно, с трудом верилось, что подобная особа могла задушить крепкую, энергичную молодую женщину вроде Ивонны Салиньи или ее отца. Тем не менее Альбер задал еще один вопрос:

— А чем занимается эта Алис Вессо?

— Она — личный секретарь месье Морамбера-старшего.

— Ну что, пошли к Морамберу? — предложил Мэ, как только они снова оказались на улице.

Трануа с жалостью поглядел на коллегу.

— Ты хоть знаешь, что такое семья Морамбер?

— Нет.

— Это незыблемая твердыня, старина.

— И что с того? А вот я возьму да постучусь в дверь этой твердыни, причем не медленно!

Оноре по-отечески обхватил плечи не в меру пылкого молодого друга.

— Я тебя очень люблю, Альбер, и твою Мари-Клер — тоже, а потому не хочу, чтобы тебя скрутили в бараний рог в самом начале карьеры. Послушай доброго совета: это слишком крупная дичь для таких, как мы с тобой. Мы честно составим рапорт, а в остальном умоем руки. Ну, а теперь, коли тебе все еще хочется лезть в петлю и на финал попасть на веки вечные в какую-нибудь захоластную дыру, воля твоя!

Жандарм Мэ подумал о Мари-Клер, которая и в Ламастре-то уже немного скучает, пришел к выводу, что в подобной ситуации лезть на рожон не стоит.

Глава 1

Леонс Серниль, пятидесятилетний комиссар полиции, так давно работал в уголовной полиции, что ему позволялось не слишком строго соблюдать график работы. Он терпеть не мог рано вставать и проводил восхитительные часы, просто нежась в кровати. Кроме того, комиссар знал, что в случае необходимости ему всегда позвонят. Таким образом, стоявший на тумбочке у изголовья постели телефон стал своего рода символом эфемерности его отдыха.

В то солнечное утро Леонс завтракал в постели, читая «Миди либр». Погода никак не располагала к напряженным усилиям, и комиссар охотно провалился бы дома до полудня, но он знал, что это — лишь одно из тех смутных желаний, которым не суждено сбыться. При всем своем сибаритстве Серниль был человеком долга.

Около одиннадцати часов, когда комиссар появился в управлении уголовной полиции, один из инспекторов предупредил, что его срочно требует к себе дивизионный. Леонс тут же направился в кабинет своего непосредственного начальника, и тот принял его с сердечностью старого друга.

— Вы меня вызывали, патрон?

Только одному Сернилю дозволялось так фамильярно обращаться к дивизионному комиссару Огюсту Лирону.

— Да, старина. Вы сейчас свободны?

— Вполне.

— Вот и отлично, потому как на нас свалилась типичная история из разряда тех, которых мы все немного опасаемся.

— Неужели?

— Двойное убийство, и в нем как будто — повторяю, как будто! — замешана очень влиятельная семья с крепкими связями, мощным покровительством и нема-

лым весом в обществе. Сами понимаете, что тут придется действовать с бесконечными предосторожностями и тактом, иначе возможна крайне нежелательная реакция. Только вы, Леонс, по-моему, способны хотя бы попытаться довести дело до удачного разрешения. Юнец немедленно запутается, а из старших я тоже не представляю, кого бы послать, не рискуя нарваться на крупные неприятности.

— Согласен. А где все это случилось?

— В Аннонее, провинция Ардеш.

Серниль присвистнул сквозь зубы от удивления.

— Так далеко?

— Не я выбирал место, старина. К счастью, там есть один комиссар, Бернар Мальпа, с которым мне пару раз случалось иметь дело. Вроде бы на него можно рассчитывать. Он вам обо всем расскажет и предупредит, на какие дорожки ступать опасно.

— Досье у нас есть?

— Тоненькое и довольно легковесное. Честно говоря, я предпочел бы, чтобы вы не читали его и приехали на место без всяких предубеждений. Пусть Мальпа введет вас в курс дела.

— И когда нужно ехать?

— Чем раньше — тем лучше.

— Как насчет завтрашнего утра?

— Превосходно. Ах, да... еще одна мелкая неприятность — прокурор и судебный следователь живут, естественно, в Турноне. Советую вам заглянуть к ним по дороге и попробовать договориться, чтобы вас не дергали за Бог знает сколько километров из-за каждого пустяка. Надеюсь, оба разрешат вам, если не случится чего-то сверхважного, докладывать по телефону или письменно. Вот и все, что я хотел вам сказать. Само собой, я, как всегда, целиком полагаюсь на вас и желаю добиться успеха с минимальными потерями.

— Что ж, попробую.

Леонс приехал в Турнон незадолго до полудня и немедленно отправился к прокурору. Тот принял его с величайшей любезностью.

— Я видел ваши служебные характеристики и не сомневаюсь, что вы сумеете вести это дело достаточно тактично и в то же время быстро. Само собой, и речи быть не может ни о каком давлении на тех, кому надлежит пролить свет на эту печальную историю, однако вы человек опытный и сами понимаете, сколь мало пользы от прямых столкновений с людьми, обладающими высокими связями, особенно если эти люди ни в чем не виноваты.

Серниль уверил прокурора, что постарается избежать ссор с кем бы то ни было, и обещал докладывать о ходе расследования. Прощаясь, он спросил, где кабинет судебного следователя. Прокурор рассмеялся.

— Искать кабинет совершенно бессмысленно, поскольку месяц судебный следователь давно оттуда ушел. Мой почтенный коллега принадлежит к разряду непосед, если вы понимаете, что я имею в виду... К тому же, он совсем недавно женился и гораздо больше времени проводит дома, нежели среди папок с досье. Но, вообще-то, он человек безумно честолобивый и вполне способен ставить вам палки в колеса.

— А как вы думаете, когда я мог бы с ним увидеться?

— Право же... хотя, подождите, сейчас мы сыграем с ним претолчную шутку!

Прокурор схватил телефонную трубку и быстро набрал номер.

— Алло! Это вы, мой дорогой Кастельмару? Вас беспокоит Грэссак... У меня в кабинете сейчас комиссар, присланный из уголовной полиции Монпелье разбирать-

ся в аннонейском деле. Он хотел бы как можно скорее встретиться с вами, чтобы, не откладывая в долгий ящик, приступить к делу... Да, весьма похвальное рвение... Что ж, некоторые люди и впрямь любят свою работу... На кого я намекаю? Да ни на кого, уверяю вас, что просто так, вообще... Напрасно вы так нервничаете... Послать его к вам? Договорились, не пройдет и нескольких минут, как комиссар позвонит в вашу дверь. Поклонитесь от меня супруге. — Прокурор, улыбаясь, положил трубку. — Месье судебный следователь просто взбешен! — плотоядно заметил он. — Идите на площадь Гравье, дом восемьдесят девять, третий этаж. Вас ждут.

Серниль без труда нашел квартиру следователя. Кастьельмару оказался энергичным молодым человеком, а, познакомившись с его супругой, Леонс понял, почему тот предпочитает ее общество изучению скучных досье в пыльном кабинете Дворца правосудия. Молодожены встретили комиссара по-домашнему мило, уговорили разделить скромную трапезу, и, в результате, Серниль целый час провел с двумя юными существами, преисполненными задора и честолюбивых замыслов. Как ни странно, это доставило ему немалое удовольствие. Очень скоро Кастьельмару спросил гостя:

— Так вы уже видели нашего прокурора?

— Я должен был ему представиться.

— Само собой. И он, конечно, наговорил обо мне гадостей?

— Ну, это сильно сказано... По-видимому, прокурора немного раздражает, что вам гораздо приятнее проводить время с мадам Кастьельмару, нежели в кабинете. А, по-моему, вы совершенно правы.

Жена судебного следователя залилась краской и смущенно пробормотала «Спасибо», чем немало позабавила своих сотрапезников.

— По правде говоря, меня бы несколько не удивило, если бы прокурор, возлагая на меня ведение этого дела, подспудно желал нашего общего поражения, причем вовсе не для того, чтобы спасти убийцу от заслуженного возмездия, нет, просто он не прочь преподать мне урок и хорошенько щелкнуть по носу. Ведь с точки зрения Грессака, я своего рода иконоборец!

— Так, значит, вы, месье следователь, вопреки рекомендациям прокурора, отнюдь не советуете мне осторожничать?

Кастьельмару ответил не сразу. И у Леонса сложилось впечатление, что он подбирает слова, дабы как можно точнее выразить свою мысль.

— Раз нам предстоит работать вместе, месье комиссар, давайте постараемся правильно понять друг друга. Я вовсе не предлагаю вам устроить скандал ради скандала. Мне хотелось бы, чтобы вы спокойно занимались своим делом, не стараясь нарочно вызвать неприязнь, но и не позволяя никому на вас давить. Кто-то убил двоих — молодую женщину и старика. И я прошу вас, месье комиссар, найти этого человека. Когда же вы полностью убедитесь в его виновности, даю вам слово, кем бы ни оказался преступник, вы наденете на него наручники. Вы уже читали досье?

— Нет. Дивизионный комисар Лирон предпочел, чтобы я узнал все на месте. По его словам, лишь приехав в Анноней, я, возможно, сумею что-нибудь понять и с максимальным толком взяться за дело.

— Что ж, оставляю вам заботу разобраться во всем самостоятельно и могу лишь повторить, что всегда готов помочь в меру своих возможностей. Если возникнет что-нибудь срочное, звоните. Ну, а в том, что касается обычной рутины, посылайте рапорт каждые три-четыре дня — надо же чем-то заполнять досье. И, надеюсь, можно не говорить, что по первому же вашему зову я сразу примчусь.

Леонс продолжал путь в приподнятом настроении. Судебный следователь ему понравился. Приятно знать, что ты не один и в случае неприятностей тебя поддержат.

Серниль никогда не бывал в Аннонее, и первое знакомство с этим старинным городом не вызвало особого восторга. Прижатый к отрогам северных Сevenнов, город Монгольфьеров встречал гостей далеко не так приветливо, как его привычные комиссару южные собратья. И Серниль подумал о крепости, укрывающей человека, которого ему надлежит вырвать из привычной, спокойной обстановки и увести в тюрьму. Наверняка преступник надежно защищен и может рассчитывать на многочисленных союзников...

Узнав, что посланец из управления уголовной полиции Монпелье, наконец, пришел, комиссар Мальпа с облегчением перевел дух. Серниля он принял с распростертыми объятиями, радуясь, что есть на кого свалить пугавшую его ответственность — в последние несколько дней комиссар и спать-то почти не мог. Ему казалось, будто кто-то следит за каждым его шагом, приглядывается и выжидает, хотя кто именно, он и сам не знал, и не сумел бы вразумительно объяснить свои опасения.

Передав коллеге привет от дивизионного комиссара Лирона, Леонс тут же перешел к сути дела.

— Я еще ничего не знаю о преступлении, которое мне поручено расследовать, дорогой комиссар, и надеюсь, что вы мне все объясните.

— Чтобы почувствовать все подспудные течения, проникнуться здешней, совершенно особой атмосферой, вам надо поближе узнать Анноней. Слова тут совершенно бесполезны, нечего и пытаться передать ими внутреннюю жизнь города. Тут все дело в личном контакте между ним и вами. Коли дело сладится, все, что вначале кажется необъяснимым, станет понятным, а коли нет, боюсь, вас ждет неудача.

— Я упрям.

— Очень полезное качество, иначе город вас просто отторгнет.

Леонс улынулся.

— За двадцать лет службы в управлении мне не раз случалось приходить в отчаяние, но я всегда как-то превозмогал слабость. Теперь же, когда все мысли об административной карьере остались в прошлом, право, не представляю, что и кто может меня остановить.

Мальпа рассказал об убийстве Ивонны Салины и ее отца, не забыв упомянуть о заслугах жандарма Мэ, благодаря проницательности которого удалось добиться эксгумации тела молодой женщины, повторного вскрытия и связать оба преступления воедино. В доказательство комиссар аннонейской полиции протянул Сернилю заключение врача.

— Только прошу вас, не обращайтесь внимания на стиль, — добавил он. — Здесь вы не найдете строгой научной терминологии, к каковой, несомненно, привыкли. Но вскрытие пришлось поручить неспециалисту — наш эксперт в то время как раз уехал отдыхать. Впрочем, в том, что касается интересующей нас проблемы, он достаточно категоричен. То есть сам факт преступления сомнений не вызывает: и дочь, и отца задушили. Ну вот, дорогой коллега, теперь вы знаете не меньше меня.

— Я не согласен с вами.

— Простите, не понял...

— Милый мой комиссар, с тех пор, как мне поручили миссию, из-за которой я сейчас сижу у вас в кабинете, меня то и дело предупреждают о возможном скандале и его более чем неприятных последствиях, а потому чуть ли не умоляют принять бесконечные предосторожности. Меж тем, из вашего рассказа я не черпнул ровного ничего такого, что могло бы вызвать в городе потрясения, верно?

— Дело в том...

— Прошу вас, позвольте мне закончить, а если я ошибусь, вы меня поправите. Итак, мать-одиночка воспитывает ребенка в деревне. Судя по внушительным еже-

месячным переводам, похоже, что не в меру скромный папаша — человек богатый. Какой-нибудь холостяк, испугавшийся мезальянса? Или женатый мужчина, не пожелавший развестись и связать судьбу с девушкой без гроша в кармане, но зато с таким отцом, какого, мягко говоря, никто не захотел бы видеть своим тестем? Между тем, молодую мать убивают. Ее родители, вопреки естественным законам, не испытывают особой скорби, а, напротив, видит в гибели дочери возможность безбедного существования за счет убийцы, чье имя ему, по-видимому, известно. Короче, Салины пытается прибегнуть к шантажу, но жертва встает на дыбы и, дабы избавиться от постоянной угрозы, а заодно больше не платить, убивает Барнабэ, как до этого — его дочь. Все это кажется мне по-детски простым, и, признаюсь, я даже разочарован. Какого черта вы просили помощи от управления, если прекрасно могли, в чем я совершенно уверен, справиться сами или оставить эту заботу жандармам? Ведь, в сущности, достаточно найти отца ребенка или, другими словами, узнать, кто переводил деньги Ивонне Салины, — и виновный у вас в руках. Я не ошибся?

— Нет, именно так мы и поступили.

— И что же?

Мальпа явно смутился.

— Видите ли, дорогой коллега, Анноней — маленький город, и самое незначительное волнение чревато крупной встряской. В городках, вроде нашего, трудно рассчитывать на спокойную жизнь, если ты имел неосторожность вызвать неудовольствие влиятельных лиц. В случае осложнений куда удобнее прибегнуть к помощи человека со стороны, который, закончив работу, снова уедет и, следовательно, не будет вынужден жить в практически постоянном соприкосновении с теми, кого он вызвал на бой и, возможно, победил. У нас крупные семейства являют собой нечто вроде единого, непроницаемого блока, и для простого полицейского комиссара лобовая атака на них равнозначна самоубийству. Жандармы, первыми почуяв, чем это пахнет, поспешили снять с себя ответственность и передали дело мне.

— Почему?

— По той же самой причине, которая вынудила меня взывать о помощи к управлению уголовной полиции.

— Так, значит, если я вас правильно понял, сначала жандармы, а потом вы сами уже выяснили, кто ежемесячно посылал деньги Ивонне Салины?

— Да.

— И кто же это?

— Некая Алис Вессо, старая дева шестидесяти пяти лет от роду.

— Старая дева?

— Да, и она уже больше сорока лет служит личным секретарем месье Морамбе-ра-старшего.

— Ну, и что?

Мальпа на мгновение опешил.

— Ваш вопрос доказывает, до какой степени вы далеки от нашего города, — пробормотал он, взяв себя в руки. — Вам даже не известно, кто такие Морамберы!

— Да, я о них ни разу не слышал, но, надеюсь, вы мне объясните.

В это время дверь отворилась, и в кабинет вошел не знакомый Сернилю молодой человек. Несмотря на слегка эксцентричный наряд и явные признаки преждевременной старости, он производил, скорее, приятное впечатление. Леонс подумал, что человек, столь откровенно пренебрегающий условностями, наверняка не пользуется расположением местного высшего света, при том, разумеется, условия, что представители последнего вообще знают о его существовании.

— Привет вам, комиссар! — воскликнул незнакомец, весело поглядев на Мальпа. — Ну как, собираетесь вы арестовывать убийцу Салинии или нет?

— Рошрэ! Вы как раз вовремя!

— Ну и ну! Впервые в жизни меня так встречают!

Комиссар снова повернулся к Сернилю.

— Вот кто может дать вам самые исчерпывающие сведения! Жак Рошрэ, журналист. А это — комиссар Леонс Серниль из уголовной полиции Монпелье.

— Ага, наконец-то, у вас там, наверно, зашевелились! — заметил Рошрэ. — Рад познакомиться с вами, месье.

— И я тоже.

— Ну, это вопрос проблематичный.

— Почему?

— Потому что у меня в Аннонее очень скверная репутация.

— Сейчас не время для самокритики, Рошрэ, — перебил его Мальпа. — Комиссар Серниль понятия не имеет, что представляют собой Морамберы. Я здесь всего четыре года, а вы родились, воспитывались, выросли, работали в Аннонее, да и отпуск проводите здесь же. Стало быть, вы куда лучше меня объясните нашему гостю все, что касается клана Морамбер.

Вся жизнерадостность репортера, казалось, в мгновение ока исчезла.

— Но вы ведь знаете, старина, что мне вряд ли удастся сохранить объективность...

— Валяйте, выкладывайте, а начнете преувеличивать — я поправлю!

— Хорошо, месье комиссар... Так вот, Морамберы — это весь Анноней, как Шнейдеры олицетворяют собой Крёзо. Семья вот уже на протяжении семи-восьми поколений владеет кожевенным заводом. У клана существует строгая иерархия, и право первородства соблюдается более свято, нежели когда-то при королевском дворе Франции. Рычаги управления держит старший в семье, а ему наследует сын. Если старший умирает до того, как его отпрыск достигнет зрелого возраста, младший брат становится своего рода регентом и управляет семейным предприятием, пока племянник не подрастет и не возьмет бразды в свои руки. Единственное исключение из правила: для того, чтобы завод всегда возглавлял Морамбер, женщины устранены от власти. Клан соблюдает салический закон, а потому мужья их дочерей и сестры остаются лишь принцами-консортами.

— Весьма впечатляюще!

— В настоящий момент заводом управляет Матьё Морамбер, или Господин Старший. И этот семидесятилетний старец живет исключительно ради фамильного производства. Он, кажется, даже не заметил исчезновения своей жены Мари и слегка опечалился, лишь когда умерла его двадцатидвухлетняя дочь. Матьё остался один, но уже на следующий день после похорон он в семь утра пришел на завод. Живет Господин Старший на первом этаже особняка Морамберов на улице Святой Марии. А на заводе у него есть доверенное лицо — мадемуазель Алис Вессо. Она уже больше сорока лет состоит при Матьё личной секретаршей. Как глава клана Матьё Морамбер на редкость суров и безжалостен. Ничто не делается без его разрешения, никто не может сделать и шагу, не спросив Господина Старшего. Улица Святой Марии — в старом городе, и все нувориши оттуда давно сбежали. А Морамберы, несмотря на соседство, остались, полагая, что их место там, где им впервые улыбнулась Фортуна.

— Если я правильно вас понял, у Господина Старшего больше нет детей? Значит, власть перейдет к...

— ...Филиппу, сыну второго Морамбера, пятидесятивосьмилетнего Гуга. В свое время он был известным донжуаном и отдавал все силы развлечениям, как его стар-

ший брат — заводу. Их старшая сестра, Агата, удалилась в монастырь и уже успела умереть. Филиппу — двадцать семь лет, и его уже объявили наследником. Еще у него есть замужняя сестра, Тереза. Но вернемся к старшему поколению. Четвертого брата, Блеза, убили в сороковом году, во время первых, неудачных для нас сражений. Наконец, младший, Поль, к пятидесяти годам так и остался полным ничтожеством — даже повеселиться от души, и то не умеет. Так и остался мальчишкой на погулках. Года два назад он женился на девушке более чем скромного происхождения по имени Колетта. Зато она на двадцать два года младше мужа.

— Черт возьми! Этот Поль так хорош собой?

— Он? Как же! Старая развалина... Ни характера Матьё, ни элегантности Гуга.

— Но тогда...

— Да просто-напросто Морамберы могут купить все, что пожелают, в том числе и женщин.

— Вероятно, все же определенного типа, правда?

Рошрэ покачал головой.

— Надо прожить здесь всю жизнь, чтобы это понять, комиссар. Люди из народа каждый день сталкиваются с блестящими хозяевами города. Должен признать, последние не выставляют напоказ нескромной или вызывающей роскоши, но сама их сдержанность действует сильнее самой тщеславной показухи. То, что остается скрытым от глаз, люди стараются угадать, а то и выдумывают. Особенно же разыгрывается воображение у девушек, которые только и грезят о великолепии, таящемся за толстыми, внешне довольно непритязательными стенами. Ради возможности вести такую раззолоченную жизнь они готовы на все, даже продаться. Колетта Вон, дочь старшего мастера с завода Морамберов, так и поступила. О ее замужестве много судачили. Помните, комиссар?

Мальпа кивнул.

— Да, действительно, брак вызвал сильное волнение. Город чуть ли не разделился на два клана: с одной стороны, сильные мира сего и их союзники осуждали этот, по их мнению, мезальянс, а в другом клане собрались те, кто полагал, что девочка блестяще разыграла партию, и, для того чтобы судить о ее поступке, нужно было бы пожить в такой же нищете. Сами понимаете, с каким пристальным вниманием следили за первыми шагами в обществе новоиспеченной мадам Морамбер. Но, должен признать, ничто в ее действиях не вызвало ни малейшей критики, и Господин Старший согласился принять ее.

Леонс вздохнул.

— Слушая вас, я начинаю чувствовать себя жертвой научно-фантастического романа, где бедолага герой, перейдя на другую сторону улицы, помимо своей воли оказывается в другом измерении. Похоже, я тоже малость ошибся перекрестком и угодил в самый настоящий девятнадцатый век!

Мальпа улыбнулся.

— Вы и представить себе не можете, дорогой коллега, насколько верно ваше замечание.

— А почему, упоминая о семье Морамбер, вы всякий раз называете ее кланом? Полагаю, не она одна занимает высшую ступеньку лестницы?

— Несомненно, — буркнул журналист, — но именно Морамберы находятся на самой вершине.

— Почему?

— Во-первых, по старшинству, а во-вторых, благодаря родственным связям. Мари, жена Матьё, была урожденной Шоффуа, а это — владельцы крупнейших дублен; Марта, супруга Гуга, до замужества носила фамилию Этраш, ее родня и сей-

час занимает видное место в бумажном производстве; Тереза, дочь Гуга и Марты, породнилась с текстильщиками Моборже. С тех пор, как только с одним из представителей этих царственных линий случается неприятность, вся коалиция выступает единым блоком, и вы даже представить не можете, сколько генеральных советников, депутатов, сенаторов, а то и министров клан либо назначил, либо уничтожил за последние пятьдесят лет! Попробуйте хотя бы тронуть неприкасаемых, и вы увидите, какое начнется светопреставление. Сила противодействия будет такова, что вас сметет прежде, чем вы успеете сообразить, что произошло.

— Я начинаю понимать, что побудило вас просить помощи уголовной полиции в деле, на первый взгляд, вовсе не требующем вмешательства Шерлока Холмса, — улыбнулся Серниль.

— У меня нет ни малейшего желания приносить себя в жертву без крайней нужды, — согласился аннонейский комиссар.

— И вы, конечно, тоже струсите? — грубо спросил Леонса журналист.

— Меня направили сюда без каких бы то ни было просьб с моей стороны, — сухо отвечал Серниль. — Стало быть, мое дело — не трусить или трусить, как вы изволили выразиться, месье, а просто-напросто выполнять свой долг, и, даю вам слово, я его выполняю. А вы, кажется, не особенно любите Морамберов?

— Ненавижу! — ответил журналист.

— Простите за бестактность, а можно узнать, почему?

— Тут нет никакой бестактности, но вы слишком торопитесь.

— Боюсь, не совсем понимаю...

— У меня есть к вам одно предложение, — перебил его Рошрэ, — но не скажу ни слова, пока вы как следует не обдумаете все, что только что узнали. Где вы остановились?

— Пока нигде.

— Тогда советую заглянуть в гостиницу «Юг» на площади Кордельеров.

И Мальпа, и Рошрэ уверяли Серниля, что он не сможет ничего понять, пока хорошенько не узнает Анноней. А Леонс всегда следовал советам, если видел в них здравый смысл. Поэтому он решительным шагом направился открывать для себя город, который, по словам обоих его собеседников, мог поведать ему немало интересного.

Полицейскому пришлось немало прошагать, прежде чем неприятное впечатление о городе, возникшее у него сразу по приезду, несколько смягчилось. Больше часу Леонс брел наугад, но, куда бы он ни сворачивал, все казалось уродливым и отчаянно грустным. А потом мало-помалу скромное очарование города сделало свое дело. Нет, никакого потрясения или озарения не произошло, скорее, это выглядело как медленное, тайное завоевание, настолько незаметное, что жертва даже не заметила никаких изменений. Комиссар чувствовал лишь, что его враждебность постепенно тает. Уже во второй раз минув мост через Дом в начале улицы Монгольфье, Серниль, сам не зная зачем, остановился и оглядел окрестности. Справа виднелся старинный мост Вальжела, могучий свидетель давно ушедших времен, слева — скалы Сен-Дени, возвышающиеся над устьем Дома. И у Леонса возникло странное ощущение, которое он в первые минуты не стал анализировать. Казалось, застилавшая глаза пелена вдруг разлетелась в клочья, позволяя взглянуть на все другими глазами. И Леонс угадал, что теперь лишь от него самого зависит, сумеет ли он понять Анноней.

В полной же мере очарование города сработало, когда комиссар неторопливо шел вдоль улицы Буржвилль, ведущей к развалинам средневекового замка. Серниль тихонько продвигался вперед, почти касаясь стен пансионеров, надежно защищавших

барышень из хороших семей от грязи внешнего мира. На мосту Шевалье он облокотился на перила и уже с восхищением наблюдал за спокойным течением Канса, любясь ступенчатым расположением домов.

По дороге к площади Кордельеров, где он надеялся обрести временное пристанище, Серниль наконец понял, что хотел объяснить ему Мальпа и против чего предостерегал Рошрэ. И вдруг то, что в рассказе журналиста выглядело явным преувеличением, зазвучало слегка пугающей правдой. Теперь комиссар знал, что, если клан Морамбер замешан в убийстве Ивонны Салины и ее отца, его ждут неимоверные трудности, причем такие, что Сернилю придется справляться с ними самостоятельно. Никто не поможет ему сражаться с Морамберами.

Комната, которую ему предложили в гостинице «Юг», показалась Сернилю вполне подходящей, и, забрав свою машину с площади Эльзас-Лотарингия, он, не мешкая, устроился на новом месте. А потом, переодевшись, решил поужинать в ресторане.

Ужин оказался вполне приличным, и Серниль был удовлетворен. Едва он успел отведать салата из молодых побегов вербены, в ресторан вошел Рошрэ и сразу направился к столу комиссара.

— Я вам не помешал?

— Ничуть, я уже закончил.

— Можно мне сесть?

— Пожалуйста. Хотите чего-нибудь?

— Я буду пить то же, что и вы, но в чуть более замысловатом виде. — И на глазах у весьма заинтригованного Серниля журналист приготовил своеобразный напиток, смешав две части желтой вербены и одну — зеленой, что, по мнению знатоков, позволяло в полной мере оценить истинные достоинства ликера. — Ну как, месье комиссар, вы уже погуляли по Аннонею?

— Несколько часов, и, по-моему, успел заглянуть в каждый уголок. Удивительное, странное впечатление, которое и притягивает, и в то же время отталкивает.

— Я уже не сомневаюсь, что вы арестуете убийцу Салины.

— Вы их знали?

— Нет.

— Тогда почему вы так упорно ненавидите убийцу?

— Просто надеюсь, что он принадлежит к клану Морамбер.

— Который вы ненавидите, как мне известно. Напомню, кстати, что вы обещали рассказать мне о причинах этой ненависти. Или вы все еще считаете такой разговор преждевременным?

Рошрэ медленно покачал головой.

— Нет, потому что вы поняли Анноней. В настоящий момент, месье комиссар, я в отпуске. Обычно я исполняю обязанности главного редактора, ответственного секретаря, репортера и хроникера в одной газетенке Воклюза, и эта многосторонняя деятельность позволяет мне заработать ровно столько, чтобы не подохнуть с голоду, а главное — пить в свое удовольствие. Однако, прежде чем дойти до нынешнего жалкого состояния, я работал в большом еженедельнике и считался блестящим журналистом. Я мог надеяться достигнуть любых высот, и дирекция уже собиралась предоставить мне важный пост — а это означало первую ступень новой и многообещающей карьеры... Я так радовался своему положению и особенно обещанному повышению, что решил приехать в Анноней и отпраздновать приятную новость со старыми друзьями. Я — сирота, и семью мне всегда заменяли друзья, а теперь я — один. И это одиночество меня убивает, слышите? Если я пью, то лишь для того, чтобы попытаться ускользнуть от этого гнусного одиночества! Однажды мы здорово набрались, и, честно говоря, почти лыка не вязали. Нас почти отовсюду вышвырива-

ли, но кто-нибудь всегда находил новый кабачок, где мы могли продолжить возлияния. В одном из таких кабачков мы наткнулись на Филиппа Морамбера с подружкой, которую, впрочем, все мы знали... Кажется, ее звали Жозетта... При виде нашей компании Морамбер встал, взял девицу под руку и не нашел ничего лучше, как громогласно заявить:

— Пойдемте, Жозетта... Вам не место среди этой швали!

Когда-то Жозетта мне нравилась... Пары алкоголя, туманившие голову, побудили меня счесть слова наследника Морамберов тяжким оскорблением, а я был не в том состоянии, чтобы молча проглотить обиду, и крикнул ему в лицо: «А ну-ка, извинитесь за такие слова, папенькин сынок!» Филипп слегка оттолкнул меня, пробормотав: «Отойдите, вы пьяны!» Тогда я стукнул его, и Морамбер растянулся на полу. На меня, естественно, набросились и держали, пока он вставал. Отряхнув с костюма пыль, Филипп ледяным тоном предупредил меня: «Вы будете долго жалеть об этом поступке, месье Рошрэ!» После того, как он ушел, большинство моих друзей под тем или иным предлогом тоже поспешили смыться. Только двое остались со мной — Рошуз и Белинан. Оба то и дело повторяли: «Да ты совсем спятил! Бить морамберовского сына — чистое безумие! Господи Боже! Ведь тебе прекрасно известно, кто такие Морамберы!» А я из тщеславия и глупого пьяного упрямства заорал: «Морамберы?! Да они просто дерьмо!» Меня пытались уговорить. Я стал отбиваться и полез в драку с двумя единственными друзьями, которые остались мне верны. В конце концов, меня вышвырнули вон, и я ничком плюхнулся на тротуар. В глазах потемнело от безумной ярости. Считая Морамберов виновниками всего случившегося, я в самом воинственном настроении бросился к их особняку. К несчастью для себя, я не встретил по дороге ни единого полицейского, который наверняка не пустил бы меня дальше. До обителища Морамберов я добрался примерно в два-три часа ночи. Встав напротив крыльца, я во всю силу легких начал поносить весь клан. Во многих окнах зажегся свет, люди с любопытством выглядывали на улицу, однако в доме моих противников по-прежнему стояла полная тишина. Внезапно я увидел, что на первом этаже, там, где, как я знал, обычно работал Господин Старший, слегка приподнялась занавеска, и сквозь открытые ставни я смутно разглядел силуэт главы клана. Весь хмель как ветром сдуло, и я понял, что мне — крышка. А на следующий день, струсив, написал покаянное письмо Господину Старшему. Он не ответил, но через сорок восемь часов меня уведомили, что я больше не числюсь среди персонала редакции. После этого мне вручили чек и настоятельно посоветовали никогда больше не казать носа в газету. Морамберы отреагировали на мою выходку очень быстро. Само собой, нигде в окрестностях я ни за что не нашел бы работы. Пришлось ехать, куда глаза глядят. Но я до сих пор не могу утешиться, что так глупо испортил себе жизнь. Теперь вы понимаете, месье комиссар, что у меня есть основания недолюбливать Морамберов?

— Но разве не вы сами нарывались на скандал?

— Конечно, но Морамберы могли бы принять мои извинения и не ломать мне карьеру. Сейчас у меня одна цель в жизни — отомстить им, и эта история с убийством Ивонны Салины, не исключено, предоставит такую возможность.

Серниль и Рошрэ вместе вышли из ресторана и отправились бродить по обезлюдевшему в этот поздний час городу. Стояла полная, почти неестественная тишина. Мужчины медленно шли рядом.

— Я знаю Анноней, как никто другой, — говорил журналист. — И могу избавить вас от лишней траты времени. Известно мне и все, что только можно узнать о здешних жителях. Не сомневаюсь, что смогу быть вам полезен, оставаясь, разумеется, в тени. Я ведь сейчас в отпуске, а значит, ни перед кем не обязан отчитываться.

— А чего вы хотите взамен?

— Делать записи, а потом, когда вы арестуете убийцу, написать репортаж, который, быть может, снова даст мне шанс занять подобающее место, особенно если виновным окажется Морамбер. Тогда вся семейка испытает такое потрясение, что все от них мигом отвернутся. Мой репортаж, чем черт ни шутит, вполне способен вернуть мне прежнее место в газете. Прошу вас, месье комиссар, позвольте мне в последний раз попытаться вылезти из гнусного положения, в котором я оказался!

Леонс задумался. Рошрэ, несомненно, способен ему помочь, хотя бы сразу объясняя то, в чем он разбирался бы часами. Однако журналист пользовался самой дурной репутацией, и, надо полагать, начальство Серниля согласится на подобное сотрудничество не без скрежета зубного. Во избежание сплетен и пересудов, им не стоит слишком часто показываться вместе. Дело и так выглядит достаточно запутанным, чтобы создавать еще и новые сложности. Сначала Серниль хотел было отказать, но Рошрэ интересовал его, а кроме того, можно ли отнимать у человека спасительную соломинку, каковой для журналиста и впрямь может стать будущий репортаж?

— Хорошо, но с двумя условиями: вы постараетесь держаться как можно незаметнее и не станете ничего печатать без моего согласия.

— Даю вам слово. Это чертовски благородно с вашей стороны, месье комиссар, и, коли мне удастся-таки всплыть на поверхность, то лишь благодаря вам. Спасибо.

Довольно долго они шли молча, наконец Леонс заметил:

— Не стану скрывать, мне не терпится взглянуть на этих Морамберов и узнать хотя бы, как они выглядят!

— А который час?

— Около одиннадцати, а что? — ответил удивленный неожиданным вопросом комиссар.

— Пойдемте!

Сернилю лишь с трудом удалось поспевать за вдруг заторопившимся спутником.

— И куда же мы мчимся с такой скоростью?

— Каждый вечер, кроме воскресений и праздников, трое Морамберов, неизменно следуя одним и тем же маршрутом, отправляются сыграть партию в вист к старому холостяку Гийому Орвье. Когда-то он владел дубильным заводом, но на старости лет продал его нашим Господам — они вроде бы состоят в дальнем родстве.

С колокольни собора Нотр-Дам послышалось одиннадцать ударов.

— Ну вот, Морамберы уже прощаются с хозяином дома, и нам недолго ждать их появления.

Леонс мысленно отметил название улицы — Мюрье, а Рошрэ тихонько подтолкнул его в затененную нишу ближайшего подъезда.

— Помните, тот, кто идет ближе к стене, — это Господин Старший, слева — его брат Гуг и, наконец, самый младший, месье Поль, которому приходится соскакивать на проезжую часть, когда тротуар оказывается слишком узок для всех троих, — шепнул журналист.

— И такой порядок никогда не меняется?

— Никогда. Ш-ш-ш! Слушайте...

Полицейский наострил уши и уловил в ночной тишине эхо равномерных шагов. Звук приближался, и Леонс, наконец, увидел Морамберов. Господин Старший показался ему слишком массивным, Господин Гуг — тощим, а Господин Поль — малость коротконогим. Комиссар, как зачарованный, смотрел им вслед.

Глава 2

Проснулся Леонс в превосходном настроении и первым же делом позвонил в Монпелье — там ему обещали поторопиться. Потом комиссар начал тщательнейшим образом приводить себя в порядок, ибо ежеутренне получал от этого занятия огромное удовольствие. Завтракал Леонс в общем зале гостиницы. У официантки он спросил, где находится улица Монтэ, полицейский хотел застать старую деву Вессо дома, до того как она уйдет на завод. Позавтракав, он с удовольствием направился в старинную часть Аннонея.

Мадемуазель Вессо жила неподалеку от Морамберов. Несомненно, она нарочно выбрала обиталище как бы под покровительственной сенью хозяев. На окнах комиссар увидел горшки с геранью. За дверью два-три раза мяукнула кошка. А вот открыли ему далеко не сразу, пришлось подождать. Должно быть, здесь не слишком доверяют первым встречным.

Старая дева оказалась невероятно худой. Леонс подумал, что она, по-видимому, хранит верность моде прошлого века — у платья — высокий глухой ворот, а юбка спускается намного ниже колен. Кружевные манжеты рукавов напомнили Леонсу материнские фотографии времен ее юности. На носу мадемуазель Вессо красовались очки в тонюсенькой оправе, и общую суровость облика несколько смягчали лишь совсем седые и легкие, как пух, волосы.

— Что вам угодно, месье?

— Немного поговорить с вами, мадемуазель.

— О чем?

— Я — комиссар Серниль и веду расследование обстоятельств смерти Ивонны Салины и ее отца.

Полицейскому показалось, что собеседница побледнела.

— Не понимаю, каким образом...

— А что, если мы потолкуем об этом не на лестничной клетке?

— Прошу прощения, но я собираюсь на работу.

— Я вас долго не задержу. А кроме того, не сомневаюсь, что Господин Старший не станет сердиться на вас за опоздание, узнав о его причинах. Ну, так вы позволите мне войти?

Она молча посторонилась.

В маленькой комнатке с украшенным геранями окном все, казалось, дышало стариной. Мебель наверняка приобрели еще в начале века родители мадемуазель Вессо, а она заботливо сохранила все эти реликвии прошлого.

— Я вас слушаю, месье.

— Вы, кажется, уже много лет служите месье Морамберу-старшему, мадемуазель?

— В следующем году будет сорок восемь лет.

Старуха сказала это с нескрываемой гордостью, словно верная рабыня, довольная своим рабством.

— Следовательно, ничто, происходящее в семье Морамбер, не ускользает от вашего внимания, верно?

На лице мадемуазель Вессо появилось замкнутое выражение, как будто она решила наглухо отгородиться от дальнейших расспросов.

— Если я что-то и знаю, месье, — с большим достоинством проговорила старая дева, — то лишь благодаря доверительным разговорам или случайно. В обоих случаях дальше меня это не идет. Все дело в деликатности, такте, понимаете?

— Да, разумеется. Вы знали Ивонну Салины?

Полицейский заметил, что его собеседница вздрогнула.

— Нет, — неуверенно пробормотала она.

— Тогда по какой причине вы ежемесячно посылали ей почтовым переводом две тысячи новых франков?

— Но...

— Не трудитесь лгать, мадемуазель, это и унизительно, и совершенно бесполезно. Вы ведь понимаете, что я располагаю вполне официальными сведениями? Так кого вы пытаетесь покрыть, мадемуазель?

— Я... я не понимаю, что вы...

— Вам известно, что произошло с Ивонной Салины?

— Да...

— Ее задушили, мадемуазель, а ее крошечная дочка, уже и так лишенная отца, осталась еще и без матери. Мне поручено арестовать негодяя, совершившего это преступление, и я выполняю свой долг, сколь бы влиятельные люди ни пытались мне помешать. Ну, мадемуазель, так по чьему поручению вы посылали деньги?

— Господина Старшего...

Леонсу показалось, что старая дева произнесла эти несколько слов чуть ли не с религиозным обожанием.

— Значит, насколько я понимаю, Господин Старший, вполне возможно, и есть отец дочери Ивонны Салины?

От возмущения мадемуазель Вессо буквально подскочила в своем кресле.

— О, как вы можете так говорить?! Это... это... постыдно! Неприлично! Во-первых, Господин Старший уже давно вышел из того возраста, когда... когда... в общем, подобные истории уже не для него... Не говоря о том, что Господин Старший живет воспоминаниями о покойной мадам Мари, своей жене, которой оставался верен всю жизнь!

— Тогда чего ради он проявлял участие к мадемуазель Салины?

— Ивонна когда-то работала горничной у мадам Марты, супруги месье Гуга, младшего брата хозяина... и тот, узнав о приключившемся с девушкой несчастье, просто захотел помочь.

— Почему?

— Но... просто потому, что Господин Старший очень добр...

— Вы не умеете лгать, мадемуазель. Но, раз вы не хотите сказать мне правду, придется задать тот же вопрос вашему хозяину. Предупредите его, что я зайду к нему сегодня утром.

— Сегодня? Но Господин Старший никого не принимает без предварительной договоренности!

— К несчастью, я не могу ждать. До свидания, мадемуазель, я настоятельно прошу вас предупредить Господина Старшего, что ему не удастся отправить меня ни с чем. Я всегда нахожу способы встретиться с человеком, если по-настоящему этого захочу. Так что — до скорого.

Серниль все утро гулял по городу и явился к Господину Старшему не до полудня, как сказал мадемуазель Вессо, а гораздо позже. Комиссару хотелось растревожить этих «Господ» и попытаться поколебать их уверенность в собственном бесспорном и непрерываемом превосходстве над прочими смертными. Его ждали, а он все не шел. Вот и отлично — всегда лучше появиться в самый неожиданный момент.

Около одиннадцати утра Леонс вернулся в гостиницу и узнал от дежурного, что его просили срочно позвонить в Монпелье. Серниль немедленно набрал номер. Трубку снял его коллега Мённе.

— В чем дело, старина? Запахло жареным?
— Совсе нет. Просто вы хотели получить сведения о некоем Жаке Рошрэ, журна-
листе из Авиньона, так?

— Да. А они уже у вас?

— Угу, но там негусто...

— Все равно, выкладывайте!

— Значит так... Парню — тридцать лет, из них последние одиннадцать занимает-
ся журналистикой. Был на очень хорошем счету у дирекции газеты, пока не устроил
в Аннонее скандал.

— А насчет этого скандала что-нибудь известно?

— По-видимому, парень спяну грубо оскорбил семейство, обладающее в тех краях
изрядным весом. Из страха перед этими магнатами редактор еженедельника, в кото-
ром работал Рошрэ, выставил скандалиста за дверь. В результате, Рошрэ перебрался
в Авиньон и прозябает теперь в какой-то десятиразрядной газетенке. Вот и все.

— Спасибо, Мёнье.

— Так я все же сказал вам что-нибудь новое?

— Нет, но вы подтвердили кое-какие факты, полученные из другого источника.
Еще раз благодарю.

То, что рассказал Мёнье, немало порадовало Леона. Теперь, слава Богу, он мог
не сомневаться хотя бы в искренности Рошрэ.

Комиссар пообедал и, решив еще немного погулять «для моциона», вышел на
улицу. Проходя мимо какого-то бистро, он вдруг заметил журналиста. Тот пил кофе
с ликером, точнее, если судить по количеству пустых рюмок, — ликер с кофе. Сер-
ниль подошел к столику и сразу отметил, что у его нового знакомого уже довольно
туманный взгляд — должно быть, тот успел здорово набраться.

— Вы, что ж, никогда не бываете дома?

— А зачем?

— Но, уж коли вы вернулись в Анноней, то, очевидно, с какой-то определенной
целью, правда?

— Нет, просто время от времени мне хочется побывать в родных краях... Я был
здесь счастлив, месье комиссар, а главное, подобно диккенсовскому герою, питал
великие надежды. — Он ткнул пальцем в нестройные ряды пустых рюмок. — ...И вот
что от них осталось.

— А где вы живете?

— Снимаю меблированную комнату в тупике Рэколле у старухи, знавшей меня еще
мальцом. В те времена у нее была бакалейная лавка. По правде сказать, я и сам толком
не знаю, для чего всегда оставляю для себя эту нору... Возможно, не хочется оконча-
тельно рвать связь с прошлым. А как ваше расследование? Уже принялись за дело?

— Да, побывал у мадемуазель Вессо.

— А кто это?

— Особа, ежемесячно отправлявшая переводы Ивонне Салины.

— Мадемуазель?!

— Да, но она лишь выполняла указания Господина Старшего.

— Ага! — Рошрэ просиял. — Так, значит, они замешаны в этом деле, подонки!

— Полегче на поворотах... Давайте пока воздержимся от скоропалительных вы-
водов. Нам нужны факты, и только факты, месье Рошрэ.

— Тем не менее это явное указание, и теперь я чувствую себя гораздо увереннее.
Восхитительный пролог к моему будущему репортажу!

— Помните, что до меня никто не должен его читать, и даже догадываться о ва-
ших намерениях.

— Не беспокойтесь, я ведь дал вам слово. А можно узнать, что вы собираетесь делать дальше?

— Поговорю с месье Морамбером-старшим.

— Вас ждет масса удовольствия. Может, увидимся вечером?

— Прекрасно. Приходите ко мне ужинать.

Ровно в три часа пополудни Серниль заявил швейцару морамберовского завода, что хочет видеть Господина Старшего.

— Вам назначено? — спросил тот.

— Нет, мне это вовсе не требуется.

— Вы так думаете?

— Не только думаю, но и уверен.

— А вы, похоже, самоуверенный тип!

— При моей работе это необходимо.

— И кем же вы работаете?

— Я комиссар полиции.

— Вот как?... Ну, это меняет дело... Но не мог же я заранее догадаться...

— Разумеется, зато теперь ничто не мешает вам доложить обо мне хозяину.

— Я позвоню мадемуазель Вессо, личному секретарю Господина Старшего.

— Я с ней уже знаком.

— Садитесь, месье комиссар.

Серниль устроился в холле на кожаной банкетке, а швейцар поспешил связаться с мадемуазель Вессо.

— Позвольте, я вас провожу, месье комиссар, — сказал он, вернувшись.

Следом за швейцаром комиссар поднялся по лестнице и оказался в галерее, сплошь увешанной портретами важных господ в крахмальных воротничках, причем никто из них не улыбался.

— Кто это? — спросил Серниль.

Добровольный проводник комиссара, невольно понизив голос, почти прошептал:

— Предки нынешних Господ.

Удовлетворив таким образом любопытство полицейского, швейцар постучал в ближайшую к лестнице дверь и отворил ее прежде, чем ему успели ответить.

— Месье комиссар! — доложил он, посторонился, пропуская Серниля в комнату, и ушел, тщательно закрыв за собой дверь.

Полицейский оказался в просторном кабинете. Мебель здесь выглядела вполне современно, а стены украшали если и не скабрзные, то, во всяком случае, довольно легкомысленные картинки: танцовщицы, дамы в канотье или в вечерних платьях. И все вместе оставляло на редкость приятное впечатление. Из-за большого письменного стола в стиле Людовика XV навстречу комиссару поднялся невысокий мужчина с вялым, невыразительным лицом. Леонс решил, что это третий по счету из братьев Морамбер — месье Поль.

— Чем могу быть вам полезен, месье комиссар?

— Ничем.

— А?

— Я достаточно ясно сказал, что хочу поговорить с месье Морамбером-старшим, и не намерен иметь дело ни с кем другим.

— Но я его младший брат и...

— Весьма рад за вас, но это не меняет ни моей точки зрения, ни намерений.

— Не думаю, чтобы мой брат мог сейчас вас принять.

— Простите, но я никак не могу разделить вашего пессимизма.

Месье Поль явно не знал, что говорить или что делать дальше, и Леонс подумал, что журналист дал ему совершенно точную характеристику: безвольное ничтожество.

— Знаете ли, я... я занимаю достаточно высокое положение на... нашем заводе... и, коль скоро братья доверяются мне в самых серьезных делах, не понимаю, почему какой-то... э-э-э...

— Фараон? — любезно подсказал Серниль.

Его собеседника слегка передернуло.

— Прошу прощения, месье, но у нас здесь не очень-то привыкли к подобным выражениям... Короче, вы отказываетесь сообщить мне, что вас к нам привело?

— Вовсе нет. Преступление.

Месье Поль вздрогнул.

— Как? Что вы сказали?

— Преступление.

— Но... но...

— Точнее, убийство, жертвами которого стали Ивонна Салиньи, бывшая горничная одной из ваших невесток, и ее отец.

— Но почему... с какой стати вы явились сюда обсуждать подобные грязные истории?

— А вы и в самом деле не догадываетесь, месье?

Морамбер-младший аккуратно вытер вспотевший лоб. Леонс заметил, что рука у него слегка дрожит, и подумал, с каким удовольствием наблюдал бы эту сцену Рошрэ.

— Но если... если... эта несчастная девушка работала у нас... это еще не повод...

— Еще раз прошу меня извинить, месье, но я ведь сказал вам, что хочу побеседовать с главой вашей семьи, и с ним одним, — перебил его комиссар.

— Ладно... раз вы настаиваете...

— Вот именно, и, с вашего позволения, месье, отнюдь не намерен отступить.

— В таком случае... — месье Поль встал. — Прошу вас, идите за мной, — пригласил он полицейского, обогнув стол.

Они вместе вышли из кабинета, Морамбер-младший толкнул ближайшую дверь и, пропустив комиссара вперед, деликатно удалился.

Леонс понял, что Морамберы либо испытывают его терпение, либо хотят подразнить, так как и теперь его принял не Господин Старший, а Гуг Морамбер, чьи кокетливо завитые волосы не могли скрыть уже довольно обширной лысины. Седые виски никак не вязались с юношески стройной фигурой, утонченностью туалета и милой раскованностью избалованного ребенка. Он протянул Леонсу руку.

— Добро пожаловать, месье комиссар! Садитесь вон в то кресло — оно не первой молодости, зато на редкость удобно.

Атмосфера обставленной в английском стиле комнаты показалась Сернилю очень приятной. Книжные полки, стол, большой, отделанный бронзой книжный шкаф темного красного дерева, стены до середины обшиты панелями и украшены яркими гравюрами, несомненно, написанными по ту сторону Ла-Манша. Так что, по всей видимости, месье Гуг был англофилом.

— Выпьете чего-нибудь, месье комиссар? Могу предложить вам шотландское виски, джин или бренди...

Серниль с удовольствием подумал, что его предположения оказались верны.

— Спасибо. Но, как я уже говорил сначала швейцару, а потом вашему младшему брату, мне необходимо побеседовать с месье Матьё Морамбером.

— Знаю-знаю! Однако наш Старший слишком занят, чтобы заниматься обстоятельствами смерти Ивонны Салиньи.

— А, так вы, насколько я понимаю, в курсе, зачем я пришел?

Месье Гуг показал на изящно отделанную коробочку, украшавшую его стол.

— Благодаря этому интерфону я слышу все, что говорится в кабинетах Поля и Матьё.

— Довольно неожиданная система связи, вам не кажется?

Средний из Морамберов с достоинством выпрямился.

— Ни мои братья, ни я сам ничего не скрываем друг от друга, месье, и то, что вам показалось системой непрерывной слежки, на самом деле лишь способ контроля, позволяющий не тратить время попусту. Например, благодаря интерфону вам не придется повторять мне то, что вы говорили Полю. Иногда же он дает нам возможность вмешаться в разговор, если, скажем, кто-то из нас располагает сведениями, не известными двум другим.

— Стало быть, месье Морамбер-старший нас сейчас слышит?

— Да.

— Тогда, повторяю, я не уйду отсюда, не повидавшись с ним, а в случае отказа вернусь с официальной бумагой. И тогда ему самому придется идти со мной в полицейский участок.

— Я вижу, вы человек упрямый, — нервно заметил Гуг.

— А при моей работе иначе нельзя.

Месье Морамбер-средний немного помолчал.

— Нет, это просто невероятно! — вдруг воскликнул он. — Не может быть, чтобы вы посмели приставать к нам с каким-то гнусным преступлением!

— Затем я сюда и пришел, месье, чтобы выяснить, так ли уж грязна эта история, — все так же спокойно объяснил Леонс. — Точнее, я должен выяснить, совершил ли эти убийства какой-нибудь бродяга или...

— Или?

— ...или вполне респектабельный господин, попавший в безвыходное положение... допустим, из-за шантажа.

— И вы посмели вообразить, будто член нашей семьи...

— Я ровным счетом ничего не воображаю, месье, а ищу доказательства. Без них любые домыслы ломаного гроша не стоят. Уж таковы элементарные правила моей профессии.

— Однако, раз вы пришли сюда...

— Значит, у меня есть к тому основания.

— И какие же?

Леонс покачал головой.

— Я изложу их только месье Морамберу-старшему.

— Но так мы никогда ни до чего не договоримся!

— Все зависит исключительно от вас, месье, и от вашего старшего брата.

В ту же секунду послышался зуммер, и месье Гуг быстро нажал рычажок интерфона.

— Да?

— Надо с этим кончать, Гуг. Веди полицейского ко мне.

— Считай, что мы уже идем.

И Серниль понял, что имел честь слышать голос самого Господина Старшего.

Третий кабинет из тех, что предстали в тот день глазам Серниля, был обставлен в стиле Людовика XIII. Все здесь казалось удивительно массивным, прочным и цельным. И даже несколько безделушек и картин XVII века ни в коей мере не смягчали суровую атмосферу комнаты. Комиссар опустился в кресло с такой высокой спин-

кой, что ему невольно пришлось держать спину очень прямо. Как видно, Господин Старший принимал все меры к тому, чтобы посетители у него не задерживались.

Матьё Морамбер оказался очень грузным мужчиной. Впрочем, из-за слишком широких плеч он выглядел несколько толще, чем был на самом деле. Седые, тщательно зачесанные и приглаженные волосы лишь подчеркивали ледяную холодность слегка обрюзгшего лица. Сквозь очки без оправы посверкивали маленькие светлые глаза. Возможно, желая смутить назойливого полицейского, месье Матьё долго молчал и только сверлил его взглядом. Однако этот пристальный, как бы оценивающий, взгляд, похоже, ничуть не волновал. В конце концов, главе клана Морамбер пришлось первым нарушить молчание, и эта уступка противнику сразу сказалась на его настроении.

— У меня очень мало времени, месье, — почти грубо буркнул он.

— А у меня его, по-вашему, навалом? — бесцеремонно перебил Серниль.

— Я не позволяю вам...

— Не в вашей власти разрешить или запретить мне что бы то ни было, месье Морамбер, так что, не пытайтесь меня запугать. Я не живу в Аннонее, и клан Морамбер мне совершенно безразличен.

— Будьте осторожнее!

— С чем?

— Я не привык, чтобы со мной разговаривали таким тоном, и не потерплю...

— Могу то же сказать и о себе, месье! Поймите, наконец, месье Морамбер, я — не ваш служащий и вовсе не обязан вам подчиняться. А потому, если вы не против, поговорим-ка лучше о том, что привело меня в ваш кабинет.

Господин Старший усилием воли подавил раздражение.

— Ваше поведение, месье комиссар, мне в высшей степени неприятно, и я не премину сообщить об этом кому следует, — уже спокойным тоном заметил он.

— Пожалуйста. А пока, прошу вас, давайте ограничимся обсуждением интересующей меня темы. Вы знали Ивонну Салиньи?

— А, по-вашему, я должен был ее знать?

— Несомненно, если только вы не имеете обыкновения содержать незнакомых женщин.

— Если вы пытались сострить, то напрасно — шутка получилась не смешной.

— Нет, месье, это не шутка. В преступлении как таковом вообще нет ничего смешного.

— Прошу прощения, я никогда не читаю уголовной хроники.

— Похоже, так оно и есть, раз вы продолжаете высылать деньги покойнице.

— Я имею полное право тратить деньги, как заблагорассудится.

— А я обязан найти убийцу, но пока у меня есть для этого всего одна зацепка: Ивонна Салиньи была матерью-одиночкой. Некто ежемесячно высылал ей и девочке денежный перевод. И я склонен думать, что это делал отец ребенка, иначе зачем бы ему по-прежнему платить после смерти молодой женщины. Более того, отец Ивонны, человек совершенно бессовестный, чуть ли не открыто хвастал, будто шантажирует либо соблазнителя дочери, либо убийцу, если, разумеется, это не одно и то же лицо. Шантаж стоил Барнабэ Салиньи жизни.

— Но, Господи Боже, месье! Меня-то с какой стороны касаются все эти мерзости?

— Именно над этим вопросом я и ломаю голову, потому что деньги Ивонне Салиньи через свою секретаршу мадемуазель Вессо посылали вы.

— Мадемуазель Вессо наверняка говорила вам, что когда-то Ивонна была горничной у моей невестки Марты, потому я и счел своим долгом ей помогать. Неужели вы станете осуждать нас за самое обыкновенное милосердие?

Леонс встал.

— Вам больше нечего сказать мне, месье?

— Да. Прощайте.

Серниль улыбнулся.

— О нет, не прощайте, а до свидания, месье Морамбер. Вы ведь, надеюсь, сами понимаете, что я не могу удовольствоваться таким объяснением?

Матьё, в свою очередь, поднялся с кресла.

— Уж не намекаете ли вы, что я лгу?

— К сожалению, мне приходится учитывать и такую возможность.

— Но чего ради я стал бы обманывать?

— Ну, например, чтобы выгородить кого-то из близких вам людей...

Комиссар видел, как Господин Старший судорожно сжал кулаки.

— Как бы вам не пришлось узнать, что никто не имеет права обращаться со мной, как с одним из тех бандитов, с которыми вы привыкли иметь дело!

— Подобная перспектива меня не остановит.

— На моем пути вставало немало преград, но мне всегда удавалось их уничтожить.

— Иногда можно споткнуться и о чуть заметный камешек, месье Морамбер, а тогда, предупреждаю вас, мы увидим головокружительный полет!

— Уходите!

— До скорой встречи, месье Морамбер.

Чтобы немного успокоить нервы, полицейский решил пройтись пешком и долго гулял по дороге Вильвоканс. Когда же усталый, но уже совершенно спокойный Леонс вернулся в гостиницу, его уже поджидал Рошрэ. Журналист встретил полицейского шуткой:

— Вы так припозднились, дорогой комиссар, что я уже начал всерьез опасаться, как бы наши разгневанные Господа не бросили вас в какой-нибудь ров!

— По-моему, будь у них такая возможность, ею бы с удовольствием воспользовались.

— Рассказывайте же скорее!

— Дайте мне сначала заглянуть к себе в номер. Садитесь за столик и закажите ужин — я целиком полагаюсь на ваш вкус. Я долго не задержусь.

Как только они расправились со сморчками в сметане и перешли к утке, Леонс начал повесть о своих похождениях в твердыне Морамберов, о бросающейся в глаза никчемности месье Поля, об элегантно небрежности месье Гуга и, наконец, о силе характера Господина Старшего, чье спокойствие ему все же удалось поколебать. Не умолчал он и о скрытых угрозах в свой адрес.

— Скорее всего, слова очень скоро превратятся в действия, уж поверьте моему опыту. Имейте это в виду и подумайте, может, имеет смысл изменить линию поведения?

Прежде чем ответить, комиссар допил вино и вытер салфеткой губы.

— Дорогой месье Рошрэ, знай вы меня получше, я счел бы ваш вопрос просто оскорбительным. В моем возрасте человек уже не строит никаких честолюбивых планов и мечтает лишь дотянуть до отставки в более-менее приличном состоянии. За все годы службы я еще ни разу не уступал чьему бы то ни было давлению и не собираюсь начинать сейчас. А на повышение в чине я давным-давно махнул рукой и смирился с мыслью так и уйти на пенсию обычным комиссаром. Поэтому все угрозы Морамберов...

— Во всяком случае, если вас отстранят от расследования этого дела, можете не сомневаться — я подниму страшный шум!

К столику подошла официантка и сообщила, что комиссара просят к телефону. Вернувшись и снова заняв место напротив журналиста, он лаконично бросил:

— Что ж, можете начинать прямо сейчас — меня срочно вызывают в Турнон.

Несмотря на приказ явиться как можно быстрее, Леонс и не думал торопиться. Он долго любовался чудесными видами, открывавшимися его взору, и прибыл в Турнон лишь около одиннадцати часов. Едва выйдя из машины, комиссар чуть не столкнулся с хорошенькой мадам Кастельмару. Молодую женщину очень удивило, что Серниль здесь, в городе, а она об этом даже не слыхала.

— Разве мой муж не знает о вашем возвращении в Турнон?

— Меня вызвал месье прокурор.

— Странно... Вам не кажется?

— Нисколько, мадам. Очевидно, Морамберы полагают, что месье Грессак гораздо больше склонен отстаивать их интересы, чем ваш супруг.

— Ясно... А как вы смотрите на то, чтобы пообедать у нас?

— Спасибо, с превеликим удовольствием.

— Так мы будем вас ждать. Как только освободитесь — приходите. Я уверена, что муж вам очень обрадуется.

Расставшись с милейшей мадам Кастельмару, Леонс вдруг почувствовал себя гораздо увереннее. Судья не бросит его в беде, а раз так, можно не слишком опасаться и встречи с прокурором. Однако последний встретил его без тени прежней учтивости.

— Я, кажется, просил вас явиться срочно, месье комиссар?

— Я и приехал, как только смог.

— «Как только смогли»? Ничего себе! Подумать только, что, едва оказавшись в Аннонее, вы не нашли ничего лучше, чем пойти напрямик к Морамберам — самой влиятельной семье во всем городе — и устроить там скандал!

— Я попросил бы вас выбирать слова, месье прокурор.

— Ладно, тогда я просто и ясно скажу, что, по-моему, вам недолго осталось вести расследование убийства двух Салиньи.

— Хотите — верьте, хотите — нет, месье прокурор, но меня это не особенно огорчает. А что до Морамберов, то, если я и явился в их цитадель незванным, то лишь по одной простой причине: я надеюсь найти там убийцу, которого должен арестовать.

— Вы что, шутите?

— Я слишком давно живу на свете, месье прокурор, чтобы в таком серьезном деле легкомысленно бросать слова на ветер.

— Но, послушайте...

— И, уверяю вас, какими бы связями и покровительствами ни пользовались Морамберы, если преступник — один из них, ничто не помешает мне схватить его за шиворот. А в случае давления со стороны более высокопоставленных особ, обо всем расскажу прессе.

— Ваши угрозы оскорбительны!

— Нет, это всего лишь предупреждение.

— Я требую, чтобы вы извинились!

Дверь распахнулась, и на пороге вырос Кастельмару. На губах его блуждала насмешливая улыбка.

— Я вижу, у вас тут царит самое сердечное согласие!

— По-моему, вы забыли постучать, прежде чем врываться в мой кабинет, Кастельмару! — сухо бросил прокурор.

— А может, вы так кричали, что не расслышали стука?

— Позволю себе напомнить: то, что происходит в моем кабинете, ни в коей мере вас не касается!

— Верно, при условии, что и я позволю себе слегка освежить вашу память: надзор за следствием по делу об убийстве Салины поручен мне, и, стало быть, месье комиссар Серниль обязан выполнять в первую очередь мои рекомендации.

Грессак хмыкнул.

— Не думаю, что это вы посоветовали ему первым делом довести до белого каления Морамберов!

— А кто такие Морамберы?

— Желаю вам познакомиться с ними, и очень скоро. Вы можете идти, комиссар, но я обязан честно предупредить вас, что, если из Аннонея на вас снова пожалуются, я немедленно сообщу вашему начальству.

Леонс поклонился.

— Буду вам премного обязан, месье прокурор. Связавшись с управлением сами, вы избавите меня от лишних хлопот.

После этой стычки с прокурором судья увел Серниля домой, обедать. За едой Кастельмару попросил Леонса не говорить о делах, и разговор шел лишь о провинции Ардеш, которую Кастельмару считал одним из красивейших уголков Франции.

Наконец после кофе мужчины удалились в кабинет судьи, и Леонс поведал то немногое, что ему удалось узнать об Аннонее, а заодно объяснил, каким образом навлек на свою голову прокурорский гнев. Очевидно, Матьё Морамбер уже позвонил Грессаку. После этого комиссар поделился вытекающими из всего этого предположениями и планами на ближайшие несколько дней. Судья слушал, не перебивая.

— Постарайтесь не злить Морамберов понапрасну, — лишь заметил он, когда Леонс умолк. — Они и впрямь очень влиятельные люди. Но если, положа руку на сердце, вы сможете с уверенностью сказать, что убийца — один из них или пользуется их покровительством, идите напролом! Пока вы действуете в рамках закона, я всегда сумею прикрыть вас. Впрочем, не представляю, чтобы вы могли сделать что-нибудь противное закону. А теперь отдавайте-ка моего грушевого ликера, который мне присылают из Кондриё. По-моему, он вполне может соперничать с тем, что делают в Вале.

Легкая эйфория охватила Леонса после отличного обеда и от сознания, что ему не придется вести трудную борьбу в одиночку, поэтому комиссар возвращался в Анноней в самом оптимистическом расположении духа.

А там его охватило такое рвение, что комиссар решил нарочно зацепить Господина Старшего и показать ему, что нисколько не боится Морамберов. Остановив машину возле завода, он заявил швейцару, что хочет немедленно поговорить наедине с месье Матьё. Глава клана велел передать полицейскому, что не испытывает ни малейшего желания его видеть. Серниль мягко отодвинул швейцара и решительным шагом двинулся к уже знакомой лестнице. Ошарашенный такой бесцеремонностью, несчастный страж потерял несколько драгоценных секунд на то, чтобы обдумать положение, и, когда он наконец бросился следом за полицейским, тот уже бодро карабкался по ступенькам.

— Месье комиссар, это невозможно... Прошу вас, месье комиссар...

Но Леонс уже достиг двери кабинета Господина Старшего и без дальнейших церемоний повернул ручку. Страж вцепился в перила, чувствуя, что сейчас потеряет сознание, так потрясло его столь вопиющее нарушение приличий и скрупулезно соблюдаемого испокон веков ритуала.

При виде Серниля Матьё Морамбер и глазом не моргнул.

— Я ведь, кажется, сказал, что не хочу вас видеть? — лишь спокойно спросил он.

— Зато мне хотелось вас повидать.

Ненадолго в кабинете воцарилась полная тишина, потом Господин Старший снова заговорил.

— Вы изо всех сил рветесь в бой, не так ли?

— Вовсе нет, но подобная перспектива меня не пугает.

— И в чем причина вашего ожесточения?

— Я должен поймать убийцу.

— А может, доставить удовольствие своему приятелю Рошрэ?

— Ну, не все ведь могут дружить с турнонским прокурором.

— А, так вы уже получили от него известия?

— Да, я только что оттуда.

— И что же?

— Я попросил месье Грэссака не вмешиваться в то, что не входит в его компетенцию.

— Ясно. — Месье Морамбер-старший пожал плечами. — Стало быть, придется обратиться куда-нибудь подальше и повыше, но вы за свою наглость заплатите, месье, можете не сомневаться.

— А я, месье, даю вам слово, что, если в результате проведенного мной расследования убийцей окажется кто-то из членов вашего клана, Морамберам придется заплатить по счету.

И снова — затянувшаяся пауза. Мужчины лишь смотрели друг на друга, подобно двум борцам, готовым в любую минуту сцепиться. И снова первым решился нарушить молчание Господин Старший.

— Месье комиссар, ваше нахальство, вульгарность, тщеславие, короче, решительно все в вас мне глубоко несимпатично.

— Весьма сожалею. Я бы хотел знать, что побуждает вас выплачивать пансион за ребенка Ивонны Салиньи даже после того, как мать девочки погибла.

— Я уже ответил вам на этот вопрос.

— Допустим, но ваши объяснения меня не удовлетворили. А кроме того, даже если допустить, что все так и есть, зачем вам понадобилось действовать тайком?

— Благотворительность не нуждается в рекламе.

— Как и преступление.

— Вы начинаете меня утомлять, месье комиссар. Я уже не в том возрасте, чтобы душить неверных красоток, и даже сама мысль о возможности шантажа из-за тайной интрижки выглядит тщеславной и нелепой.

— А как насчет ваших братьев?

— Гуг давно остепенился и стал моей невестке примерным супругом. А Поль два года назад женился на Коlette по любви. Так что у него явно не могло возникнуть тяги к непристойным приключениям, о которых вы мне толкуете.

— А ваш племянник?

— Филипп? Он — умный, серьезный и надежный парень. И явно не из тех, кто станет рисковать будущим, развлекаясь с девушками из простонародья, да еще плодя незаконное потомство. Не говоря уж о том, что Филипп обручен с Симоной Шаффуа.

— С точки зрения логики, ваши доводы выглядят вполне основательно. И все же в глубине души я абсолютно уверен, что ключ к тайне — ваши денежные переводы Ивонне Салиньи, и лишь разобравшись с этим, можно добраться до преступника.

— Как вам будет угодно. Я полагаю, нам больше нечего сказать друг другу, а потому я бы попросил вас избавить меня от столь же неприятных, сколь и вредных

для репутации моего дома визитов. Я все еще принадлежу к тому обществу, в котором не принято хвастать знакомством с полицейским, каким бы поверхностным это знакомство ни было.

Леонс с трудом удержался от вертевшегося на языке грубого ответа на презрительное замечание Господина Старшего.

— Могу я увидеть вашего племянника?

— Зачем? С какой целью?

Серниль вдруг почувствовал, что Морамбер-старший начинает нервничать, и решил воспользоваться преимуществом.

— Ну, к примеру, спросить его, уж не он ли, часом, соблазнил Ивонну Салины, а потом — в конце концов, почему бы и нет? — убил ее?

— Не смейте трогать Филиппа!

Леонс тут же сообразил, что этот молодой человек, наследник морамберовской «короны», — самое уязвимое место противника.

— Как ни печально, но я вынужден предупредить вас, что в случае необходимости вашему племяннику придется давать показания, как и другим свидетелям. У порога Дворца правосудия все привилегии кончаются, месье. И даже вам придется с этим смириться.

— Я не желаю выслушивать нравоучения ни от вас, ни от кого-либо другого!

— И, возможно, тешите себя напрасными иллюзиями. Но, как бы то ни было, в случае с месье Филиппом Морамбером мотив преступления вполне правдоподобен и, главное, логичен!

— Вы с ума сошли! — буркнул Матьё.

— Ну, сами подумайте: допустим, молодой человек совращает молоденькую горничную своей матери — типичная ситуация из тех, каким так и пестрела хроника многих почтенных семейств в те времена, пока прислуга почти не перевелась. К несчастью, незаконная связь увенчивается плодом. Стало быть, необходимо любой ценой замаять скандал и скрыть от семьи Шаффуга, где наследника Морамберов ждет невеста, что ее суженый скоро станет отцом. Из этих соображений и мать, и девочку отправляют в деревню. Все вполне красиво и благородно. Соблазненной девушке щедро платят за молчание. Но, к несчастью, по еще не известной мне причине, дела начинают портиться. То ли у Ивонны под влиянием пьянчужки-отца разгорелся аппетит, то ли она потребовала узаконить связь. Так или иначе, исход один — смерть. Папашу Ивонны тоже приходится убить, поскольку он знал от дочки имя любовника-убийцы. Ну, а избавившись от обременительной любовницы, наш донжуан получил возможность, как и предполагалось, обвенчаться с богатой невестой, а совесть он успокоит, окружая дочку Ивонны всеми мыслимыми и немыслимыми заботами, но тайно. Как вам нравится такая версия?

— Мне жаль вас, месье. Муторно, должно быть, жить с такой низменной душой.

Леонс встал.

— Воля ваша. С месье Филиппом Морамбером я встречусь завтра утром. Будьте любезны, предупредите его.

— Это невозможно!

— В самом деле?

— Моего племянника нет в Аннонее, и возвращается он только послезавтра...

— И давно он уехал?

— Примерно, месяц назад.

— Прошу прощения за нескромность, но нельзя ли узнать, куда отбыл месье Филипп?

— В Лимож, где у нас наиболее крупные заказчики.

-
- Иными словами, у молодого человека безукоризненное алиби?
 - Филипп не нуждается в алиби.
 - Тем не менее я проверю ваши утверждения, можете не сомневаться.
- Полицейский отвесил поклон и ретировался.

В коридоре, когда он проходил мимо двери месье Гуга, та открылась, и средний из братьев Морамбер и второе лицо в клане после Матьё пригласил комиссара к себе в кабинет. Как только они вошли в комнату, самый элегантный из представителей семейства Морамбер чуть слышно пробормотал:

- Оставьте моего сына в покое, месье комиссар! Он ни в чем не виноват!
- Вы уверены?
- Более чем...
- И откуда же такая убежденность?

Гуг, немного поколебавшись, прямо и откровенно выпалил:

- Это я был любовником Ивонны Салины, и ее дочь — от меня!
- Значит, это вы задушили Ивонну и ее отца?
- Нет.

— Вам придется это доказать.

— В то время, когда произошли оба убийства, я принимал клиентов и возил их обедать в ресторан «Бориваж» в Кондриё. Хозяин ресторана подтвердит мои слова. Да и в бухгалтерии, впрочем, наверняка остались счета. Можете найти их и взглянуть на даты.

— Не волнуйтесь, так я и сделаю. Кроме того, я не могу довольствоваться только уверениями в том, что касается ваших отношений с жертвой. Кто мне докажет, что вы не обманываете, пытаясь прикрыть собой кого-то еще?

— Надеюсь, в подобном случае вы согласитесь считать мою жену достаточно надежным свидетелем?

— Так она обо всем знала?

— Когда Ивонна уже не могла скрыть своего положения, мне пришлось во всем повиниться перед Мартой.

— Вы позволите с ней поговорить?

— Приходите к нам завтра на аперитив в половине одиннадцатого, и я расскажу вам эту злосчастную историю, оставившую в моей душе приятные воспоминания и неизгладимое чувство вины. Ну как, согласны?

— Договорились.

Глава 3

На следующий день Серниль явился к Морамберам в глубоком смятении. Он плохо понимал поведение Гуга и его внезапную тягу к самобичеванию, дошедшую до такой степени, чтобы призвать в свидетели супружеской измены собственную жену. Лишь одно оставалось для Леонса совершенно ясно: если Морамберы и согласны прослыть совратителями, то в убийстве они никогда не сознаются.

Дверь комиссару открыл слуга, похожий на клерка нотариальной конторы начала века. Представившись, полицейский с изумлением услышал в ответ:

— Нам это известно, месье комиссар. Вас уже ожидают. Не соблаговолите ли следовать за нами? — Все это дворецкий изрек с такой торжественностью, так снисходительно и чуть-чуть елейно, как обычно изъясняются в наше время разवे что епископы.

Они пошли по длинному коридору. Винтовую лестницу, ведущую на второй этаж, покрывал толстый ковер.

Проводник деликатно указал комиссару на великолепную дверь красного дерева, украшенную бронзовыми арабесками, и та бесшумно отворилась — хорошо смазанные петли, разумеется, не посмели скрипнуть. Теперь перед Сернилем предстала молодая женщина в безукоризненно сидящем классическом облачении прислуги из хорошего дома.

— Это месье комиссар Серниль, Эрнестина, — все так же торжественно прошелестел дворянкой.

Женщина слегка присела в реверансе, приветствуя гостя, и впустила его в огромный холл, достаточно просторный, чтобы вместить массивную мебель, гигантские японские вазы, поражающие размерами столы. Повинуясь знакам молчаливой горничной, полицейский прошел дальше, в маленькую библиотеку, где его ждал месье Гуг Морамбер.

— Благодарю вас, что не сочли за труд прийти, месье комиссар. Здесь ваше появление не вызовет такого волнения, как на заводе. Прошу вас, садитесь.

Как только полицейский удобно устроился в кресле, Морамбер-средний приступил к обещанной исповеди.

— Прежде всего, я должен честно признаться, месье комиссар, что всегда был страстно влюблен. Женщины даже в большей степени, чем работа, составляли смысл моего существования. Сами понимаете, как тяжело мне было стареть. Каждый год отнимал часть удовольствий, которые создали мне такую лестную и легкомысленную репутацию. Из-за семейного положения отказать мне от дома никто не мог, но за мной непрерывно следили мужья, отцы и братья, прочие не в меру щепетильные родичи, а то и ревнивые любовники. Тем не менее у меня было много любовниц. Я их обманывал, и они платили мне той же монетой. Вся моя жизнь — непрерывная череда то шумных, то незаметных, то весьма дорогостоящих разрывов... Да, я никогда не был примерным супругом. Но что вы хотите? Натура всегда брала верх... Я любил и до сих пор очень люблю свою жену, но не смог обеспечить ей положение единственной избранницы, это оказалось выше моих сил. Лишь тяжелая болезнь заставила меня остепениться. Два года назад я чуть не умер от грудной жабы. Марта, моя жена, добрая христианка, а потому считает своим долгом прощать обиды. В то время она с замечательной самоотверженностью ухаживала за мной. Но не имея возможности дено и ночью оставаться у моей постели, Марта в то же время не хотела пускать в дом совершенно постороннего человека. Поэтому она попросила время от времени сменять ее горничную, много лет служившую у нас. Девушку звали Ивонна Салины. Остальное вы легко угадаете. Очень скоро мы прониклись друг к другу большой нежностью, и, как только я поправился, Ивонна стала моей любовницей. Все испортилось в тот день, когда она сообщила мне о событии, которое принято называть счастливым, но для меня обернулось катастрофой. Пришлось рассказать обо всем братьям. Они меня, конечно, не поздравили, отнюдь нет, впрочем, вы, наверное, можете представить наш разговор. В конце концов, Господин Старший согласился сам предупредить мою жену о скором отъезде Ивонны и попросить ее не задавать девушке лишних вопросов.

Я отправил Ивонну рожать к знакомой акушерке, а потом поселил у вдовы Коломбье, на небольшой ферме неподалеку от Ламастра. Мне рекомендовали эту женщину как исключительно порядочного и добродушного человека. Мы договорились, что Ивонна будет жить там и воспитывать нашего ребенка, пока мы не найдем приемлемого для обеих сторон решения, не забывая, естественно, об интересах девочки. Вот и вся история, месье комиссар. Когда я узнал об ужасной смерти Ивонны, то стал еще больше переживать за малышку. Я ведь очень люблю это дитя своих осенних дней... Не знаю пока, что мне удастся для нее сделать, но приложу все силы, чтобы

в будущем моя дочь как можно меньше страдала от своего положения. А в заключение, месье комиссар, позвольте мне еще раз уверить вас, что я не убивал Ивонну Салины и не душил ее отца. Я, конечно, понимаю, что никак не могу считаться образцом добродетели, но чтобы дойти до истребления ближних... нет!

— Но кто же тогда?

— Надеюсь, вы понимаете, что, зная имя убийцы, то с радостью назвал бы его вам. Однако с тех пор, как Ивонна уехала из нашего дома, мы почти не поддерживали никаких отношений. Я ни разу не ездил к ней на ферму, а Ивонна, не будучи связана со мной никакими обещаниями, вероятно, считала себя вправе встречаться с кем угодно. Возможно, несчастная надеялась найти человека, способного полюбить ее достаточно сильно, чтобы принять чужого ребенка, как своего?

— А этот предполагаемый влюбленный, вместо того, чтобы жениться, взял и удавил Ивонну Салины?

— Да, вы правы... выглядит все это довольно странно...

— Месье Морамбер, сейчас я задам вам один вопрос и очень прошу ответить на него совершенно искренне, потому что от этого может зависеть весь дальнейший ход моего расследования.

— Я вас слушаю.

— За все это время Ивонна или ее отец хоть раз пытались вас шантажировать?

— Никогда, даю вам слово. А теперь, если хотите, я познакомлю вас с мадам Морамбер.

— К вашим услугам.

Гуг проводил полицейского в гостиную, обставленную в стиле Людовика XV, где его с безукоризненной любезностью приняла женщина лет пятидесяти. Познакомив жену с комиссаром, Гуг оставил их наедине. Леонс смутился, не зная, как начать разговор столь деликатного свойства. И мадам Гуг, как называли ее в городе, с печальной улыбкой на устах сама пришла к нему на помощь.

— Мне известно, что привело вас сюда, месье комиссар. Я не сомневаюсь, что мой муж сказал вам чистую правду. Женщины играли в его жизни очень важную роль, и, рикомшетом, в моей — тоже. Впрочем, Гуга можно понять — он всегда обладал удивительным обаянием. При желании, он и теперь еще может быть очень мил. О связи с Ивонной Салины — все верно. Но только не вздумайте подозревать моего мужа в убийстве, месье комиссар! Гуг испытывает непреодолимое отвращение ко всем видам насилия. Честно говоря, он даже немного трусоват, да это и естественно — каким еще может вырасти человек, которому все и всегда прощают?

— И вы, мадам, тоже неизменно прощали мужа?

— Да, я ведь его люблю.

— Позвольте мне в таком случае выразить вам глубокое восхищение. Любая другая женщина на вашем месте выразила бы супругу весь свой гнев, негодование и боль!

— Господин Старший не разрешил бы мне ничего подобного.

— Неужели и в таких сугубо личных делах ваш доверь...

— Господин Старший управляет всей семьей и ее достоянием в целом.

— Но столь слепое повиновение просто не укладывается в голове!

— У человека постороннего — возможно... Но здесь еще сохранилось старое представление и о семье, и о ее главе, поэтому мы, местные жители, принимаем существующий порядок как должное. Господин Старший, по сути дела, пожертвовал заводу всю жизнь. Этот человек ни разу не позволил себе расслабиться и, можно сказать, никогда не выезжал за пределы Аннонея. За него и по его указаниям в путешествие отправлялись другие. Моя золовка Мари умерла отчасти со скуки, а преждевременная кончина Мадлен, их дочери, стала для Господина Старшего страш-

ным ударом, и он окончательно отгородился от мира. Матьё никогда не приходит на наши приемы и вообще не бывает у кого бы то ни было. Вне дома и завода его можно увидеть разве что на свадьбе или похоронах. Удивительный, незаурядный человек, и, как вы, вероятно, догадываетесь, жить с ним бок о бок очень нелегко.

Путь, по которому продвигалось следствие, казался Сернилю все более загадочным. С каждым новым шагом все вокруг как будто рушилось на глазах. И Леонс решил поделиться сомнениями со своим коллегой Мальпа. Тот ничуть не удивился, узнав, с какими трудностями столкнулся Серниль.

— Будь тут простое решение, вас бы не позвали на помощь.

— Да, конечно, но я никак не мог предвидеть, что попаду в средневековое общество!

— Что?

Серниль рассказал Мальпа обо всем, чем занимался после их знакомства, о признаниях Гуга Морамбера, объявившего себя отцом ребенка Ивонны, но решительно отвергавшего причастность к двойному убийству. Мальпа подтвердил, что Гуг всегда слыл донжуаном, но посоветовал Леонсу отказаться от мысли найти преступника среди членов этого влиятельного семейства.

— С тех пор, как я начал тут работать, дорогой друг, мне пришлось выслушать немало жалоб и возмущенных воплей насчет всесилия Морамберов. Но ни разу до меня не доходило ничего такого, что могло бы запятнать честь клана. И, честно говоря, у меня складывается впечатление, что кто-то заведомо настроил вас против Морамберов.

— Что вы имеете в виду?

— Я знаю, что каждый день вы видите с Рошрэ. Как вы помните, я сам посоветовал вам обратиться к нему за сведениями, но сделал я это, надеясь оградить вас от ошибок, точнее, опасных ляпсусов, почти неизбежных при расследовании в незнакомом месте, но мне и в голову не приходило, что Рошрэ настроит вас против тех, к кому питает давнюю и упорную ненависть. То, что Морамберы обошлись с ним очень круто, чистая правда, но, черт возьми, какого лешего его понесло орать всякие оскорбления у них под окнами? Вы хоть на минуту представляете себе, какой скандал вызвала его дурацкая выходка?

— Пожалуй, да.

— Рошрэ — престранный тип. Я отношусь к нему с большой симпатией, как к человеку умному, тонкому и чувствительному, который, не случись того злосчастного столкновения, вполне мог бы преуспеть в очень нелегкой профессии. Но когда Рошрэ выставили из газеты, он стал пить сверх всякой меры, и сейчас зол не только на Морамберов, которых считает непосредственными виновниками своего несчастья, но и на весь город, не пожелавший стать на его сторону против клана.

— Тогда зачем Рошрэ приезжает сюда?

— Понятия не имею. Возможно, ему трудно окончательно порвать всякую связь со своей юностью. А может быть, еще не совсем утратил надежду на невозможное искупление.

Леонс вспомнил, что говорил ему журналист о своем будущем репортаже и как страстно мечтал вернуться в свой еженедельник, первым открыв всю правду об убийстве двух Салины.

— Пожалуй, вы правы. Что ж, теперь настало время съездить к вдове Коломбье.

— Боюсь, вы вряд ли узнаете там что-нибудь новое.

— Я должен проверить все возможные ниточки в надежде наткнуться, в конце концов, на ту, которая приведет к преступнику. Хотя, если честно, у меня почти опус-

тились руки. Я уверен, что мне лгут, но разобраться в причинах этой лжи никак не могу.

Добравшись до Ламастра, комиссар сразу направился в жандармерию. Ему повезло — оба жандарма, начинавших расследование, Мэ и Трануа, оказались на месте. Первый понравился Леонсу умом и проницательностью, второй же растрогал явным желанием принести как можно больше пользы. Мэ не смог добавить к уже составленному донесению ничего нового, а Трануа еще раз повторил, как Ивонна Салины незадолго до смерти говорила о скором отъезде и казалась при этом на редкость счастливой. И для полноты впечатления толстяк добавил:

— У нее было примерно такое же выражение лица, как у моей жены, когда я предложил ей руку и сердце.

— То есть у вас сложилось впечатление, что Ивонна надеялась в ближайшее время выйти замуж?

— Не просто впечатление, месье комиссар, а почти уверенность.

— А насчет предполагаемого жениха вы, конечно, ничего не знаете?

— Будь оно иначе, этот тип уже сидел бы за решеткой!

Жандармы разыскивали Филибера, и Леонс повел его в кабачок, надеясь, что в привычной обстановке бродяга станет разговорчивее.

— Хотите помочь мне отомстить убийце вашего друга?

— Еще бы!

— Тогда попытайтесь вспомнить все, что случилось после смерти Ивонны.

— Так ведь я уже рассказывал... Само собой, Барнабэ чертовски расстроился, что какая-то сволочь уколошила его Ивонну... потому как Ивонна-то, она была славной крошкой и помогала старику-отцу. Благодаря ей нас никогда не мучила жажда... — Голос у бродяги сорвался, и на воспаленных веках выступили слезы.

— Ох, как много я потерял, когда их обоих не стало! — простонал Филибер. — Таких друзей в нашем мире больше не найти, потому как, похоже, в его механике что-то сломалось...

— А где вы доставали деньги после смерти Ивонны?

— Сначала мы подумали, что нам крышка... ведь эта старая стерва Коломбье не давала нам ни гроша, хотя по-прежнему получала деньги! У старой совы — никаких понятий о нравственности!

Серниль терпеливо слушал, предоставив бродяге выговориться до конца.

— Но, в конце концов, Барнабэ все-таки нашел способ добывать средства к существованию?

Филибер допил красное вино, утер губы тыльной стороной кисти и расплылся в блаженной улыбке пьяницы, наконец-то утолившего вечную жажду.

— Ну вот... Стало быть, как-то вечером через несколько дней после смерти Ивонны плелись мы с фермы Маш — проклятая Мария опять прогнала нас прочь... Совсем не осталось у людей почтения... Ну, Барнабэ, само собой, жутко разозлился, тем более, у нас и выпивки-то совсем не осталось... хоть ложись и помирай... Вдруг он и говорит мне, Барнабэ-то: «Тот тип, что свернул шею моей Ивонне, самая настоящая паскуда!.. А еще морочил голову — женюсь, дескать... Ну, мне-то в радость, чтобы девочка обзавелась семьей и жила себе барыней... и потом, тогда бы я до конца своих дней мог не ломать голову, где взять денег на бутылку... Послушай, Филибер, а что, если я припугну этого убийцу? Скажу, мол, если откажется платить мне каждый месяц, сдам его полиции, и все дела!»

Ну, я, конечно, не стал спорить, потому как при Ивонне мы совсем разболтались, и теперь нищета казалась еще невыносимее.

— А тот тип, вместо того, чтобы заплатить, удавил вашего друга?

— Да... ужасная гнусность... Бедный старина Барнабэ... Но он хотя бы отмучился, а вот я...

— Почему же вы не попробовали, подобно Барнабэ, пригрозить убийце разоблачением?

— Ну, вы и сказанули! Я, знаете ли, вовсе не жажду, чтобы и мне свернули шею, и к тому же понятия не имею, кто этот подонок.

— И у вас нет хотя бы подозрений на его счет?

Филибер покачал головой.

— Нет... Я его в глаза не видывал... А ведь мог! Парень-то наведывался сюда раз-другой в неделю полюбезничать с Ивонной... Тогда я не раздумывал, почему он не едет прямо на ферму? Чего этот тип скрытничал? А дочка? Она, что, вообще его не интересовала? И почему Ивонна терпела такое наплевательское отношение к ребенку? Нет, хоть убейте, не понимаю...

Сернилю стало ясно, что из пьяницы он больше ничего не вытянет. Поэтому, оставив Филибера наедине с литровой бутылкой его любимого красного вина, комиссар вернулся к машине. Жандармы заранее объяснили ему, как добраться до фермы Маш.

Вдова Коломбье понравилась полицейскому с первого взгляда. Он по достоинству оценил спокойную уверенность, исходившую от высокой, сухощавой фигуры Марии и ее твердо вылепленного лица. Незнакомца она встретила настороженно, как и подобает одинокой женщине, однако, узнав, что перед ней комиссар полиции, сразу оттаяла. Мария проводила гостя в просторную комнату на первом этаже и усадила на слегка отодвинутую от стола скамью. Но Леонс в первую очередь склонился над колыбелькой, в которой дремала белокурая девчушка, невольная причина стольких драм. Полицейский внимательно разглядывал лицо девочки, как будто и в самом деле питал полубезумную надежду уловить в нем знакомые черты и таким образом выйти на след убийцы. Тщетно. Не смогла помочь Леонсу и Мария Коломбье.

— Но, послушайте, мадам, Ивонна ведь вам вполне доверяла?

— Вроде бы да.

— Тогда как же вы объясните, что она ни словом не обмолвилась о человеке, за которого рассчитывала выйти замуж?

— Не знаю... Ивонна вообще была очень своеобразной девушкой. Ну, например, взять хоть ее отношение к дочке. Ивонна добросовестно за ней ухаживала, но и только.

— Вы хотите сказать, она не испытывала к девочке никаких материнских чувств?

— Да.

— Но больше всего меня удивляет, что Ивонна встречалась с женихом не у вас на ферме, а у дороги...

— Она говорила, что ему, мол, хочется побыть с ней наедине, а чужое присутствие только стесняет...

— А как она объясняла такое безразличие отца к ребенку, что он даже ни разу не захотел на него взглянуть?

— Никак.

— А вы не спрашивали?

— Конечно, спрашивала, да только Ивонна держала язык за зубами, так что я иной раз на нее сердилась и не разговаривала целыми вечерами. Теперь-то я вспоминаю о наших размолевках с грустью, но не могла же я заранее знать, что она умрет... Ивонна казалась такой счастливой... Уверяла меня, будто переедет в большой город и станет настоящей дамой.

Леонс улыбнулся.

— Это Анноней-то большой город? А вообще-то, если она больше нигде не бывала... Что ж, мадам, спасибо, что согласились уделить мне время.

— Невелика заслуга, месье комиссар, и потом, мне так хочется, чтобы вы поймали убийцу... Ивонна не заслуживала такого страшного конца... Скажите, месье, что мне делать с бумагами Ивонны теперь, когда не осталось ничего, кроме этого Божьего ангелочка?

— Я возьму их с собой, а вам оставлю расписку. Потом я сам отдам их комиссару Мальпа.

Мария отправилась за жалким наследством Ивонны, точнее, за тем, что считалось таковым с официальной точки зрения. Отыскав среди бумаг свидетельство о рождении, Леонс узнал, что девочку называли Барб. Странное имя... Вдова не сумела сказать по этому поводу ничего вразумительного. А вот чековая книжка Ивонны поразила комиссара еще больше — всего через несколько дней после рождения ребенка на счет перечислили два миллиона старых франков. Морамберы явно не поскупились, и теперь Сернилю стало ясно, почему Ивонна щедрой рукой одаряла отца. Она могла себе это позволить.

Леонс возвращался в Анноней, не узнав почти ничего интересного. Больше всего его раздражало, что оба убийства так и остались совершенно необъяснимыми. С Барнабэ все, разумеется, выглядело проще — тут явно сыграл роковую роль шантаж. Но зачем понадобилось убивать Ивонну? Неужели она могла представлять для кого-то столь страшную угрозу, что этот «кто-то» пошел на преступление? Будь тут замешан шантаж, Барнабэ включился бы в дело сразу после смерти дочери, однако, по словам Филибера, мысль припугнуть убийцу пришла его приятелю в голову лишь через несколько дней. А значит, он не продолжал дело дочери, а изобрел собственный способ добывать деньги. Но Серниль никак не мог представить Гуга Морамбера в роли убийцы, да еще такого безжалостного!

Оставив машину, комиссар задумчиво побрел пешком вдоль улицы Монгольфье и, как в первый день, остановился на мосту через Канс полюбоваться таинственным городом, где, судя по всему, его ждет первое за долгие годы службы в полиции крупное поражение. На площади Свободы полицейский наткнулся на Рошрэ. Журналист, подобно самому Сернилю, гулял по улицам без определенной цели.

— Ну, месье комиссар, удалось вам привезти мне материал для очередной главы?

— Увы, нет! Я только что вернулся из Ламастра, но и там не почерпнул ничего интересного.

— Простите меня, месье комиссар, но не оттого ли это, что вы, как и все прочие, побаиваетесь учинить переполох в клане Морамберов?

— В отличие от вас, Рошрэ, у меня нет веских причин ненавидеть это семейство, — сухо ответил полицейский. — Но даю вам слово, и можете мне поверить, что, если узнаю наверняка, что виновный — кто-то из них, меня ничто не остановит.

— Откровенность — за откровенность. Я верю вам. Но почему вы так упорно отрицаете виновность Гуга Морамбера? Да всего-навсего потому, что инстинктивно не допускаете мысли, что человек с таким именем и весом способен при случае вести себя, как самый вульгарный бандит!

— Нет. Но прежде, чем что-либо предпринять, я хочу разобраться во всем этом деле. Пока я ничего не понимаю.

— Чего ж вы не понимаете?

— Например, если допустить, что убийца и в самом деле Гуг Морамбер, совершенно не ясно, с чего вдруг он пообещал жениться на Ивонне Салины?

— Возможно, чтобы усыпить ее подозрения?

— Все свидетели единодушно сходятся на том, что Ивонна была далеко не дурочкой. Так каким образом она могла поверить, что Гуг разведется с женой и узаконит их отношения?

— Ну, когда речь заходит о женитьбе, любая женщина становится наивной, как ребенок.

— Не думаю, чтобы это могло произойти с Ивонной Салины...

— Тогда вернемся к предположению о возможности шантажа с ее стороны.

— В банке у нее лежало два миллиона старых франков. Такой суммы и плюс к тому ежемесячного содержания вполне хватало бы на безбедное существование. Так на что же еще могла рассчитывать Ивонна? К тому же, прибегнуть к шантажу Ивонна могла бы лишь с ведома и по совету своего непутевого отца... а тут опять концы не сойдутся.

— Вы правы. Боюсь, эта история слишком сложна для меня. Пойдемте, я угощу вас стаканчиком в самом примечательном бистро нашего города — там собирается золотая молодежь Аннонея. Быть может, это даст вам некоторое представление и о сей разновидности фауны.

Журналист привел Серниля в очень уютный подвальчик на малолюдной улице. Хозяин бистро, полнокровный толстяк, высился за стойкой среди разнокалиберных бутылок, наблюдая за происходящим в зале. Появление Рошрэ его, судя по всему, не обрадовало.

— Только без глупостей, а, Жак? — тихо предупредил он.

— После той стычки с Морамбером у меня здесь очень неважная репутация, — смущенно объяснил спутнику журналист.

— Так это произошло здесь?

— Да.

Им удалось найти укромный уголок, откуда хорошо просматривался весь зал. И Рошрэ стал незаметно показывать комиссару тех, кто мог представлять для него интерес.

— Видите, вон тот высокий брюнет — это Патрик Этраш, а блондин — Ив Моборже. Девушка с задорно вздернутым носиком, которая сейчас так громко смеется, — Сильви Этраш, а рядом с ней сидит Симона Шафффа, невеста Филиппа Морамбера.

— Наверное, решила поразвлечься в отсутствие жениха. Филипп-то — в Лиможе.

— Вы меня удивляете!

— Почему?

— Так вот же он!

Серниль посмотрел на входившего в кабачок молодого человека среднего роста в прекрасно сшитом элегантном костюме. Выглядел он намного серьезнее всей прочей сидевшей за столиком компании. Симону Шафффа он поцеловал с несколько старомодной в наше время сдержанностью. А вскоре после этого оба они стали прощаться с друзьями.

— Вы, случайно, не знаете, куда они собрались? — шепнул Леонс журналисту.

Рошрэ хмыкнул.

— Филиппа воспитывали в старых добрых традициях. Можете не сомневаться, он чинно проводит невесту к родне, на улицу Файя, и, поцеловав на крыльце ручку, уедет.

— Хорошо, подождите меня здесь.

Полицейский облокотился о стойку и сделал бармену знак приблизиться, а когда тот оказался рядом, незаметно показал удостоверение.

— Что вам угодно?

— Всего-навсего кое-что узнать.

— Валяйте!

— Филипп Морамбер бывает у вас каждый день?
— Да, почитай, вечера не проходит, чтобы он не заглянул перемолвиться с друзьями и повидать невесту.

— И в последнее время — тоже?

— Ну, да! По-моему, на прошлой неделе я видел месье Филиппа каждый день.

— Спасибо.

— К вашим услугам.

Леонс вернулся к столику, где его поджидал журналист.

— Мы уходим... Отвезите меня поскорее туда, где живут Шаффруа.

— Как прикажете, капитан!

И они отправились на улицу Файя.

— Кстати, вы проверили алиби Гуга Морамбера? — спросил журналист по дороге.

— Какой смысл? Сказал ли он мне правду, соврал ли, но в любом случае все меры предосторожности уже приняты.

— Да, конечно... Знаете, пока вы толковали с хозяином быстро, я малость пораскинул мозгами. А думал я о ваших словах насчет полной невозможности для Ивонны породниться с кланом Морамбер. Я не согласен с вами. По-моему, у девушки были кое-какие основания питать на первый взгляд безумные надежды.

— Что вы имеете в виду?

— Да просто вы запамятовали о том, что подобный случай в семействе Морамберов уже имел место. Два года назад Поль Морамбер женился на девушке, чье положение почти не отличалось от положения Ивонны Салины. Колетта Вон работала продавщицей в бельевом отделе. Ее отец — старший мастер на заводе у Морамберов. И я вам рассказывал об этом в первый же день нашего знакомства. Разве вы забыли?

— Да, теперь припоминаю. Кстати, как, по-вашему, может, эта Колетта еще не до конца пропиталась морамберовским духом?

— Не понимаю.

— Нельзя ли попытаться через нее узнать, что происходит в цитадели Морамберов, когда там нет посторонних?

— И не надейтесь! Похоже, Колетта теперь еще морамберистей самих Морамберов! Кроме того, она почти не выходит за пределы семейной крепости. Так что, не подступишься.

— А как насчет ее собственной семьи?

— Папаша и мамаша Вон — простые и славные люди. И, насколько я понимаю, до них до сих пор не дошло, как высоко взлетела дочка.

— Однако разве мы не можем предположить, что Колетта достаточно откровенна с матерью? Вы знаете их адрес?

— Да, мне часто случалось пропустить стаканчик с Жозефом Воном в те времена, когда приличные люди еще не стеснялись пожимать мне руку. Они с женой живут на улице Беффруа.

— Окажите мне услугу, Рошрэ, зайдите к ним поболтать и попытайтесь выяснить, не знают ли они чего-нибудь интересного... А потом приходите ко мне в гостиницу с докладом, а заодно и поужинаем.

— Я с удовольствием выполню вашу просьбу, месье комиссар, но уверен, что только попусту потрачу время и просто украду у вас ужин. Колетта Вон давно забыла, что когда-то росла в бедном квартале, среди таких же обездоленных девушек. И я уверен, случись что-нибудь серьезное, она твердо станет на сторону Морамберов, пусть даже в ущерб интересам собственной родни.

— Попытка — не пытка.

— Ну, как хотите... Мы подъезжаем к улице Файя... а вот и дом Шаффуа. Но наших голубков что-то не видать.

— Ба! Влюбленные никогда не торопятся по домам. Я подожду их тут.

— Ладно, тогда я оставляю вас, а сам мчусь на улицу Беффруа. До скорого.

— Да, до вечера.

Журналист уехал. Леонс же, отыскав тенистый уголок между стен двух домов, стал терпеливо наблюдать за подступами к дому Шаффуа.

Прождал он добрых полчаса, прежде чем, держась за руки, на улицу свернули влюбленные. Они остановились возле особняка Шаффуа, Филипп целомудренно прижал невесту к груди, поцеловал ей руки и, подождав, пока девушка скроется в доме, послал вслед еще один воздушный поцелуй. Только потом молодой человек повернулся и, не обратив внимания на Серниля, быстро двинулся вдоль по улице.

Комиссар дал ему отойти подальше от дома невесты, ускорил шаг и, убедившись, что из особняка их не видно, окликнул молодого человека:

— Месье Филипп Морамбер?

Молодой человек резко остановился и удивленно оглянулся.

— Да, действительно.

Леонс по инерции пролетел мимо, и ему пришлось возвращаться.

— Можно мне поболтать с вами несколько минут?

— Разве мы знакомы?

— Пока нет.

— Тогда по какому праву...

— По праву комиссара уголовной полиции, ведущего дознание по делу о двойном убийстве Салины.

На лице Филиппа не отразилось ни тени волнения.

— Что ж, очевидно, следовало ожидать, что рано или поздно мы с вами встретимся, — вздохнул он.

— О чем вы?

— О нашей встрече.

— И куда мы пойдём?

— Может, ко мне?

— Почему бы и нет?

Несколько минут спустя полицейский оказался у крепости клана Морамбер. Филипп повел его через парк к небольшому флигельку.

— Раньше тут были конюшни, — пояснил он. — А я велел переделать ставший ненужным домишко и теперь здесь живу.

Полицейский увидел превосходную холостяцкую квартиру человека с хорошим вкусом и со средствами. Леонса просто очаровала обстановка, окружавшая будущего главу клана.

— А теперь, месье комиссар, чего вы от меня хотите?

— Чтобы вы рассказали мне о Лиможе.

— Что?

— Вы ведь только что оттуда?

— В определенном смысле — да. А почему вас так интересует именно Лимож?

— Да нет, месье Морамбер, меня интересуют вы.

— Правда?

— Чистейшая. Ваш почтенный дядя уверял меня, будто вы уехали в Лимож более двух недель назад и вернетесь не раньше завтрашнего дня, а потом из совершенно другого источника я вдруг узнаю, что все это время вы провели в Аннонее.

— И какой же вы сделали вывод?

— Что месье Морамбер-старший мне солгал. Вот я и хочу знать, почему.

Прежде, чем ответить, Филипп закурил и предложил пачку Сернилю, но тот отказался.

— Месье комиссар, вы обвиняете моего дядю во лжи, но разве сами вы не делаете примерно то же самое, прикидываясь, будто вам непонятно, из каких соображений Господин Старший счел нужным скрыть от вас правду.

— Он сделал это, оберегая вас?

— Да. Выпьете капельку?

— Пожалуй...

Филипп налил в два бокала виски, плеснул туда немного содовой и протянул Лёону его порцию.

— За успешное окончание вашего расследования, месье комиссар!

— Так вы полагаете, оно еще не закончено?

— Я с трудом могу вообразить, что вас послали сюда из Монпелье только для того, чтобы выяснить, кто отец незаконнорожденной девочки.

— Нет, я должен найти убийцу ее матери и деда.

— И вы рассчитываете разыскать его в нашем доме?

— Кажется, уже нашел.

Молодой человек долго разглядывал Серниля, словно хотел составить о нем окончательное мнение.

— А ведь вы вроде бы не похожи на дурака, — наконец медленно проговорил он.

— Спасибо.

— И все-таки до сих пор ничего не поняли.

— Чего же я, по-вашему, не понимаю?

— Что ни один из членов нашей семьи не пошел бы на такое примитивное решение вопроса, как убийство.

— Даже в безвыходном положении?

— Да, в любом.

— Однако...

— Однако вам соврали, — перебил полицейского Филипп. — А кто врет, тот может и... Продолжение вам известно. По возрасту, месье комиссар, вы не так уж далеки от поколения моего дяди — от тех людей, для которых слово «честь» всегда было барьером, через который нельзя перескочить, не рискуя погубить навсегда и себя, и всех своих. Сегодня подобный образ мыслей вызывает улыбку, и тем не менее когда-то именно он был основой могущества крупных семей промышленников, считавших разорение таким же бесчестьем, как и мошенничество. Семейную репутацию тщательно блюли. В любой другой среде скандал, означавший лишь временную и быстро забываемую смуту, для нас означал потрясение самих основ и безвозвратную гибель. Именно из опасения, как бы вы не узнали о моем давнем романе с Ивонной Салины и не сделали его достоянием гласности, замавав имя Морамберов и автоматически разорвав мою помолвку с Симоной Шаффуга, дяде пришлось согласиться. Поставьте себя на его место, сударь, и взвесьте, что важнее: жалкая история неудачной влюбленности или продолжение рода Морамберов.

— По-моему, я уже слышал рассуждения вроде этого...

— Но мы не умеем думать иначе.

— Господин Старший солгал мне, чтобы сохранить вашу помолвку с Симоной Шаффуга. И кто докажет мне, что вы ради той же цели не пошли на убийство?

— Я.

— Прошу прощения, но, хоть вы и в самом деле внушаете мне большую симпатию, на доказательство это явно не тянет.

-
- Других у меня нет.
- Жаль...
- Вы считаете меня убийцей?
- Логика подсказывает, что подобное предположение вполне допустимо.
- Логика? Да неужели вам не ясно, что именно логики-то и не стоит доверять прежде всего, когда расследуешь убийство. Ведь убийство — что угодно, но только не логичный поступок!
- Даже преднамеренное?
- Только дурак может вообразить, что, устранив нежелательное лицо, сразу решит все проблемы. Нет, месье комиссар, я с большой нежностью относился к Ивонне Салиньи и никогда не согласился бы заплатить за брак с Симоной ее жизнью. Я — не чудовище!
- И все же вы бросили своего ребенка?
- Знаю... и поэтому меня мучают стыд и угрызения совести, но я уверен, что когда-нибудь сумею удочерить девочку и дать ей свое имя.
- Это, разумеется, достойно всяческих похвал, но, к несчастью, ни на йоту не продвигает вперед расследование. Возможно, из-за того, что мне никак не удастся составить ясное представление о личности Ивонны Салиньи.
- Она была очень хорошей девушкой, на голову выше своего окружения. Красивая брюнетка, всегда веселая, жизнерадостная и приветливая. Как, почему мы полюбили друг друга? Понятия не имею. Скорее всего просто потому, что оба испытывали потребность в любви, как все юные существа. Ивонна никогда не строила иллюзий насчет нашего будущего. Она прекрасно понимала, что об официальном союзе не может быть и речи, но знала также, что я не покину ее в нужде, буду помогать материально, а может, и не только...
- Вы меня удивляете!
- Это вы из-за моей невесты?
- Мне и в самом деле показалось, что...
- Мы с Симоной вместе росли. И наши чувства друг к другу скорее похожи на любовь брата к сестре, чем на любовь как таковую. Мы поженились, поскольку вопрос о браке давно решен и принесет выгоду обоим семьям. Если угодно, это — брак по расчету, на который необходимо решиться во имя интересов клана. Отступничество здесь равносильно измене. Простите, если сравнение покажется вам нескромным, но примерно так поступали при королевских дворах. Государственные интересы всегда брали верх над личными...
- Короче, если я вас правильно понял, вы признаете, что поддерживали любовную связь с Ивонной Салиньи, и ребенка она родила от вас?
- Совершенно верно.
- Однако причастность к двойному убийству вы, естественно, отрицаете?
- Да, категорически.
- Вы уверены, что Ивонна никогда не надеялась стать вашей женой?
- Я никогда не пытался внушать ей несбыточные надежды.
- Тогда как вы объясните, что за несколько дней до смерти девушка говорила фермерше, у которой жила, что собирается замуж, переедет в большой город и станет там настоящей дамой?
- Я не могу этого объяснить, месье комиссар.
- И вы не питаете никаких отцовских чувств к девочке?
- О нет, наоборот!
- И все-таки ни разу не съездили хотя бы посмотреть на нее?
- Мы с Ивонной решили не встречаться, пока я не женюсь.
-

-
- Подловато выглядит, а?
 - С определенной точки зрения — да.
 - Должно быть, с нее-то я и смотрю.
 - Я вас хорошо понимаю.

Леонс встал, прошелся по комнате, бросая по сторонам пытливый взгляд.

— Великолепный у вас дом, но я невольно думаю о девчужке, живущей там, на ферме...

— Поверьте, я тоже очень часто об этом думаю.

— Но ей от этого ни тепло, ни холодно! Ладно, в конце концов, как вы справедливо заметили в самом начале нашего разговора, меня послали сюда отнюдь не наблюдать за чистотой нравов, а ловить убийцу. Все, что вы мне рассказали, можно истолковать как в вашу пользу, так и против вас...

— Знаю.

— Как, по-вашему, месье Морамбер, отец и дядя могут думать, что эти преступления совершили вы?

— Бесспорно нет, иначе они не пытались бы меня защитить.

— Значит, они вас выдали бы?

— Тоже нет.

— Но как бы они тогда поступили?

— Пожертвовали бы мной во имя семейной чести.

— И вы полагаете, ваша мать согласилась бы участвовать...

— Ее мнения никто и спрашивать бы не стал. У Морамберов, месье комиссар, не принято советоваться с женами.

— Надеюсь, вы меня простите, если я скажу, что ни за что на свете не хотел бы принадлежать к вашему клану?

— Да, месье комиссар, и тем более охотно, что меня самого это положение порой тяготит. Но все мы обязаны оставаться там, куда попали по прихоти судьбы, верно? И потом, надо же как-то расплачиваться за средства, которыми мы располагаем...

— Правильно, но заставлять платить за них и людей, не извлекающих никакой выгоды, и бессовестно, и несправедливо. Вы не собираетесь уезжать из города в ближайшие дни?

— Право, нет.

— Во всяком случае, не двигайтесь с места, не предупредив меня.

— Договорились.

— До свидания, месье Морамбер.

— Всего доброго, месье комиссар.

Хозяин уже поднялся проводить гостя, когда тот вдруг вспомнил, что упустил из виду один важный вопрос.

— Прошу прощения, но у меня есть еще один вопрос. Почему ваши отец и мать разыграли передо мной недостойную комедию, за которую я имею полное право привлечь их к суду?

— Единственная причина — их любовь ко мне. Отец так упорно противится старости, что ему эта роль, пожалуй, даже польстила. Его самолюбие наверняка потешило, что вы поверили, будто он еще может соблазнить молоденькую девушку.

— Я не сомневаюсь, что у вас есть надежное алиби на время обоих убийств, и все рассчитано по минутам. Так, месье Морамбер?

Филипп улыбнулся.

— Вы, наверное, удивитесь, месье комиссар, но у меня нет никакого алиби. Хуже того, я совершенно не помню, чем занимался в те дни.

В гостинице на Леонса буквально набросился Рошрэ.

— Я уже почти отчаялся когда-либо вас увидеть!

— Вы чем-то взволнованы?

— Еще бы! Я узнал кое-что такое, что вы просто ахнете!

— Ну, это вряд ли. Вся история настолько граничит с безумием, что меня уже, кажется, ничто не сможет поразить.

— Погодите, пока я не выложу вам то, что узнал!

— Сначала, чтобы немножко вас утихомирить, могу сам сообщить, что Филипп Морамбер признал себя отцом дочери Ивонны Салины и что у него нет алиби на время обоих убийств. Как вам это нравится?

— Филипп Морамбер жлет!

— Почему?

— Потому что Ивонна родила от Поля Морамбера!

— Ну и ну! Еще один папаша?

— Признайтесь, по крайней мере, что мне все-таки удалось вас удивить!

— Несомненно. Однако мама учила меня никогда не садиться за стол, не помыв руки. А потому бегу срочно приводить себя в порядок.

Соблюдая верность раз и навсегда установленной традиции, Серниль сначала воздал должное кулинарному искусству и, невзирая на явное нетерпение журналиста, не пожелал говорить за едой о делах. Рошрэ с досады заглатывал ужин, не разбирая, что у него на тарелке. В конце концов, Серниль не выдержал такого варварства.

— Продолжайте в том же духе и наверняка заработаете пренеприятную болезнь желудка.

— Но послушайте, я принес вам ключ от вашей загадки, а вы даже не торопитесь узнать, в чем дело!

— Если вы и впрямь добрались до истины, то она останется таковой и четверть часа спустя, не так ли? Следовательно, всему свое время.

И журналисту пришлось терпеть, пока его собеседник-гурман медленно прожует сыр и отведаст абрикосового торта. Поужинав, комиссар попросил официантку подать кофе и ликер в гостиную и туда же повел сердитого Рошрэ.

— Не прошло и часа, — буркнул тот.

Комиссар опустил в кресло.

— В полиции вы явно не дожили бы до старости — такая лихорадочная спешка быстро вогнала бы вас в гроб. А теперь, дорогой друг, насколько я помню, мы остановились на том, что вы указали на Поля Морамбера как на убийцу, которого я ищу. Что ж, выкладывайте, я готов слушать ваши доказательства.

Журналист залпом осушил бокал марочного вина.

— Как вы и просили, я отправился к Вонам. Там меня приняли не очень любезно — мать семейства, похоже, считает меня несчастной жертвой алкоголя, а мой пример — пагубным для окружающих. Не сомневаюсь, что, будь ее воля, матушка Вон с удовольствием упекла бы меня на каторгу за то, что посмел восстать против Господ, на которых она готова молиться, как на богов. Подумайте, ведь это благодаря Морамберам ее дочка вылезла из грязи и нищеты!

— Это только естественно, разве нет?

— Для рабских душ — да! И для тех, кто ставит деньги выше всего на свете!

— Не стоит так нервничать, Рошрэ, перестаньте донкихотствовать и возвращайтесь скорее к своему репортерскому стилю.

— Простите, но всякий раз, видя, до какой степени Морамберы купили всех, кто на них работает, я прихожу в бешенство. Ладно, вернемся к моей поездке... Итак, мадам Вон держалась со мной столь же нелюбезно, сколь неприступно. Единствен-

ное, чего я сумел от нее добиться — так это что муж еще не вернулся с работы. Я быстро прикинул, где его можно отыскать в такой час, и, попрощавшись со старой мегерой, поспешил напрямик в «Мокрое копыто», где, как и предполагалось, нашел уже тепленького Жозефа Вона. Я без особого труда уговорил его перебраться в другой кабачок и, угостив бокалом божоле, спросил о дочке. «Ну, Жозеф, — говорю, — теперь ваша Колетта, небось, как сыр в масле катается?» «Еще бы! Слуги, машина, деньги, короче, просто принцесса! — Жозеф немного помолчал и тихо добавил: — Да, принцесса... только она, похоже, стала забывать, кто породил ее на свет...» «А в последнее время?» — спрашиваю. «Чего?» — не понимает старик. «Вам не показалось, что у Колетты неприятности?» Он ответил не сразу, как будто припоминая, и, наконец, признался: «Сейчас, когда вы сказали... да, но это дело семейное и посторонних не касается...» Пришлось взять еще бутылку вина. И только тогда Жозеф, наконец, выдал из себя, что после убийства Ивонны Салины Колетту словно подменили.

— Так-так...

— Представляете, как я вертелся вокруг папаши Вона? Не мог же я допустить, чтобы такое прекрасное начало не принесло плодов? И мало-помалу, несмотря на паузы и умолчания (мне показалось, что даже сквозь винные пары Жозеф вспоминал об угрозах и запретах, наложенных на эту тему), так вот, несмотря на все это, старик проболтался, что дочь, зная о связи своего мужа с Ивонной Салины, подозревает его в убийстве.

— Черт возьми! И однако этот Поль Морамбер вроде бы меньше всего смахивает на соблазнителя!

— Поразмывлив, я пришел к выводу, что, наоборот, именно такая посредственность, как Поль, которого семья ни в грош не ставит, должно быть, утешался в обществе девиц своего уровня, то есть таких, кому он мог казаться важной персоной...

— Но вы вроде бы говорили, что его жена Колетта — прехорошенькая блондинка...

— Знаю. А Ивонна — маленькая брюнетка... но в таких делах искать логику бесполезно. Я думаю, Ивонна была любовницей Поля до женитьбы, а потом согласилась отойти в тень. И только узнав, что Колетта — ничуть не лучше ее самой, пришла в ярость и стала брыкаться. Да и любая на ее месте сказала бы себе: почему же не я? Вероятно, с того времени она и начала угрожать Полю, да так, что, в конце концов, тот силой заставил ее умолкнуть. Наверняка Поль не видел другого способа избавиться от шантажа.

— Но о каком же шантаже может идти речь, если его жена, как вы говорите, обо всем знала?

— Видимо, Поль поставил ее в известность, когда уже просто не мог поступить иначе.

— Возможно... но только чего ради Гуг Морамбер и Филипп стали бы жертвовать собой один — ради брата, другой — дяди, который явно не пользуется в семье большим почетом?

— Наверняка только потому, что хорошо понимают всю обреченность ваших попыток доказать их вину, в то время как стоит вам напасть на след Поля...

— Ладно, может, вы и правы. Что ж, завтра я припру Поля к стенке, и, клянусь вам, он у меня заговорит! Кроме того, я повидуюсь со всеми Господами, и готов спорить, им придется поубавить гонору!

— Только бы вам удалось прищучить их, мерзавцев! — дрожащим от радости голосом проговорил Рошрэ.

Серниль вздохнул.

— Иногда мне ужасно трудно понять, мой бедный друг, как вы можете жить с такой ненавистью в сердце?

— А что мне осталось, кроме нее? — в отчаянии пробормотал журналист.

— Ну, а если я все-таки свалю Господ, что будет с вами?

— Пожалуй, мне останется только сдохнуть.

Оставшись один, Леонс долго сидел в глубокой задумчивости. После того, что рассказал Рошрэ, комиссар почти не сомневался, что расследование близится к концу. Огромное облегчение с легким привкусом горечи... В конце концов, хотя все заслуги припишут ему, сам-то Леонс никогда не избавится от ощущения краденой победы. Ведь ему самому и в голову бы не пришло сходить к Вонам... Серниля немного мучила совесть.

Комиссар уже собирался идти к себе в номер, как вдруг ему сообщили, что его хочет видеть какая-то дама.

— В такой час?

Горничная только руками развела в знак того, что причины столь позднего визита ей не известны и к тому же совершенно безразличны.

— Ладно... Проводите ее сюда.

Горничная исчезла и очень скоро вернулась с совсем молоденькой и очень нарядной дамой.

— Вот комиссар Серниль.

Гостя подождала, пока горничная оставит их наедине.

— Прошу прощения, что позволила себе побеспокоить вас в такое неудобное время...

— Я думаю, вы не стали бы этого делать без крайней необходимости.

— Вот именно. Вы не знаете меня и...

— Ошибаетесь, мадемуазель Шаффуа, я знаю и вас, и то, что вы помолвлены с Филиппом Морамбером. Прошу вас, садитесь.

Девушка послушно опустилась в кресло. Казалось, она немного растерянна и не знает, с чего начать.

— Вы хотели поговорить со мной о Филиппе Морамбере? — мягко спросил Леонс.

— Да... он рассказал мне о вашей встрече.

— И о том, какие он сделал мне признания, — тоже?

— Да... но это неправда!

— Что неправда?

— Что Филипп якобы был любовником той несчастной девушки и, тем более, отцом ее ребенка!

— И у вас есть доказательства?

— Да, наша любовь!

— То есть как это?

— Мы с Филиппом всегда любили друг друга... и это началось так давно, что мы сначала даже не понимали, что нас так влечет друг к другу...

— А я-то думал, вы собираетесь вступить в брак по расчету!

Симона Шаффуа торжествующе рассмеялась.

— Об этом болтают, потому что наш брак выгоден обоим семьям, что, в общем, вполне могло быть правдой. К счастью, мы с Филиппом успели полюбить друг друга еще до того, как узнали, кто мы такие в социальном плане.

— Так вы ни на секунду и мысли не допускаете, что Филипп сказал мне правду?

— Конечно, нет! Впрочем, когда Ивонна Салиньи... собиралась стать мамой... Филипп был в Лондоне и прожил там несколько месяцев.

— В таком случае, зачем он мне лгал, рискуя предстать перед судом за попытку препятствовать ходу расследования и, следовательно, издевательство над правосудием? Не говоря о том, что мог огорчить вас, а то и потерять...

— Потому что он настоящий Морамбер! — с горечью бросила мадемуазель Шаффуа.

— Напомню, что и вы сами намерены вскоре присоединиться к этому клану.

— Все это так, но Господин Старший сильно заблуждается, если думает, что сможет управлять мной, как остальными! Я ему покажу, что между мной и Мартой — большая разница!

— У меня тоже складывается впечатление, что у Господина Старшего возникнет с вами немало проблем... А как на этоотреагирует ваш муж? Или вы еще не думали о его реакции?

— Филиппу придется выбирать между кланом и мной, между слепым повиновением Господину Старшему и нашей любовью. И я не сомневаюсь в победе.

Леонс улыбнулся.

— Слушая вас, я тоже начинаю так думать. Вот только мне бы очень хотелось, чтобы вы помогли мне понять поведение вашего жениха, мадемуазель... и окончательно убедиться в его невиновности.

— Вы хотите, чтобы я предала клан, еще не успев в него вступить?

— А я-то думал, вы уже — неотъемлемая его часть...

— Ложь Филиппа можно объяснить только одним: он пытается выгородить кого-то.

— Я уже начинаю привыкать к мысли, что такова их семейная тактика: Гуг Морамбер жертвует собой, оберегая сына (во всяком случае, я так думал сначала), а теперь и этот сын, в свою очередь, спешит на заклятие, видимо, чтобы спасти человека, ради которого его отец готов был опозориться... Но кто же это?

— Чего не знаю — того не знаю.

— А Господин Старший своей властью благословляет все их самооговоры...

— Должно быть, тот или та, кому грозит опасность, занимает в клане очень видное место.

— Согласен... А кто из значительных лиц у нас остается, кроме месье Поля?

— Он?! Нет, это просто невероятно!

— Почему?

— Честно говоря, трудно объяснить... Но, клянусь вам, никто никогда не поверит, что месье Поль стал героем любовной драмы!

— Тем не менее его жена допускает такую возможность.

— Колетта? Не может быть! Вы уверены?

— Она призналась в этом отцу, а тот проболтался одному моему знакомому.

— Ну и ну!

— Вы, естественно, обещаете мне никому об этом не говорить.

— Даже Филиппу?

— Даже ему. В нужный момент я сам с ним потолкую. И, кстати, ваш жених заслуживает небольшого наказания за то, что так бессовестно морочил мне голову.

Симона чуть не захлопала в ладоши от радости.

— Значит, вы больше не считаете Филиппа виновным, месье комиссар?

— Я пришел к такому выводу еще до вашего появления здесь, мадемуазель.

Глава 4

Утром комиссар Серниль проснулся не в самом лучшем расположении духа. Он твердо верил, что этот день станет решающим в его расследовании, а потому, ско-

рее всего, придется принимать трудные решения с самыми тяжелыми последствиями как для самого Леонса, так и для его противников.

Позавтракав, комиссар решил на всякий случай обеспечить себе прикрытие, поскольку дело могло принять опасный оборот, и позвонил судье, но не на работу, а — ради пущей предосторожности — домой. Кагельмару внимательно выслушал доклад полицейского.

— Вы полагаете, что вам удастся надежно подкрепить обвинение против такого важного лица? — спросил он.

— Если сумею уговорить его тестя повторить мне то, что он рассказал журналисту, то да.

— Помните, мой дорогой, что ваши противники призовут на помощь всех друзей и знакомых, наймут лучших адвокатов, воспользуются услугами самых искусных юристов. А потому не ступайте на зыбкую почву и хорошенько прощупывайте дорогу, иначе дело кончится провалом... а то и похуже.

— Я сделаю все, что смогу, но работать в таких условиях страшно трудно.

— Знаю, поэтому и советую быть очень терпеливым. Почему бы вам не воспользоваться поддержкой своего аннонейского коллеги?

— Коль уж человеку повезло и его избавили от ведения этого дела, невозможно требовать от него, чтобы он рисковал просто так, ни за что, ни про что.

— Вы правы. Так действуйте осторожно, а как только дадите мне неоспоримое доказательство, я выпишу ордер на арест, никого не предупреждая и невзирая на лица. Удачи вам, Серниль.

— Спасибо.

Леонс повесил трубку. Теперь он прекрасно понимал, что никаких иллюзий питать не следует, и ему придется идти по канату в одиночку. Возможно, потому, что Господин Старший невольно внушал ему доверие, Леонс считал, что лишь он один, как бы это ни казалось парадоксальным, может теперь спасти его от самой главной ошибки. Комиссар позвонил Матьё и почти тотчас услышал голос главы клана.

— Месье Матьё Морамбер? Говорит комиссар Серниль...

— По-моему, я вам уже...

— Уверяю вас, месье Морамбер, у меня появились новые факты, и они серьезно компрометируют одного из ваших близких...

— Не может быть!

Полицейский, внимательно вслушиваясь в интонацию, казалось, уловил за внешней беззаботностью Господина Старшего легкую тревогу.

— То, что я предупреждаю вас об этом, месье Морамбер, свидетельствует о моем доверии к вам. И я был бы счастлив, прояви и вы такое же отношение ко мне.

— Чего вы хотите?

— Чтобы вы как можно скорее согласились принять меня в присутствии обоих своих братьев.

— По-вашему, это... представление необходимо?

— Да!

— Ладно. Тогда в полдень, у меня?

— Я приду.

Оба повесили трубку, не прощаясь. Сейчас им было не до условностей.

Серниль никак не мог заставить себя по-настоящему разозлиться и ощутить в себе достаточный боевой задор, чтобы атаковать клан, который, вне всяких сомнений, выступит единым фронтом. В надежде исправить положение, он решил заглянуть к Рошрэ.

Комиссар знал адрес журналиста. У порога дома в тупике Реколле, где жил его помощник, Леонс наткнулся на еще довольно крепкую пожилую женщину, мывшую крыльцо. Косо поглядев на незнакомца, она спросила:

— Вы кого-нибудь ищете?

— Месье Рошрэ.

Женщина пожала плечами.

— Наверняка он еще спит.

— В такое время?

— Выходит, он не из ваших друзей?

— Наоборот, а что?

— Да просто знай вы его хорошенько, давно привыкли бы, что Рошрэ почти невозможно вытащить с утра из постели, особенно ежели он крепко хлебнул накануне, а вчера, точнее, ночью парень накачался по ноздри... — И она почти ласково добавила: — Свинья!

— Где его комната?

— На последнем этаже, под самой крышей, дверь — справа. Только стучите громче, если хотите, чтоб вас услышали!

Леонс, поднимаясь по грязным ступенькам, думал, что, судя по всему, хозяйка относится к Рошрэ с симпатией, но без всякого почтения. По совету домовладелицы, он так добросовестно забарабанил в дверь, что створка приотворилась. Полицейский вошел в комнату.

— Рошрэ!

Молчание.

— Да ну же, Рошрэ, вставайте! — еще громче крикнул слегка удивленный полным отсутствием реакции полицейский.

По-прежнему тишина. Леонс ощупью добрался до окна и распахнул ставни. Обернувшись, он увидел, что разобранная и смятая постель пуста. Решив подождать журналиста, Серниль стал от нечего делать разглядывать обиталище своего нового друга. Старуха не солгала — ее жилец и в самом деле был самой настоящей свиньей: в комнате царил неообразимый беспорядок. В углу неопрятной кучей валялось грязное белье, на полу там и сям лежали пустые бутылки. Хлев, да и только. Леонс обратил внимание на несколько фотографий, припиленных к обоям булавками. Среди изображений кинозвезд затесалось несколько писателей и политиков, в том числе Фидель Кастро. Столь пестрая компания свидетельствовала о довольно эклектических вкусах Рошрэ. Леонса заинтересовала одна фотография — в самом центре, с которой нежно улыбалась очаровательная белокурая девушка. В углу полудетским почерком было старательно выведено: «Моему Жаку — с любовью». Подпись комиссар так и не смог разобрать.

Прождав в берлоге полчаса, Леонс понял, что с него хватит, и спустился вниз. Он немного надеялся, что, как всегда, случайно наткнется на журналиста в городе, однако на сей раз удача ему изменила. В конце концов, он махнул рукой на бесцельные поиски и отправился к своему коллеге Мальпа.

— В полдень я встречаюсь с Морамберами в полном составе.

— Они вас позвали?

— Нет, я сам решил их собрать.

— Зачем?

— Возможно, для того, чтобы надеть наручники на одного из них.

— Наручники?

— Насколько мне известно, именно так принято поступать с убийцами.

— Но надеть наручники на Морамбера...

— А почему бы и нет?

— Надеюсь, вы хорошо знаете, что делаете!

— Я вообще имею обыкновение тщательно обдумывать свои поступки. Вы не видели Рошрэ?

— Сегодня — нет.

— Жаль... Он бы с удовольствием принял участие в облаве, если, конечно, все будет так, как я предполагаю...

— Слушайте, Серниль, вы позволите мне высказать кое-какие соображения? Только не обижайтесь...

— Говорите, дружище.

— Вы уверены, что ищите убийцу Ивонны и Барнабэ Салины, а не защищаете, пускай подсознательно, интересы нашего общего знакомого?

— Разве это не одно и то же?

— Положа руку на сердце, не думаю.

— Позвольте и мне, в свою очередь, выразить уверенность, что вы не правы.

— Хотелось бы мне разделить вашу убежденность...

— Что ж, вечером получите подтверждение.

Леонс увидел их всех. Сначала — Господина Старшего, так плотно сидевшего в кресле, словно он составлял неотъемлемую его часть. А вот Гуг... Он держится подчеркнуто беззаботно, но явно не испытывает ничего подобного. И, наконец, месье Поль. Этот, по крайней мере, даже не пытается скрыть тревогу и все время вытирает лоб платком. И все трое боятся. Серниль так искренне в это верил, что наконец ощутил прилив сил. Шорох за дверью справа наводил на мысль, что кто-то подслушивает. Жена Гуга или Поля? А может, обе?

— Господа, с тех пор, как я начал расследование, все вы мне лгали. И вы, Господин Старший, и вы, месье Гуг... Но, вместо того, чтобы запутать, ваша ложь меня скорее удивила... Зачем понадобилось обманывать вас, людям настолько значительным, что ваше могущество стало почти легендой? Чего ради месье Гуг взвалил на себя чужое отцовство и, что уж совсем уму непостижимо, воспользовался для этого свидетельством собственной жены? Сначала я подумал, что таким образом он покрывал вину сына, боясь повредить отношениям с Симоной Шаффуга. Но и сын месье Гуга обманул меня, признав, по примеру отца, ошибку, которой не совершал. К счастью, все вы не умеете лгать убедительно. Итак, если месье Гуг невиновен, если месье Филипп невиновен, то кто у нас остается из достаточно близких клану людей, чтобы вы пошли на подобные унижения, лишь бы я до него не добрался? — Полицейский повернулся к месье Полю. — Только вы один! — резко бросил он.

Морамбер-младший побледнел.

— Но... но нет же... я...

Глава клана сухо перебил его:

— Молчи, Поль. У вас есть серьезные причины для таких обвинений, месье комиссар?

— Вещественных доказательств — нет. Но ваша жена, месье, — он снова посмотрел на Поля, — доверилась своим родителям... точнее, поделилась с ними своей тревогой за вас... Ибо вашей супруге было известно, что вы изменяете ей с Ивонной Салины...

— И эта старая дура Барберина, моя теща...

— Поль!

Властный окрик главы клана возымел обычное действие — младший брат тихо поник в кресле. Серниль, меж тем, продолжал:

— От этой связи родился ребенок, и ваши братья, несомненно, знали об этом, поскольку деньги Ивонне пересылала секретарша месье Матьё. А потом по какой-то пока не ясной мне причине до сих пор покладистая молодая женщина вдруг рассердилась на вас. Ей захотелось стать мадам Морамбер и дать своему ребенку фамилию отца. Не знаю, чем она вам угрожала, но явно сумела достаточно напугать, чтобы вы в приступе ярости свернули ей шею — по правде сказать, я не думаю, чтобы это первое убийство вы совершили преднамеренно, а вот насчет второго... Может, сами все расскажете?

— Вы с ума сошли?

— Да нет, скорее это вас можно назвать безумным, ибо лишь безумец способен вообразить, будто убийство — выход из затруднительного положения!

Серниль явственно увидел, как по щеке месье Поля скатилась слеза, и удвоил натиск.

— Я уверен, что мысль об этих преступлениях мешает вам спать спокойно. Так признайте свою вину и навсегда избавьтесь от угрызений совести... Сами увидите, как сразу полегчает на душе!

— Это не я!

— Вы намерены арестовать моего брата, месье комиссар? — Господин Старший, как всегда, задал вопрос прямо и открыто.

— Пока нет.

Глава клана посмотрел на братьев.

— Оставьте нас одних.

Месье Гуг и месье Поль безропотно вышли из комнаты, предоставив Матьё объясняться с полицейским с глазу на глаз.

— Я догадываюсь, о чем вы сейчас наверняка думаете, сударь, — начал Господин Старший, как только они остались одни. — Мы кажемся вам недостойными обманщиками, поскольку пытались ввести в заблуждение, рассказывая басни. Что ж, как глава семьи я признаю свою вину — ведь это я даю указания, а мне подчиняются даже больше, чем закону. Возможно, я совершил ошибку. А может, и продолжаю действовать неправильно. Это не так уж важно, ибо те, кто от меня зависит, не сомневаются в моей правоте.

В другое время и при других условиях Серниль начал бы возражать, но этот старый вожак, с его непререкаемым авторитетом, невольно внушал почтение.

— Но я полицейский, месье, и...

— Да, знаю, и вы не можете этого понять.

— Чего ж именно я не понимаю, по-вашему?

Господин Старший встал и поманил комиссара к окну.

— Всего этого... — Он широким жестом обвел город. — Я чувствую, что на мне лежит ответственность... Этот город — мой. И я здесь — одно из первых лиц... Такое положение приносит больше забот, чем славы... Ведь все люди, живущие в тех старых домах, нуждаются во мне и мне подобных... Сотни и сотни умрут с голоду, если я закрою завод... Так попробуйте представить, что по сравнению с множеством существ, зависящих от каждого моего движения, с этими мужчинами и женщинами, которых я люблю, даже не зная по имени, может значить для меня смерть каких-то девушки и бродяги?

— Но у правосудия, которому служу я, иной взгляд на вещи.

— Я знаю... Ваше правосудие не волнует живые существа, оно слишком занято буквой закона. Но, как бы то ни было, лучше б вы оставили нас в покое — нам так много еще надо сделать, а устоять и без того нелегко...

— Но это зависит не от меня, а от вас...

— В чем?

— Скажите мне правду.

Господин Старший пожал плечами.

— Правду? А вы хоть раз видели ее в лицо? Даже если Гуг или Поль, или Филипп были любовниками той девушки, что это меняет? Могу уверить вас лишь в одном: ни один из них никого не убивал. — И, тихонько рассмеявшись, он добавил: — Все они слишком заурядны для того, чтобы найти в себе мужество это сделать. Разве что Филиппа это не касается... и то не сейчас, а потом, когда он сменит меня и узнает, что такое ответственность. Я защищаю своих не из любви к ним, месть комиссар, а из чувства долга. Я — старший, глава клана. И поэтому обязан опекать людей, заботу о которых унаследовал от своего отца.

— Даже если ради этого вам приходится лгать?

— Даже если приходится лгать. Еще раз повторяю: вы напрасно ищете убийцу среди нас.

— Возможно, я смог бы разделить вашу точку зрения, сумеи вы мне объяснить, чего ради каждый из вас ломал комедию?

— Я не вправе этого сделать.

— Тогда, согласитесь, я вынужден продолжать расследование.

— Вероятно, я смог бы добиться, чтобы вас отстранили от этого дела... Но за чем? Копайтесь, вынюхивайте, ройте... и увольте меня от подобных мерзостей. Я бы не хотел оказаться на вашем месте.

— А мне наверняка было бы неудобно на вашем.

В холле Леонса встретила высокая светловолосая женщина. Ее лицо сразу показалось комиссару неуловимо знакомым. Веки у незнакомки распухли и покраснели — явно от слез.

— Вас обманули, — быстро прошептала она. — Я...

В ту же секунду в противоположном конце холла появился Господин Старший.

— Колетта! — повелительно крикнул он.

Женщина обернулась.

— Да?

— Прошу вас немедленно зайти ко мне, нам надо поговорить.

Прежде чем отойти от полицейского, Колетта Морамбер чуть слышно пообещала:

— Я позвоню вам в гостиницу.

Ага, так вот она какая, жена Поля! Та самая Колетта, которую Рошрэ обвинял в том, что она продалась клану за более высокое общественное положение...

Найдя, наконец, журналиста в кафе на площади Свободы, Леонс без предисловий попросил:

— Налейте мне стаканчик, старина, — это как раз то, что мне сейчас чертовски нужно!

— С удовольствием. Вы — из крепости?

— Да.

— Месье Поль признался?

— Кажется, был недалеко от того, но я имел неосторожность допрашивать его при Господине Старшем.

— А его Поль боится больше, чем вас?

— Похоже на то. Вот только все они не учли одной мелочи — что я познакомлюсь с Колеттой Морамбер. Прелестная особа... Вы с ней знакомы, не так ли?

— У нынешней «дамы» не осталось почти ничего общего с той простенькой девушкой, которую я когда-то знал.

— Так вот, Колетта Морамбер уверяла, что меня обманывают, в чем я, правда, и без нее не сомневался, а потом вмешался Господин Старший и непререкаемым тоном позвал невестку к себе. Видно, он очень не хотел нашего разговора. Тем не менее Колетта успела шепнуть, что позвонит мне в гостиницу. И теперь у меня одна надежда — что эта женщина окажется слабым звеном в линии обороны клана.

— Осторожнее... Колетта настолько прониклась их духом, что вполне способна, в свою очередь, разыграть перед вами комедию.

— Однако, судя по реакции ее свекра...

— Кто знает, возможно, они и это подготовили заранее, чтобы еще больше вас запутать.

— Не исключено.

— Так вот, если вы все же увидите с этой особой, спросите ее, почему, коль скоро ее супруг не имеет никакого отношения к появлению на свет дочки Ивонны Салины, Колетта сочла своим долгом сопровождать будущую мамашу к акушерке и, более того, оставалась подле нее до тех пор, пока Ивонна не смогла вместе с ребенком уехать на ферму Маш.

— Спокойно, Рошрэ... То, что вы мне сейчас рассказали, может очень ускорить ход событий... Вы уверены в своих словах?

— Я знаю об этом от Барберины Вон, матери Колетты. Сегодня утром я снова заглянул на улицу Беффруа, думая еще раз повидать старого Жозефа, но опять наткнулся на его жену. Она встретила меня так же неприязненно, как и накануне. Ну, тогда я разозлился и хорошенько ее напугал, убедив, что без моей помощи крошку Колетту весьма скоро могут упечь за решетку. Перетрусив, Барберина выложила мне все, что я хотел знать, и в частности — что ее Колетта сопровождала Ивонну в больницу. Вне всяких сомнений, она рассчитывала таким образом держать молодую мать под надзором и помешать ей учинить столь нежелательный для Морамберов скандал.

— Право, Рошрэ, я вижу, умная и деятельная ненависть — чертовски полезное подспорье для совершенно сбитого с толку полицейского, уже с трудом различающего, где правда, а где — ложь. Чисто по-человечески мне жаль, что вы позволили так завладеть собой этому иссушающему душу чувству, но как следовательно не могу не радоваться. Но пойдете-ка пить кофе в гостиницу — надеюсь, прелестная Колетта не замедлит позвонить.

Комиссар уже заканчивал обедать, когда официантка сказала, что его просят к телефону. Он тут же поспешил откликнуться на зов, и надежда не обманула его — звонила Колетта Морамбер.

— С вами говорит та, что обещала позвонить вам в гостиницу...

— Я узнал вас, мадам.

— Мне придется поторопиться... Вас обманывают с самого начала.

— Знаю.

— Мне непременно надо с вами увидеться, но так, чтобы никто не проведал...

— Назовите удобное для вас место и время.

— Сегодня я должна поехать на вечеринку к нашим друзьям Моборже. Около половины двенадцатого постараюсь незаметно уйти... Может быть, вы подойдете к этому часу к Платановому саду? Это в самом конце улицы Вернон.

— Договорились.

— Прошу вас, не опаздывайте, у меня будет очень мало времени.

— Не волнуйтесь, я буду пунктуален.

— Комиссар...

— Да?

-
- Я, кажется, знаю, кого вы ищете.
 - Убийцу Ивонны Салиньи и ее отца?
 - Да.
 - Тогда, может, вы сразу назовете имя?
 - Извините, сюда идут!

На другом конце провода послышался щелчок — Колетта положила трубку. А что, если убийца все же слышал часть разговора?

Серниль встревожился. Мысль о грозящей Колетте опасности настолько пугала Леонса, что он едва не побежал к Морамберам немедленно. Но под каким предлогом он явится в дом? Обвинить месье Поля в том, что он замышляет убийство жены, невозможно, не арестовав его сразу после этого, а на каких основаниях? Полицейский лишь в очередной раз выставит себя на посмешище. Да и начальство осудит Серниля за неподобающую торопливость и не достойное профессионала простодушие. И все же, думая о возможном покушении на Колетту, даже этот обычно спокойный, привыкший сибаритствовать пожилой господин, буквально дрожал от ярости. Для очистки совести Леонс поклялся себе, что, случись с женщиной, призвавшей его на помощь, хоть малейшая неприятность, он не успокоится, пока не разрушит цитадель Морамберов и не вывалит в грязи их самих.

В это время к столику подошел журналист.

- Ну как, она звонила?
- Да.
- И чего хотела от вас?
- Сообщить мне, что личность преступника ей известна.
- Потрясающе! И назвала вам имя?
- Пока нет.

Рошрэ не мог скрыть разочарования.

— А я-то надеялся, они уже у нас в руках!

— Мадам Морамбер назначила мне свидание в Платановом саду примерно в половине двенадцатого.

— Нашла время и место! И чем вы намерены заняться в ожидании романтического свидания почти в полночь?

— Если вы не против, давайте вместе съездим туда, где Ивонна Салиньи произвела на свет свою девочку.

— А вы знаете адрес? Мамаша Вон не сказала мне об этом ни слова.

— Узнаем у Мальпа.

На сей раз комиссар Мальпа принял их без свойственной ему утонченной любезности. И Леонсу показалось, что коллега хотел бы держаться от него подальше. Наверняка боится, как бы стычка с Морамберами не повредила его репутации. К тому же, если Серниля ждет неудача, зачем тонуть вместе с ним? Однако на вопрос Мальпа ответил. Покопавшись в бумагах Ивонны Салиньи, он сообщил Леонсу и Рошрэ, что свидетельство о рождении девочки выписано в мэрии Тронша, очаровательной деревушки неподалеку от Гренобля. Серниль решил, что этого вполне достаточно, чтобы разыскать клинику.

— Вы едете туда? — спросил Мальпа, увидев, что гости собираются уходить.

— Да, и немедленно.

— И берете с собой Рошрэ?

— Что вдруг на вас нашло? — ответил за Леонса журналист. — Вам не нравится, что я участвую в расследовании?

— Честно говоря, да.

— А можно узнать, почему?

— Потому что я знаю ваше отношение к Морамберам и боюсь, как бы оно не повлияло на объективность моего коллеги.

Замечание уязвило самолюбие Серниля.

— Не беспокойтесь, Мальпа, — проворчал он. — Я достаточно давно варюсь в этом котле, чтобы выслушать все, а запомнить только важное. Спасибо за помощь.

— Прошу прощения и желаю удачи, — все так же отчужденно отозвался аннонейский комиссар.

Всего за два часа они уже добрались до Гренобля, а еще через тридцать минут Леонс затормозил возле мэрии Тронша.

Заглянув в отдел регистрации, Серниль попросил разрешения просмотреть реестр свидетельств о рождении и быстро обнаружил нужную запись: «7 мая 1968 года вдова Леони Монтастрык заявила о рождении ребенка женского пола. Мать — Ивонна Салины, отец — неизвестен. Запись составлена на основании свидетельства акушерки, в соответствии с законом». Там же сообщалось, что девочку назвали Барб-Ивонна-Мargarита, а фамилия ее, разумеется, Салины.

Мадам Монтастрык оказалась жизнерадостной толстухой. Казалось, она всегда готова смеяться по поводу и без повода. Появление двух незнакомцев не только не смутило ее, но как будто даже обрадовало. Толстуха усадила их в гостиной и принялась настойчиво угощать полынным ликером, рецепт которого, по ее словам, унаследовала от прабабушки.

— Ну, господа, а теперь я готова узнать, чем могу быть вам полезной!

Леонс счел, что руководить операцией надлежит ему.

— Чуть больше года назад, мадам, к вам приехала рожать одна женщина...

— Ну, знаете, я профессиональная акушерка, так что, запомнить всех маленьких христиан, каких только произвели на свет с моей помощью, просто невозможно!

— И вы предоставляете будущим мамам жилье за некоторое время до родов?

— Очень редко.

— Тогда это, возможно, облегчит дело... Та, что меня интересует, — Салины, Ивонна Салины... Но приехала она с подругой, согласившейся помочь в такой трудный момент.

— А, ну как же! — воскликнула мадам Монтастрык. — Так и вижу их обеих! Такие молоденькие, милые женщины... хотя, невзирая на все обещания, с тех пор они ни разу не давали о себе знать... Да, правда, будущую маму звали Ивонна, а ее подружку — Колетта. Просто удивительно! Кажется, это было только вчера... Я, как положено, сообщила о рождении ребенка в мэрию, а месье Шатенуа (помощник нашего мэра) очень смеялся, узнав, что девочку решили назвать Барб.

— Прошу вас, мадам, ответьте мне на один вопрос, но только сначала хорошенько подумайте: кто привез к вам будущую мать?

— Никто. Девочки приехали сюда сами, на машине.

— Вдвоем?

— Да.

— А откуда?

— Вроде бы из Дижона.

— Сколько они тут прожили?

— Примерно три недели.

— И за это время их ни разу никто не навещал?

— Нет. Но почему вы задаете мне все эти вопросы, месье?

— Потому что я — полицейский.

Серниль показал удостоверение, и мадам Монтастрык сразу расхотелось смеяться.

— Полицейский?

— Да. Ивонну Салины убили.

— Господи!

Акушерка умоляюще сложила руки.

— Ивонна Салины никогда не говорила вам об отце ребенка?

— Нет.

— А вы сами разве не спрашивали?

— О, месье, в моем деле волей-неволей надо держаться как можно тактичнее.

— Что ж, мадам, нам остается только попросить прощения, что зря отняли у вас время.

— Ничего... Но как же девочка? С ней-то что теперь будет?

— Пока живет в деревне, у одной очень славной женщины.

— Надеюсь, Барб вырастет такой же красавицей, как ее несчастная мама... В жизни не видела такой прелестной блондинки...

Комиссар уже шел к двери, но, услышав последние слова акушерки, остановился, как вкопанный.

— Что вы сказали?! — воскликнул он, схватив мадам Монтастрык за руку.

— Разве я что-нибудь говорила?

— Прошу вас, повторите еще раз последнюю фразу!

— Последнюю?... Да вроде бы так: «В жизни не видала такой прелестной блондинки...»

— Но, послушайте, мадам, Ивонна Салины была брюнеткой!

— Брюнеткой? Ну, что за вздор! Это у ее подружки, Коветты Морамбер, темные волосы! И даже очень темные...

Рошрэ повернулся к Леонсу.

— Как, по-вашему, комиссар, что бы это значило?

— Что ж это может быть, как не подмена?

— Но тогда придется предположить, что...

— Поговорим об этом позже, — с живостью перебил его Серниль. — А сейчас, мадам Монтастрык, я попрошу вас как можно подробнее описать рожавшую у вас молодую женщину.

Смущенная и слегка испуганная акушерка постаралась добросовестно выполнить просьбу комиссара. Едва она умолкла, мужчины переглянулись. А на прощание полицейский попросил мадам Монтастрык никому не рассказывать об этом разговоре.

Возвращаясь в Ардеш, Серниль делился со спутником впечатлениями о неожиданном известии.

— Никакой ошибки тут быть не может, верно? Эта милейшая женщина очень точно описала нам Коветту Морамбер, согласны?

— Вне всяких сомнений.

— Стало быть, Коветта у нее и рожала... Кстати, это объясняет одну странность, уже давно не дававшую мне покоя, хотя я и сам толком не понимал, что меня тревожит. Теперь все ясно. Я не мог понять, зачем девочке дали такое диковинное имя...

— И что же?

— Как зовут мать Коветты?

— Мать?... О Боже! Барберина!

— Ну, вот! И как я раньше не обратил на это внимания? А ведь в медицинском заключении говорилось о трупe девушки, не женщины... До чего же мы были слепы!

Приняли важный факт за небрежность молодого врача... Подумать только, сколько времени из-за этого упущено, хоть локти кусай! И свалить не на кого!..

— Короче, вопреки нашим предположениям, шантажировали не отца ребенка, а мать?

— Совершенно верно. Более того, подобная версия объясняет, наконец, поведение клана Морамберов. Они изо всех сил старались замять это дело, отлично понимая, какой скандал вызовет известие, что одна из их женщин родила маленького бастарда... И голову мне морочили, поочередно признаваясь в отцовстве, лишь бы я не угадал, что на самом деле они подменили роженицу и заставили мадам Монтастрюк без всякого злого умысла участвовать в фальсификации. Что ж, похоже, на сей раз гордые Морамберы, воображавшие себя солью земли, действительно у меня в руках!

Горячность Серниля позабавила журналиста.

— Можно подумать, это сказал я, а не вы!

— Вероятно, это оттого, что у меня такое чувство, будто я отплачу им не только за обоих Салиньи, но и за вас.

— Спасибо...

И, немного помолчав, Рошрэ добавил:

— Значит, насколько я понимаю, поиски отца маленькой Барб вас больше не интересуют?

— В профессиональном отношении сей господин меня и впрямь больше не волнует, но не с чисто человеческой точки зрения... А впрочем, меня сюда послали именно в первом качестве... В первую очередь я хочу арестовать убийцу, и я это сделаю!

— Но вы же снова столкнетесь с Морамберами...

— И что с того? На сей раз им придется заговорить... Как вам известно, моего первого претендента на наручники зовут Поль Морамбер. Это, кстати, объясняет колебания Колетты... Наверное, она не смела назвать мне имя убийцы, зная, что это — ее муж и что, возможно, он бродит где-то неподалеку...

— Мне бы и в голову не пришло, что месье Поль способен на преступление...

— Мы сплошь и рядом недооцениваем и свои, и чужие возможности. А потом небольшой поворот событий внезапно выявляет совершенно другое «я»... Да, верно сказал Господин Старший, эту печальную историю невозможно понять, не разобравшись во внутренних законах клана. Что угодно, лишь бы не бросить тень на женщину, которая носит фамилию Морамбер! Колетту и так приняли в семью со скрипом, а она еще произвела на свет ребенка, и явно не от мужа. Надо думать, выходя замуж, она уже была беременна. Так или иначе, представляю, какой шквал обрушился на Поля, когда он уже не смог скрыть правду от братьев! Можно не сомневаться, что весь клан скопом навалился на Ивонну Салиньи и заставил ее признать материнство в обмен на кругленькую сумму и ежемесячное пособие. И, когда она согласилась, семья облегченно вздохнула. Потом они разработали план, договорились, что молодые женщины придут вместе якобы из Дижона и обменяются бумагами, а в чужой, отдаленной деревушке никто ничего не заподозрит. Если бы Ивонна согласилась продолжать игру, история так и осталась бы тайной, а знаменитая честь Морамберов — в полной неприкосновенности!

— Да, но что-то не сложилось, и вышла накладка.

— Причем, видать, не из мелких...

— Скажем, у Ивонны прорезался аппетит, и она решила выжить из Морамберов побольше.

— Верно, и, в конце концов, Поль пришел к выводу, что положение безвыходное. Тогда он совершает убийство, а потом вынужден приняться за выведавшего у дочери правду Барнаба.

— И какой же вы делаете из этого вывод?

— А такой, что мадам Коlette придется сегодня ночью выложить мне всю правду, иначе я отведу ее в участок, а уж там она волей-неволей разоткровенничается. Сфабрикованное свидетельство о рождении дает мне достаточно мощное оружие, и Морамберы уже не смогут пренебречь этим обстоятельством. А потому, месье Рошрэ, у меня складывается очень стойкое впечатление, что уже завтра, наконец, закончу следствие. Впрочем, я мог бы сделать это уже давно... А теперь мы еще разок побываем в Ламастре.

— Зачем?

— Я хочу получить еще одно подтверждение.

В больнице Ламастра Серниль без труда отыскал врача, вскрывавшего тело Ивонны Салиньи. Молодой человек сохранил от тех дней самое неприятное впечатление.

— Положа руку на сердце, месье комиссар, у меня нет никакого призвания к судебно-медицинской экспертизе, и это вскрытие, первое в моей жизни, станет и последним. По крайней мере, хотелось бы надеяться.

— Значит, вы хорошо запомнили Ивонну Салиньи?

— Точнее, ее останки.

— Согласен. Я читал ваше заключение. Вы называете ее девушкой, а не молодой женщиной... Наверное, это распространенная языковая неточность?

Врач рассмеялся.

— Уж не думаете ли вы, случаем, месье комиссар, что мне не известна разница между этими двумя терминами? Я употребил слово «девушка» только потому, что тело, привезенное мне на вскрытие, принадлежало особе, имевшей все основания так называться в исконном и буквальном, то есть физиологическом, смысле.

— Спасибо, доктор. Если б вы знали, как я зол на себя за то, что не прочитал ваше заключение повнимательнее... Ладно, сделанного не воротишь, и остается только догонять упущенное время.

Серниль и Рошрэ вместе вышли из машины на площади Кордельер, точнее, у гостиницы, где остановился комиссар. Уже прощаясь с журналистом, Леонс вдруг воскликнул:

— Черт побери!

Рошрэ уставился на него почти с испугом.

— Что случилось?

— Пойдемте!

Леонс затаял добровольного помощника в гостиницу и, усадив в кресло, буркнул:

— Мы опять угодили пальцем в небо!

Журналист вытаращил глаза.

— То есть как это?

— Наше как будто безукоризненное логическое построение, объясняющее виновность месье Поля Морамбера, на самом деле имеет серьезный изъян...

— Какой же?

— А такой, что мы упустили из виду самое главное: Ивонна собиралась замуж за человека, который ее убил. Меж тем, месье Поль, по единодушному мнению всех свидетелей, очень любит свою жену. Стало быть, он не мог думать о женитьбе на Ивонне, да и та, зная Коlette, не поверила бы подобным обещаниям.

— И что же тогда получается?

— А то, что, с точки зрения закона, пока я могу обвинить Коlette и Поля Морамберов в том, что они, прибегнув к незаконной мистификации в Тронше, сфальсифи-

цировали государственный документ. Одного этого, заметьте, довольно, чтобы свалить клан, но мне-то нужен убийца...

— В таком случае, я просто не знаю, с какой стороны искать.

— Я — тоже, но очень надеюсь на ночное свидание с Колеттой Морамбер. Придется нагнать на нее страху! Раз она хвастала, что знает имя убийцы, не все потеряно! Так что, я очень рассчитываю завтра же утром явиться к вам с победой.

В одиннадцать часов полицейский на глазах у изумленного портье, явно не привыкшего, чтобы постояльцы уходили из гостиницы среди ночи, отправился на место встречи.

Не желая привлекать ничье внимание или хотя бы возбудить любопытство, Серниль не стал расспрашивать, как пройти от гостиницы к Платановому саду, а тщательно изучил у себя в номере карту города и, уходя, прихватил электрический фонарик — читать названия улиц.

Комиссар неторопливо поднялся по улице Сади Карнот до улицы Капитана Кансона, потом свернул на улицу Вернон и оказался как раз напротив Платанового сада, куда обещала прийти Колетта. В ночной тишине полицейский пытался представить себе, как жена месье Поля воспримет известие, что он в курсе и насчет ее тайных родов, и их незаконных последствий. Серниль не сомневался, что Колетта действовала отнюдь не по собственному почину. Нет, она явно выполняла приказ. Чей? Вероятно, Господина Старшего.

Серниль так задумался, что совсем позабыл о времени. Лишь когда часы на башне прозвонили половину двенадцатого, он вернулся к действительности и стал настороженно вслушиваться в тишину, ожидая в любую секунду услышать громкий перестук каблучков по пустынной мостовой. Минут через пятнадцать он начал нервничать. Уж не посмеялась ли над ним Колетта? Или, может быть, ей не удалось незаметно уйти с вечеринки? А что, если Морамберы опять вмешались в игру и установили свои правила? Часы пробили полночь. Теперь Леонс точно знал, что Колетта уже не придет. Для очистки совести он дал ей еще пять минут, а потом, сочтя, что и так прождал больше, чем достаточно, побрел обратно по тенистой тропке Платанового сада. Не успел Серниль сделать и нескольких шагов, как чуть не растянулся во весь рост, споткнувшись о невидимое мягкое препятствие. Кляня бесцеремонность местных жителей, очевидно, решивших устроить здесь свалку, Серниль включил фонарик и направил луч на землю. Проклятия замерли у него на губах. Колетта не опоздала на свидание.

Еще не успев опуститься на колени, полицейский знал, что молодая женщина мертва. Знал он также, что ее задушили, как до этого Ивонну и Барнабэ. И очень скоро Леонс узнал, что не ошибся. Но как же это багровое, перекошенное гримасой страдания лицо не похоже на очаровательное личико мадам Морамбер-младшей! Бедная Колетта... Леонс по-отечески нежно закрыл покойнице глаза. Внезапно он заметил, что в руке несчастной зажато что-то блестящее, и, разогнув еще теплые пальцы, обнаружил золотую безделушку, изящно составленную из множества скрученных колечек. Быть может, отбиваясь, Колетта сорвала эту драгоценность с убийцы? Серниль сунул вещь в карман и поднялся. Он был уверен, что, пока он ждал здесь, неподалеку, убийство совершиться не могло. Значит, Колетта пришла раньше. Но почему?

Комиссар задумался, не зная, что делать дальше в этом безлюдном и настолько тихом квартале, словно он находился за много миль от обитаемого мира. Леонс свернул на ближайшую улицу, и вдруг под лучом его фонарика сверкнула медная табличка с надписью: «Доктор Селинжи, терапевт». Полицейский позвонил в дверь. Ему долго не открывали, наконец, в дверном проеме показалась заспанная женщи-

на в кое-как застегнутом халате. На заданный в полусне вопрос, что ему нужно, Леонс ответил:

— Я — комиссар полиции. Мне нужен врач, и еще я попросил бы разрешения воспользоваться вашим телефоном. В нескольких шагах отсюда произошло убийство.

Сообщив в комиссариат о трагедии, Леонс попросил срочно прислать бригаду специалистов и разбудить его коллегу Мальпа. А потом, не сомневаясь, что по его указаниям местная полиция мгновенно найдет место преступления, вместе с врачом вернулся к несчастной КоLETTE.

Час спустя Серниль уже сидел вместе с Мальпа в кабинете последнего. Комиссар местной полиции казался глубоко подавленным.

— Не может быть, чтобы подобная гнусность случилась здесь, у нас... Да и кто мог ненавидеть мадам Морамбер так сильно, чтобы убить?

— Видимо, тот, на кого она собиралась мне донести.

— Ох, найти бы его...

— Что мне не дает покоя, Мальпа, — так это почему жертва решила прийти на место свидания раньше?

— Перепутала? А может, от нетерпения?

Леонс покачал головой.

— Нет, я уверен, что она хотела сперва увидеться и поговорить с убийцей.

— Несмотря на чудовищный риск?

— А если тот, кого мы ищем, как раз не вызывал у нее ни малейших опасений?

— Но кому же дама из приличного общества могла доверять настолько, чтобы счесть совершенно безопасным для себя ночное свидание в пустынном уголке?

— Например, родственнику...

— Родственнику? Коли уж на то пошло, скажите сразу — супругу!

— А в самом деле, почему бы и нет?

Мальпа пристально посмотрел на коллегу, пытаясь понять, серьезно он говорит или нет, но Серниль вовсе не походил на шутника.

— Скажите честно, вы ведь все-таки не думаете, будто месье Поль мог...

— Как раз наоборот!

— Но он обожал жену!

— Надо думать, свобода ему дороже.

— Я что-то совсем перестаю вас понимать...

— Если месье Поль Морамбер, будучи убийцей Ивонны и Барнабэ Салиньи, узнал, что жена собирается его выдать, то вполне мог заткнуть ей рот навсегда. Вы знаете, где живут Моборже, на чьей вечеринке сегодня были Морамберы?

— На Бульваре Республики.

— Поехали туда.

— Прямо сейчас? Но ведь три часа ночи!

— И что с того?

— Будить людей, которые не так уж давно легли спать, и уж тем более Моборже...

— Будь здесь Рошрэ, он не преминул бы попенять вам на избыток почтения к сильным мира сего!

Мальпа хмыкнул.

— Да здесь он, старина, ваш верный доктор Ватсон!

— Здесь?

— Пойдемте.

Удивленный Леонс следом за Мальпа подошел к двери камеры. На деревянной койке лежал журналист с сильно помятой физиономией и в разорванной рубашке.

— Боже мой, Рошрэ! Что с вами стряслось?! — крикнул сквозь решетку Леонс. Арестант усталился на полицейского пустыми глазами хронического алкоголика, с большим трудом возвращающегося к действительности.

— Тоска...

— Ничего себе взгрустнулось!

— Отцепитесь от меня, вы все, или притащите выпить!

Мальпа за руку увел коллегу обратно в кабинет. Серниль продолжал недоумевать и получил-таки объяснения.

— Рошрэ начинает здорово меня утомлять... Завтра утром, как только придет в норму, настоятельнейшим образом попрошу его убраться в Авиньон. Не желаю больше видеть, как он тут спяну колобродит! Так что, если останется, при первой же попытке снова устроить скандал угодит под суд!

— А что он натворил?

— Как обычно, надрался, а потом, решив, видимо, что выпил недостаточно, пошел в тот же кабачок, где тогда сцепился с Морамбером, и там ни с того ни с сего налетел на какого-то типа, чья физиономия чем-то ему не понравилась, и начал колошматить. Тот, естественно, не остался в долгу, хозяин кабачка бросился на помощь. Результат — всеобщая потасовка и весьма внушительный счет, по которому некоему Рошрэ придется заплатить, как только очухается. Если хотите знать мое мнение, конченный он человек.

— Боюсь, вы правы. До сих пор он жил одной ненавистью. А теперь, если клан Морамбер падет, вообще останется пустота...

— Точнее, бутылка. Так и будет пить, пока не сдохнет или не попадет в клинику.

— И все — из-за какой-то глупой ссоры после дружеской пирушки! Морамберы поступили с Рошрэ безжалостно, а потому и сами не имеют права рассчитывать на сострадание.

— Вряд ли они станут зывать о нем.

— Решительно, эти люди могут творить все, что угодно, вы все равно найдете им оправдание!

— Оправдание, может, и нет, мой дорогой, но уважение — безусловно.

— Даже если все эти преступления совершили они?

— Пожалуй, да... О, не волнуйтесь, если понадобится, я в любую минуту встану рядом с вами, но, честно говоря, без радости, а, напротив, с таким ощущением, будто делаю что-то очень гадкое...

— Потрясающе! И почему же, позвольте полюбопытствовать?

— Сам толком не знаю... Наверное, потому, что это наши Господа.

Глава 5

Несмотря на чины и звания непрошенных гостей, Моборже сочли оскорбительным и недопустимым, чтобы их смели тревожить в такое неподходящее время. Камил Моборже, очень высокий, очень грузный и очень рыхлый мужчина, принял полицейских с невыносимой надменностью.

— Позвольте мне, господа, выразить удивление поступком, граничащим с полной бесцеремонностью. Насколько мне известно, у нас еще не вошло в привычку беспокоить людей по ночам?

— А я позволю себе напомнить вам, сударь, что ни комиссар Мальпа, ни я вовсе не злые шутники и не дурно воспитанные люди. А кроме того, восемь часов утра — далеко не ночь, — отпарировал Леонс, не дав коллеге и рта раскрыть.

Моборже смерил наглеца высокомерным взглядом.

— Не припомню, чтобы мне вас представили, сударь.

— Комиссар Серниль из управления уголовной полиции Монпелье.

— И что дальше?

— А то, что мы пришли задать несколько вопросов, касающихся мадам Поль Морамбер.

Камил вытаращил глаза.

— Ну и ну! Это что, шутка?

— Боюсь, в таком случае она получилась бы слишком мрачной.

— На что вы намекаете?

Леонс повернулся к коллеге.

— Объясните ему, пожалуйста.

Разъяренный невыносимой для его самолюбия раскованностью чужака, Моборже накинулся на аннонейского комиссара:

— Я всегда считал вас приличным человеком, Мальпа! А потому хотел бы услышать от вас, да побыстрее, что означает это скандальное вторжение в мой дом!

— Речь идет об убийстве, месье Моборже.

— Об убийстве?

— Мадам Морамбер-младшую убили сразу после того, как она ушла отсюда.

Не успел Камил должным образом отреагировать на известие, как за дверью послышался приглушенный вскрик и шум падения чего-то тяжелого.

— Элеонора! — вскинулся хозяин дома. И, уже бросаясь к двери, из-за которой донесся шум, добавил: — Эта ее проклятая манера подслушивать за дверью!

Мадам Моборже, облаченную в отделанный кружевами бледно-розовый пеньюар, подняли с пола, и полицейские помогли мужу перенести ее на софу. Мальпа начал осторожно похлопывать ей руки, а Камил откупорил бутылку рома. Почувствовав во рту огненный вкус этого напитка, Элеонора Моборже приоткрыла затуманенные глаза. Однако при виде окружавших ее мужчин хозяйка дома мгновенно опомнилась и, вырвав у Мальпа руку, живо запахла поплотнее полы пеньюара.

— Камил, кто эти господа?

— Полицейские, дорогая моя.

Элеонора сразу все вспомнила.

— Ах, да... Бедная маленькая Колетта... и как же ее...

Серниль, на протяжении этой сцены сохранявший ледяное спокойствие, все так же холодно дал требуемое объяснение:

— Мадам Поль Морамбер задушили.

— Какой ужас! И что за гнусность! Не понимаю, как подобная вещь вообще могла произойти...

Муж попросил ее успокоиться, а потом повернулся к полицейским.

— Моей жене необходимо оправиться от такого удара... Поэтому я бы очень просил вас задать все вопросы, о которых вы говорили, и завершить это дело со всей возможной поспешностью.

Мальпа предоставил Сернилю вести допрос.

— Не могли бы вы назвать мне точное время, когда мадам Морамбер вышла из вашей гостиной?

— Примерно без четверти одиннадцать... — отозвалась Элеонора. — Я знаю это, потому что Колетта подошла ко мне извиниться за слишком поспешный уход. «Но мне надо уйти, — сказала она, — моя близкая подруга тяжело больна и очень нуждается в моей помощи». По правде сказать, мне показалось, что это шито белыми нитками.

— Ей кто-нибудь звонил?

— Да, Роза — это девушка, прислуживавшая в гардеробной, — подтвердила мне, что мадам Морамбер звали к телефону.

— А вы не могли бы уточнить, мужчина звонил или женщина?

— Мужчина. Потому-то я, увы, немного рассердилась на эту басню о больной подруге и не стала этого скрывать от мадам Морамбер. Теперь я очень жалею, что так вышло, но кто мог предугадать, что ее «до свидания» окажется последним «прости»? Бедное дитя...

— А месье Морамбер тоже ушел вместе с женой?

— Поль? Он вообще не приходил. Колетта извинилась за мужа, сказав, что ему внезапно стало нехорошо и пришлось лечь.

— Значит, мадам Морамбер явилась одна?

— Ничего подобного. Ее сопровождал племянник, Филипп Морамбер. Видя, что он разговаривает с невестой, Колетта не сказала о своем уходе. А Филипп с Симонной оставались у нас до конца и, наверное, ушли одними из последних.

По пути к Господам Мальпа неожиданно спросил:

— Что вы об этом думаете, Серниль?

— От души желаю месье Полю Морамберу, чтобы его болезнь оказалась настоящей, и вчера вечером пришлось вызвать врача, в противном случае...

— Да?

— ...он рискует провести следующую ночь в тюрьме.

Дверь особняка Морамберов нарочно стояла приоткрытой, чтобы хозяев не тревожили звонками. Еще более зловеющий, чем когда бы то ни было, дворецкий бесшумно вынырнул из угла.

— Что вам угодно, господа? — чуть слышно прошелестел он.

— Видеть месье Поля Морамбера.

— Он ожидает несчастную мадам... ее должны привезти из... из морга... Я не думаю, что месье Поль в состоянии принимать кого бы то ни было.

— И тем не менее придется.

— Но...

— Предупредите его.

Немного поколебавшись, слуга отвесил поклон и направился в сторону апартаментов Матьё Морамбера. Там Господин Старший собирался прощаться с почившей невесткой. Не прошло и нескольких секунд, как дворецкий вернулся.

— Не угодно ли вам пойти со мной, господа?

Он проводил обоих комиссаров в просторную комнату, они нашли Поля Морамбера и его брата Гуга. Полицейских принял, скорее, Гуг.

— Неужели вы не можете оставить нас в покое хотя бы в такой момент?

— Мы просто не имеем права думать об условностях, пока не выполнили свою задачу, — извинился Мальпа.

Гуг пожал плечами.

— Тогда поторопитесь!

Леонс подошел к скорчившемуся в кресле Полю. Морамбер-младший плакал, даже не пытаясь скрыть слез.

— Почему вы не пошли на вечеринку к Моборже, месье Морамбер?

Вдовец обратил к нему искаженное страданиями лицо.

— А?... Что?... Моборже?... Ах, да... почему? Болен... я был болен...

— И что же вас мучило?

— Боли в желудке.

— Вы, конечно, позвали врача?

— Нет. Я привык к таким приступам, они случаются часто... и сам лечусь.

— Досадно.

— А?

— И во сколько же вы легли?

— Незадолго до того, как моя жена ушла вместе с Филиппом.

— И больше не вставали?

— Нет... пока меня не пришли предупредить о...

Поль, не закончив фразы, снова разрыдался.

— Месье Морамбер, мне известно о подмене в Тронше.

— Да?... Теперь мне все равно.

— Чей это ребенок?

— Не знаю.

— Вы не спросили об этом у жены?

— Нет... Я любил ее, понимаете? И опасался, что она носит дитя от кого-то из людей нашего круга... Я предпочел не выяснять, кто это... Признаю, это не очень мужественно с моей стороны... но мне не хотелось узнать то, что, возможно, потом не удастся выкинуть из памяти.

— И мадам Морамбер согласилась бросить ребенка? Своего ребенка?

— Да... но она тоже меня любила и страдала от последствий прежних заблуждений, в которых не посмела признаться из страха меня потерять...

— А вы все равно женились бы на ней, даже зная о беременности?

— Что бы ни думал об этом я сам, братья в любом случае не позволили бы.

— Скажите, месье Морамбер, а не пытались ли вас шантажировать сначала Ивонна Салиньи, а потом — ее отец?

— Никогда.

Серниль достал из кармана драгоценность, найденную им в руке убитой, и неожиданно поднес к лицу Поля.

— Узнаете эту вещь?

— Да, это моя заколка для галстука, но я потерял ее... и, черт меня возьми, если знаю, когда... А где вы ее разыскали?

— В руке у вашей жены.

— В ру...

— Боюсь, месье Морамбер, вам придется отчитываться перед судом за три убийства, в том числе и своей жены.

Месье Поль вдруг вскочил, и, бледный, как смерть, крикнул:

— Мерзавец! Да как вы смеете?!

— Эта вещь доказывает вашу вину.

— Неправда!

— Надеюсь, месье, вы не заставите меня надеть на вас наручники?

У Морамбера-младшего началась самая настоящая истерика.

— Нет, не хочу! Как же я не подожду Колетту?! Вы не имеете права! На помощь!

Гуг быстро подошел и обнял брата за плечи.

— Прошу тебя, Поль, успокойся...

Он посмотрел на Серниля.

— Месье комиссар, если я дам вам честное слово привести к вам брата всего через несколько часов, вы согласитесь дать ему такую отсрочку?

Леонса настолько мutilовало от тягостной сцены, что он кивнул. Лучше уж пускай Гуг доставит Поля в комиссариат, чем начнется унижительная для всех участников драка.

Сернилю так и не удалось как следует отдохнуть. В конце концов, измученный усталостью, он провалился в тяжелый сон и проснулся, лишь услышав громкий стук

в дверь. Было около одиннадцати утра. С трудом разлепив веки, Леонс встал. Голова болела, в глазах стоял туман. Он пошел открывать, даже не надев тапочек, и оказался нос к носу с Мальпа.

— Ну, что еще стряслось?

— Поль Морамбер покончил с собой у гроба жены.

— Вот как...

— Полагаю, следствие на этом закончено?

— Да, действительно. Вы ездили туда?

— Нет, я приехал за вами, чтобы мы сделали это вместе.

— Весьма любезно с вашей стороны... Вы позволите мне немного привести себя в порядок?

— Пожалуйста, я подожду вас внизу.

Леонс быстро закрылся в ванной и уже оттуда крикнул:

— А каким образом вы узнали о его самоубийстве?

— Мне позвонил Господин Старший.

Тело Поля положили рядом с гробом Колетты. Филипп, Марта и Гуг охраняли покой своих близких. Серниль долго вглядывался в лицо несчастного самоубийцы.

— Он так испугался? — шепнул он Гугу.

Тот покачал головой.

— Нет, просто не представлял себе жизни без Колетты.

— И однако он же сам и...

— Уже то, как Поль ушел из жизни, должно было бы доказать вам, сударь, всю несправедливость ваших подозрений.

— Разве что угрызения совести...

— Морамберам неведомо это слово.

Оба комиссара снова вышли в холл, собираясь уходить.

— Месье Серниль! — вдруг услышал Леонс.

Он обернулся — с порога своей комнаты на него неподвижно взирал как всегда внушительный глава клана.

— Месье Серниль, вы не согласитесь уделить мне несколько минут?

— Иду, сударь... Мальпа, мы с вами встретимся в комиссариате, если вы не против, конечно, и вместе напишем рапорт судье по надзору.

— Ладно, я вас подожду.

Серниль подошел к Господину Старшему, и тот проводил его к себе в кабинет.

— Я сожалею о несчастьях, обрушившихся на вашу семью, месье Морамбер, и приношу вам глубокие соболезнования, — проговорил он, усаживаясь.

Господин Старший махнул рукой.

— Не стоит. Наши горести касаются только нас. А вас я попросил зайти на минутку для того, чтобы объяснить кое-какие несомненно возмущившие вас поступки.

— Вы имеете в виду подмену Колетты Морамбер Ивонной Салиньи?

— Да. Очень многие люди в этом городе, месье комиссар, завидуют мне, а еще больше — ненавидят за то, что я — такой, как есть. Несчастья меня отнюдь не минавали. И кое-кто всякий раз бурно торжествовал. Зато никому и в голову не приходило меня пожалеть. Меж тем, смерть то и дело стучалась в двери этого дома... Сначала — родители, потом — моя сестра Агата, брат Блаз, после них — моя жена Мари и дочь Мадлен, теперь — Колетта и Поль... Это слишком много, месье комиссар, и было с член сломаться... Но я выстоял и буду держаться до тех пор, пока Филипп не подготовится в достаточной мере и не сможет избавить меня от бремени. Где я черпаю мужество? В чувстве долга, в том, что я обязан удерживать Морамбе-

ров на вершине. Это требует большой силы воли, напряженной работы и самоотречения. Мне некогда оплакивать своих мертвых... Тяжкая задача, сударь, — тащить за собой целый клан, зная, что у одних его членов короткое дыхание, другие хотели бы дышать совсем другим воздухом, а третьи готовы все бросить, лишь бы навсегда избавиться от дисциплины, которая мешает нам жить подобно большинству других смертных. И мне случалось опускать руки, но я всегда превозмогал слабость. Добиваясь от близких подчинения, в конце концов, я стал внушать им страх. Тем самым я обрел себя на одиночество. Ко мне приходят, лишь попав в затруднительное положение... Да, месье комиссар, я не тешу себя иллюзиями: ни один из членов моей семьи не питает ко мне ни малейшей любви. И я довольствуюсь уважением самых умных и преклонением глупцов.

Я не мог допустить, чтобы все плоды непрерывных трудов многих поколений, да еще достигнутые такой ценой, погубила женитьба человека, слишком простодушного, на интриганке. Девушки вроде Колетты Вон встречаются довольно часто, особенно в маленьких городках. Нищета или, во всяком случае, убожество домашней обстановки раздражает их, иссушает сердце и пробуждает тщеславие. Они на все готовы, лишь бы вырваться, достигнуть более высокого положения в обществе. Именно такой была и Колетта Вон. Когда брат привел ее знакомиться, я сразу все понял, а Колетта догадалась, что я о ней думаю. Разумеется, я всеми силами пытался отговорить брата от женитьбы. Но Поль был слабым человеком, а бесспорная красота девушки льстила его самолюбию. Во избежание семейных ссор мне пришлось уступить. А через несколько недель после свадьбы моя новоиспеченная невестка вдруг слегла, заразившись гриппом. Тут-то врач и определил, что она — по меньшей мере на четвертом месяце беременности. Я предоставил Полю стонать, осыпая жену укорами, угрожать то самоубийством, то разрывом — короче, использовать все средства, какие только может употребить человек безвольный и мягкотелый. Когда он успокоился, я вызвал Колетту к себе в кабинет и предложил сделку: либо подпольные роды с подменной фамилии матери, либо развод по ее вине и громкий процесс с участием лучших юристов и еще более жалкая жизнь, чем прежде. Колетта выбрала первое. В обмен я пообещал, что через несколько лет позволю ей усыновить ребенка — таким образом он официально будет носить имя Морамбер, а не останется в глазах общества незаконнорожденным. Я знаю, что это незаконно, но закон не может учитывать всех обстоятельств, месье комиссар.

— Тем не менее, сударь, ему неизбежно придется вас преследовать.

— Неизбежно?

— Черт возьми! Подделка свидетельства о рождении...

— ...и все три заинтересованных лица уже мертвы.

— И все же скандал разразится.

— Да, конечно, но известие о том, что эту фантастическую историю задумали двое несчастных — Колетта и Поль — изрядно успокоит страсти... Скорее всего, их просто пожалеют, а если и осудят, то отнюдь не сурово.

— Только не в том случае, когда выяснится, что ваш брат Поль совершил три убийства.

— Это всего лишь ваши голословные утверждения, месье комиссар.

— Однако драгоценность, найденная в руке жертвы...

— Была много лет назад потеряна хозяином.

— Короче, вы намерены сражаться до конца, даже понимая, насколько безнадежно ваше дело?

— Я всегда бьюсь до последнего. Или вы в этом сомневаетесь, месье комиссар?

— И еще одно... Скажите, месье Морамбер, вам известно имя отца ребенка?

-
- Возможно.
 - Может быть, вы назовете его мне?
 - Ни в коем случае. Я еще не опустился до положения полицейского осведомителя.
 - Как вам будет угодно.
 - Вот именно, месье комиссар: как мне будет угодно!

Скверный конец истории... Впервые за все годы службы, закрывая дело, Серниль не радовался. Более того, что-то его продолжало беспокоить, хотя он и сам не смог бы определить, в чем дело. И еще Леонса тревожил так и не выясненный вопрос: где он мог видеть Колетту Морамбер? И почему он не спросил у Мальпа или Рошрэ, нет ли у Колетты сестры? Нет, с этим неприятным ощущением надо покончить... А в конце-то концов, почему бы не заглянуть к самим Воном? Комиссар знал, что они живут на улице Беффруа. Туда-то он и направился.

Улица Беффруа производила странное впечатление: едва свернув на нее, человек как бы мгновенно попадал из двадцатого столетия в средние века. Высокие и, похоже, готовые рухнуть под бременем лет дома почти совсем затеняли мостовую. И Леонс понял, почему Колетта так стремилась отсюда сбежать... К своему огромному удивлению, Серниль так и не смог разыскать Вонов, а объяснения соседей окончательно повергли его в растерянность. Все больше хмурясь, он поспешил отойти подальше от улицы Беффруа и брел наугад, пока случайно не оказался возле кабака, где Рошрэ когда-то подрался с Филиппом Морамбером из-за какой-то девушки. Комиссар толкнул дверь.

- Вы не видели Рошрэ? — спросил он хозяина, заказав аперитив.
- Нет, и не желаю! Впрочем, пусть только попробует сунуть сюда нос — пинками вышибу на улицу!
- Вы меня узнали?
- Разумеется, месье комиссар.
- Тогда расскажите мне, что у вас произошло сегодня ночью.
- Ну что ж... Было часов одиннадцать, а может, половина двенадцатого, и народу набралось порядком. Вдруг вижу — Рошрэ, собственной персоной. Ну, я-то сразу сообразил, что парень принял больше, чем достаточно, да и царапины на физиономии ясно говорили, что он уже повалился в грязь или лез в драку. У меня он заказал виски и стал поглядывать вокруг. А я сразу предупредил, что одну рюмку налью, но потом — чтобы сразу убирался. И знаете, что мне ответил этот наглец? «Еще бы мне не уйти! — заорал он во всю глотку. — На мой вкус, тут слишком много дерьма!» Само собой, в воздухе повеяло холодом. К счастью, все поняли, что Рошрэ в стельку пьян, и никто не шелохнулся. Однако нашему горлопану этого мало! И он — опять за свое. «Ага, — кричит, — это какой-то рассадник всякой сволочи! А самый подлый из всех подонков — эта жалкая тварь Фёзин!» Должен вам сказать, месье комиссар, что Фёзин — один из прежних друзей Рошрэ и был с ним в тот день, когда у того вышла стычка с месье Морамбером. Рошрэ с тех пор смертельно его ненавидит — не может простить, что тот не поддержал приятеля против Господ. Я попытался успокоить Фёзина и уже почти достиг цели, как вдруг этот чертов журналист полез с кулаками. Ну, тут уж все не упустили случая накостылять ему по шее. И, прежде чем я успел вызвать полицию, парня здорово потрепали. Увели его с совершенно разбитой мордой. Наверное, сначала пришлось везти в больницу, а уж потом — досыпать, в камеру. Во всяком случае, так мне рассказывал полицейский, вернувшись записывать показания.

— Спасибо за подробности. А где я могу найти месье Фёзина?

— Он — страхового агента и почти наверняка сейчас еще на работе. Контора — в двух шагах отсюда, улица Дём, восемьдесят пять. — Кабатчик вздохнул. — Хотя, вообще-то, здесь все — в двух шагах.

Как и предсказывал добродушный хозяин кабачка, Серниль обнаружил Фёзина в конторе. Судя по выражению лица, весь смысл существования этого жизнерадостного толстяка составляли женщины и вкусная еда. Узнав, что перед ним комиссар полиции, Фёзин охотно рассказал о невероятном нападении Рошрэ. Рассказ почти дословно совпадал с тем, что Леонс уже слышал в кабачке.

— И как вы объясните причины этой глупой драки?

— О, это очень старая история...

— Вы имеете в виду тот вечер, когда Рошрэ не поладил с одним из Морамберов?

— А, вы уже в курсе... Жак до смерти разозлился на меня за то, что я не стал настраивать людей в его пользу. А я не желал этого делать, во-первых, потому что он сам был виноват, а во-вторых, не видел причин ссориться с Господами без всякой на то причины. Да и работа у меня такая, что наживать врагов ужасно невыгодно...

— Я вас понимаю.

Сунув руку в карман, Серниль достал драгоценность, найденную в руке Кошетты. Сам не зная зачем, он решил показать ее Фёзину.

— Вы когда-нибудь видели это украшение?

Страхового агент тщательно оглядел золотую вещицу.

— Клясться я бы не стал, но, по-моему, это булава, которой Поль Морамбер закалывал галстук... Погодите... Ах, да! Теперь я точно помню, она была на месте в тот вечер, когда на него налетел Рошрэ.

— Разве Поль Морамбер дрался с Рошрэ?

Фёзин посмотрел на него с удивлением.

— Так вы ж знаете эту историю...

— Минуточку, месье Фёзин... Насколько мне известно, у вас на глазах журналист вцепился в Филиппа Морамбера из-за какой-то девицы. Или я ошибаюсь?

— Вам плохо объяснили, в чем дело, месье комиссар. Жак хотел выпустить кишки Полю Морамберу из-за Кошетты Вон, с которой он в то время водил шуры-муры.

Сернилю показалось, что стены кабинета вдруг поплыли у него перед глазами. Он тяжело поднялся со стула.

— Вы и представить себе не можете, месье Фёзин, как я вам благодарен. Теперь я точно знаю, где уже видел Кошетту Морамбер.

Рошрэ воспринял появление в его берлоге комиссара Серниля без всякого восторга. Ввалившиеся щеки, воспаленные глаза и щетина на подбородке придавали ему совершенно изможденный вид.

— А, это вы, комиссар...

— Вы опять пили?

— А что мне еще делать, по-вашему?

— Даже вино не всегда помогает забыться... Вы очень любили Кошетту, не так ли?

— Да.

— Тогда почему сняли со стены ее фотографию?

— Чтобы забрать с собой.

— Куда?

— Не знаю. Это больше не имеет значения.

Наступило долгое молчание. Журналист сидел на краю постели, упираясь локтями в колени и опустив голову, и Леонс не мог видеть его лица.

— Должно быть, невыносимо трудно убить любимую женщину, даже если она не заслуживает вашей любви? — мягко проговорил полицейский.

— Ужасно...

— Она донесла бы на вас?

— Да.

— Почему?

Рошрэ с горечью рассмеялся.

— Чтобы спасти своего драгоценного Поля! А как вы догадались?

— Мне не давали покоя два необъяснимых факта: убийца сумел убедить Ивонну Салины, что действительно хочет на ней жениться — раз, и фотография Колетты Вон у вас на стене — два.

— Честно говоря, о фотографии я не подумал, да мне и в голову не приходило, что вы заглянете ко мне на чердак.

— А потом выяснилось еще несколько подробностей. Точнее, три.

— Три?

— Первая: то, что вы уверили меня, будто ходили к старикам Вонам на улицу Беффруа, в то время как они переехали три месяца назад. Очевидно, вы об этом не знали. Второе: вы рассказали, будто подрались с Филиппом Морамбером из-за какой-то неизвестной девицы, хотя на самом деле речь шла о Поле и КоLETTE. И, наконец, третье: ваша вчерашняя, совершенно идиотская драка. Вам, несомненно, хотелось ее затеять. Но почему? Объяснение напрашивается само собой: вы пришли в кабачок с уже исцарапанным лицом, меж тем, вам нужно было объяснить, откуда взялись повреждения. Не могли же вы сказать мне, что следы оставила, отбиваясь, Коlette? Я не ошибся?

— Нет.

— А знаете, не взбреди мне в голову, в сущности, довольно странная мысль самому заглянуть к Вонам, вам бы удалось меня провести! Вы меня совсем заморозили своей лютой ненавистью к Господам. Мальпа, правда, меня остерегал, да я пропустил его доводы мимо ушей. Хуже того, обвинял за явное нежелание тревожить покой Морамберов. Хорошенький урок на будущее — это поубавит во мне самоуверенности.

— Так вы теперь все знаете?

— Почти. Хотите, могу рассказать, как мне представляется эта история? Если ошибусь, поправьте.

— Что ж, почему бы и нет?

— Так вот, жил-был некогда в Аннонне молодой человек. Судьба, казалось, готовила ему прекрасное будущее, и вполне заслуженное — он был умен и трудолюбив. Однако, к несчастью для себя, человек этот влюбился в девушку, под ангельским личиком скрывавшую бешеное желание преуспеть во что бы то ни стало. Ради того, чтобы выбиться из грязи в князи, она пошла бы на все. Сначала молодой человек, о котором я говорю, показался ей самой желанной добычей — еще бы, по общему мнению, перед ним открывалась блестящая карьера. Ловкая особа стала его любовницей, решив, что ребенок свяжет их еще крепче. Но вмешался случай. Молодая женщина познакомилась с Полем Морамбером. А Морамберы, или, как их называли в том городе, Господа, обладали самым значительным состоянием во всей провинции. Поль вскоре объяснился в любви, и его избранница быстро поняла, какие перспективы открываются перед ней теперь. И Коlette (так звали честолюбивую особу) бросила прежнего возлюбленного. Молодой человек, кстати сказать, журналист, бесконечно страдал, ибо за напускным цинизмом скрывалась нежная и романтическая душа. Возможно, когда-нибудь он уехал бы в другие края и совершенно исцелился, не сведи его злая судьба как-то вечером в кабачке с Полем и Коletteй. Журналист в тот вечер выпил чуть больше, чем следовало, и, не сдержавшись, бросился на

того, кто лишил его возлюбленной. Во время драки у него в руке случайно осталась золотая брошь, которой Морамбер-младший закалывал галстук. Вскоре его вышвырнули из кабака, причем даже друзья не пришли на помощь. И тут на покинутого и оскорбленного в своем самолюбии любовника нашло буйное помешательство — и он устроил чудовищный ночной скандал, впервые в истории клана Морамберов осмелившись публично оскорбить это влиятельное семейство. Господа не простили обиды, и несчастный лишился всего, что у него оставалось — общественного положения и надежды на успех. С горя он запил... До сих пор ошибок я не сделал, Рошр?

— Ни одной, комиссар.

— Вскоре корыстолюбие Колетты обернулось против нее. Новоиспеченной мадам Морамбер пришлось признаться мужу, что она беременна, и не от него. Незаконнорожденный в клане? Никто и мысли об этом не допускал. В то же время и о разводе никто не помышлял — у Морамберов это не принято. Тогда Господину Старшему пришла в голову гениальная мысль. У его невестки Марты работала горничной одна девушка. Клан давно принимал участие в ее судьбе, ибо у бедняжки был весьма недостойный отец. Ивонна Салины была безгранично преданна Морамберам. В обмен на хорошее приданое ее попросили признать ребенка Колетты своим. Господин Старший надеялся таким образом избежать скандала. В обмен на послушание он обещал Колетте, что через несколько лет Поль усыновит ее ребенка, и тот сможет без всякого позора для семьи носить фамилию Морамбер. То, что родилась девочка, еще больше упрощало вопрос. Под предлогом болезни Колетту отправили подальше от дома месяцев за пять до родов. В нужное время она перебралась в Тронш. Полю предосторожности ради запретили навещать жену. Журналист ничего об этом не знал. Даже о том, что у него должен родиться ребенок... Верно?

— Да.

— Не знаю только, каким образом он об этом проведал...

— Однажды, приехав в Анноней, он узнал о болезни Колетты. Молодой человек все еще любил ее, поэтому встревожился. От знакомой девушки с почтамта он услышал, что Морамберы часто пишут в Дижон, и отправился туда. Увидев, какова истинная болезнь Колетты, журналист сперва ничего не понял. Потом ему все же удалось повидать бывшую возлюбленную наедине, но та живо поставила его на место. И молодой человек уехал, по-прежнему не догадываясь, что ребенок — от него. Несколько месяцев спустя он выведал у отца Колетты всю правду и, уже зная, как обстоит дело, бросился в Тронш. Хотел проверить, а вдруг Колетта назвала малыша его именем... Неисправимо сентиментальный молодой человек, он все еще на что-то надеялся, чего-то ждал от своей мертвой любви... Как же он удивился, обнаружив, что его дитя носит фамилию Салины, а маму зовут вовсе не Колеттой! Только теперь бедняга до конца уразумел горькую истину: Морамберы отняли у него все, до конца.

— И с того дня наш журналист стал жить только мыслью об отмщении. Но он хотел, чтобы месть получилась соразмерной его отчаянию, а потому не мог удовлетворяться обычным скандалом. Каким-то образом молодой человек узнал, где воспитывается его дочь, поехал в Ламастр и познакомился с Ивонной Салины. А потом стал ухаживать за девушкой. Она ничего не знала, а мысль жить в городе «настоящей дамой» казалась такой привлекательной... В конце концов, Ивонна призналась, что ребенок — не ее. Все правильно?

— Да, и обещала рассказать историю девочки после свадьбы.

— Теперь мы подходим к самому скверному моменту. Пьянство убило в молодом человеке всякое представление о нравственности. И он подумал, а почему бы не совместить отмщение с материальной выгодой, начав шантажировать Господ.

— Разве не они его разорили?

— Журналист рассказал о своих намерениях Ивонне. Та в ужасе отказалась принимать участие в таком грязном деле и, подозреваю, даже успела предупредить об опасности Колетту.

— Да, и когда Ивонна честно сказала об этом молодому человеку, тот буквально обезумел от ярости. Вне себя от злобы, он вцепился Ивонне в горло и даже не заметил, как задушил. А уж потом умышленно переехал тело машиной, надеясь представить дело как несчастный случай.

— И отец Ивонны, Барнабэ, это видел?

— Нет, но дочь, очевидно, назвала ему имя своего так называемого поклонника. Барнабэ заподозрил правду и попытался его шантажировать. Потрясающе! Бедняге журналисту ничто не удавалось, даже подлости!

— И он убил старого бродягу.

— Пришлось.

— Журналист мог бы исчезнуть, не оставив ни малейших следов — никому и в голову не пришло бы заподозрить его в чем бы то ни было. К несчастью, пьянство еще не вполне притупило его сообразительность. И журналист сообразил, что двойное убийство дает ему возможность отплатить Морамберам за свою испорченную жизнь. Главная трудность состояла для него в том, как бы половчее направить следствие на Морамберов и вытащить на свет историю с подлогом в Тронше. Тогда девяносто девять шансов из ста было бы за то, что полиция сочтет, будто Ивонна и ее отец пытались шантажировать кого-то из членов клана, а тот, не видя иного способа развязать узел, пошел на преступление. Замечательно ловко рассчитано.

— Спасибо.

— Тем более, что следствие, по воле случая, оказалось в руках человека, по характеру и благодаря остережениям коллег, изначально настроенного против Господ. И журналисту не составило труда водить самоуверенного полицейского за нос.

— Вы клевете на себя...

— Нет, просто привык трезво смотреть на вещи. Следствие направилось именно так, как рассчитывал журналист. Однако вмешались два фактора, которых он никоим образом не мог предвидеть. Во-первых, на полицейского очень сильное впечатление произвели встречи с Господином Старшим и постепенно он проникся мыслью, что такие люди не убивают. Кто-то из них мог пойти на преступление в приступе слепой ярости, совершенно обезумев. На подобную слабость был способен разве что месье Поль. А второй фактор — то, что Колетта оказалась вовсе не дурочкой. Поездка журналиста в Дижон, его излияния Ивонне убедили молодую женщину в том, что убийца — ее бывший возлюбленный. Чтобы спасти мужа из готовой захлопнуться юридической западни, она решилась сжечь корабли. Заявив следователю, что знает имя преступника, Колетта шла на скандал, но зато уберегла бы мужа. Увы, дурак-полицейский разболтал журналисту о том, что Колетта назначила ему свидание. Мгновенно оценив опасность, тот, насколько я понимаю, позвонил мадам Морамбер к Моборже и предложил какую-то сделку. Колетта пришла на указанное прежним поклонником место, а тот, хоть и не без борьбы, задушил ее. Жертва оставила на лице журналиста настолько подозрительные следы, что ему пришлось снова принимать меры — отсюда дурацкая стычка с Фёзином. Журналист надеялся, что новые синяки и раны скроют прежние. Отличная работа. Возражений нет?

— Ни единого. А что теперь?

— Изменить ход событий уже невозможно. Я отведу вас в комиссариат. Голова, поскольку гильотина уже не в ходу, наверняка останется при вас, но пожизненное заключение гарантировано.

— Думаете, игра стоит свеч?

Прежде, чем ответить, Серниль пристально посмотрел на собеседника.

— Нет, не думаю. Слишком много невинных людей уже поглатились жизнью: Ивонна, Барнабэ, Поль... А процесс может окончательно погубить Господ... Нет, положи руку на сердце, я не думаю, что игра стоит свеч.

— Пожалуй, вы правы... Можно мне собрать кое-какие вещи? Вы могли бы подождать внизу...

— Договорились.

Леонс на мгновение остановился рядом с журналистом.

— Мне очень жаль, что так вышло, Рошрэ, вы заслуживали лучшего...

— Я тоже так считаю, комиссар.

Полицейский не успел спуститься на первый этаж, как в комнатенке Рошрэ грохнул выстрел.

Оба комиссара сидели за ужином. Леонс уже все рассказал коллеге, а тот внимательно выслушал и, лишь когда Серниль умолк, задал первый вопрос:

— Вы все так и напишете в рапорте?

— Да, за исключением одной небольшой подробности. Я укажу, что Рошрэ убил Ивонну в приступе пьяного безумия, а Барнабэ и Колетту — поскольку первая жертва успела предупредить их о своих подозрениях на его счет. А вот уточнять природу этих подозрений я вовсе не обязан.

— Верно, но остается еще эта препаршивая история с подделкой документа.

— Вы о чем?

Мальпа на мгновение лишился дара речи, а его собеседник спокойно добавил:

— С одной стороны, непосредственные участники подлога — месье Поль, Колетта и Ивонна — мертвы, с другой — маленькую Барбу найдут способ удочерить, и она будет носить фамилию Морамбер, пока не выйдет замуж. Так чего ради все портить?

— А как же закон?

— Как раз сегодня утром Господин Старший говорил мне, что закон не может предусмотреть всех жизненных обстоятельств.

Леонс уже попрощался с Мальпа, однако, прежде чем навсегда уехать из Аннонея, ему захотелось еще раз вернуться туда, где примерно в этот же поздний час он впервые увидел Господ.

Прижавшись к стене одного из домов, комиссар вглядывался в очертания безлюдной улицы. Он сейчас заново переживал все, что произошло со дня его знакомства с Аннонеем и, не пытаясь ничего анализировать, восстанавливал в памяти ощущения и впечатления от странного, полуфеодалного мира, принадлежащего Морамберам.

Леонс не сразу понял, что означает негромкий, но постепенно приближающийся звук. И внезапно его осенило: нет, это не игра воображения, да и воспоминания ни при чем: по улице неторопливым, размеренным шагом идут Господа! Полицейский незаметно скользнул за угол. Сначала появились их тени. И снова Серниль подумал, уж не начались ли у него галлюцинации — ибо как и в тот, первый вечер, когда Рошрэ показал ему Морамберов, их было трое. Комиссар окончательно перестал понимать, что происходит... Ведь месье Поль мирно покоится рядом с телом жены... Господин Старший шел вдоль тротуара у самой стены, Господин Средний — слева от него, а рядом — третий, тот, что в наиболее узких местах спускался на мостовую и тут же снова выравнивал шаг, приравливаясь к размеренной поступи спутников... Ах, вот оно что... Это Филипп, ставший теперь месье Филиппом... □

Перевод с французского Марии Мальковой.

Светлана Бестужева

Окончание.
Начало
в № 6 — 2006 г.

Госпожа генеральша

иллюстрация
**Алексея
Остроменцкого**

Глава четвертая. **Мой генерал**

Работа в издательстве, к которой Анна со временем приступила, увлекла ее больше, чем она могла предположить. Читать она всегда любила, а тут выяснилось, что у нее, помимо врожденной грамотности, еще и отличное чувство слога и феноменальная память. Рукописи, прошедшие ее редактирование, не нуждались даже в корректуре.

С другой стороны, мемуары оказались вовсе не такой скучницей, как можно было предположить. Правда, большинство авторов излагали интереснейший материал «шершавым языком плаката», с пеной у рта отстаивали свою авторскую самобытность и право именно на такой стиль изложения. Но были и другие. Знаменитый, еще не старый генерал авиации пригласил Анну к себе «на чашку чая», познакомил с женой, молодой красавицей, бывшей балериной, и несколькими близкими друзьями, превознося до небес «редактора от Бога».

Эту же мысль он несколько раз — для пущей доходчивости — повторил самому директору издательства, а тот, в свою очередь, горячо поблагодарил жену, которая сосватала ему прекрасный кадр.

Жена, Инна, к Анне, в результате, заметно охладела и звонила все реже и реже. Она искренне считала, что свою миссию выполнила и может заняться чем-нибудь более интересным. И приглашать в гости, кстати, не спешила.

Оправившись от операции и психологического шока, Анна снова стала по-настоящему красивой женщиной. Правда, в густых каштановых волосах мелькали серебряные нити, а у глаз появились мелкие морщинки, но кожа по-прежнему поражала нежностью и гладкостью, а фигура — врожденной грацией. Зарплату Анне повысили, а заодно и прозрачно намекнули о возможном карьерном росте. В обиход окончательно вошли когда-то экзотические компьютеры, которыми однажды оснастили всех «творческих» сотрудников издательства. Анна Васильевна на удивление быстро освоила новую технику и все нужные программы, да к тому же стала получать дополнительное удовольствие от самого процесса работы.

Постепенно завелась и частная клиентура: репутация «редактора от Бога» делала свое дело. А с частной клиентурой пришел и дополнительный достаток, который позволил Анне Васильевне довольно скоро обзавестись компьютером и дома. Заодно обзавелась интернетом, после чего проблема проведения досуга перестала существовать как таковая...

Когда однажды утром Анна вспомнила, что сегодня — день ее рождения, причем дата вполне круглая — сорок лет, она слегка удивилась. Как ни банально это звучит, время — действительно лучший лекарь, и боль в душе хоть и не ушла совсем, но основательно притупилась, затаилась где-то в самой глубине.

За два года из Канады от сына пришло только одно письмо, точнее, подписи к нескольким фотографиям. Шурик позировал на фоне ухоженного дома, новенькой машины и за клавиатурой компьютера. Вопросов к матери у него, судя по всему, не было. Евгений не написал ни строчки, впрочем, этого она уж и вовсе не ждала.

«Сорок лет — бабий век, — иронично думала Анна. — Что ж, начинаем красиво стареть, ничего другого все равно не предвидится».

Как удачно, что сегодня — неприсутственный день, так что можно благополучно избежать показушной суеты на работе и традиционных подарков в виде огромных мягких игрушек или гжельской посуды, тем более, что она терпеть не могла ни то, ни другое. Да и неформальное застолье ее не манило — пьяных она всегда терпеть не могла, а сама к спиртному была откровенно равнодушна. Праздновать свой юбилей она не собиралась, гостей не звала, а просто уехала в Нескучный сад и почти весь день бродила по практически безлюдному парку...

На следующий день начальство все-таки поздравило ее: неформально, в собственном кабинете, сообщением о том, что подписан приказ о ее назначении старшим редактором направления с соответствующей прибавкой к окладу. Анна Васильевна с милой улыбкой поблагодарила и пошла осматривать свои новые владения: собственный, ее собственный кабинет!

Уже на следующей неделе коллеги потянулись на неформальные экскурсии в стерильно-чистую комнатку со светлыми стенами и до блеска промытым окном, чуть прикрытым жалюзи нестандартного золотистого цвета, с уголком отдыха, где уютно разместились журнальный столик, два кресла и книжные стеллажи, на которых также царил безупречный порядок.

Украшала все это скромное великолепие ваза с композицией из сухоцвета, а в комнате витал аромат хорошего кофе, дорогих сигарет и тонких духов, которые давно уже были неотделимы от всего образа Анны.

...Все началось столь же внезапно, сколь закономерно. На книжной выставке к стенду, возле которого в тот день дежурила Анна Васильевна, подошел невысокий, крепко сбитый мужчина, одетый добротно, но неброско: ни костюма, ни галстука — обычные брюки, свитер, отлично вычищенные ботинки. Брюнет с карими глазами и по-восточному смуглой кожей, но на лицо «определенной национальности» никак не похожий.

Он задал какой-то вопрос — она ответила, и, совершенно незаметно для себя, оказалась втянутой в довольно интересную дискуссию о типах мемуаров и свойствах людей, которые эти самые мемуары пишут. С точки зрения Владимира Николаевича — так представился мужчина, — мемуары пишут хорошо только те, кто действительно оказывался в гуще событий, а не наблюдал их со стороны.

— Вот вы, например, собираетесь писать мемуары? — оговорил он ее неожиданным вопросом.

Анне Васильевне впервые за долгое время стало смешно. Ей — мемуары? О чем? О разбитом семейном очаге? О нынешней работе или о прежней? Чепуха!

— Но вы по роду деятельности наверняка встречаетесь с массой знаменитых людей, — настойчиво продолжал развивать свою мысль ее собеседник.

— Ну, «масса» — это сильно сказано, — раздумчиво ответила Анна Васильевна, припоминая своих авторов. — Попадают, конечно, интересные люди... Но писать что-нибудь вроде «Мои встречи...» — увольте.

— Согласен. А написать книгу в соавторстве не хотели бы?

— Я — редактор, а не писатель, — уклонилась от прямого ответа Анна Васильевна.

— Зато, как мне говорили, с отменным чувством слова и стиля. Не удивляйтесь, я человек любопытный, задаю много вопросов, обожаю собирать информацию. Как говорится, издержки прежней профессии... Впрочем, я отвлекся. Так как насчет книги?

— Право не знаю, — замялась Анна Васильевна. — Это так необычно...

— Понимаю. Знаете что, у меня есть к вам конкретное историческое предложение. Вы когда освобождаетесь?

— Часа через два.

— Прекрасно. Через два часа я возвращаюсь сюда, и мы продолжаем беседу в более подходящей обстановке. Как вам такое предложение?

Анна Васильевна открыла рот, чтобы вежливо и мягко отказать, но с изумлением услышала, что благодарит за приглашение и ничего против него не имеет. Было похоже, что энергичный Владимир Николаевич ее просто загипнотизировал, поскольку и внешне никак не соответствовал ее представлению об интересном мужчине.

Ровно через два часа возле стенда возник Владимир Николаевич... с тремя гвоздиками в руке. Второй сюрприз ждал у выхода из выставочного центра и был черной «Волгой» с шофером и даже, кажется, спецсигналами. Владимир Николаевич уверенно открыл дверцу и предложил:

— Прошу. Если не возражаете, я знаю тут недалеко один рестораник...

— Вы что, партийный босс? — попыталась шуткой скрыть свою растерянность Анна Васильевна.

— Сохрани Боже! Я — директор охранного агентства, точнее, его хозяин. К тому же — генерал в отставке. Так что, обязан держать марку, хотя мне все это уже порядком осточертело.

— Что — агентство? — поинтересовалась Анна Васильевна, усаживаясь в машину.

— Нет, все эти прибамбасы... Поехали, Димочка. К «Максиму».

Димочка молча и плавно тронулся с места и минут через пятнадцать уже тормозил возле свежешлакированной двери в торце жилого дома. Вывеска, возможно, и была, но Анна Васильевна ее как-то не заметила. Зато внутри — полдюжины столиков, тихая музыка, полумрак и минимум посетителей.

Как только они уселись, возле их столика возник довольно массивный мужчина в белом поварском одеянии.

— Владимир Николаевич! Ну, порадовали! У нас сегодня...

— Максимыч, — довольно бесцеремонно перебил его Владимир Николаевич, — давай сначала выясним, что хочет моя гостья.

— Я не голодна, — попыталась возразить Анна.

Но перед ней уже появилось довольно обширное меню. Давно отвыкшая от кулинарных изысков, Анна Васильевна даже слегка растерялась, что тут же заметил хозяин.

— Рекомендую телятину по-итальянски. Очень деликатное блюдо.

— Правильно, — поддержал его Владимир Николаевич. — А мне — как обычно, сам знаешь. Плюс салатик какой-нибудь и для парня моего... ну, спроси, чего он хочет.

Только теперь Анна Васильевна заметила, что шофер Димочка сидит в дальнем углу зала, причем так, чтобы видеть шефа.

— Он еще и телохранитель? — пошутила она.

Но Владимир Николаевич шутки не принял.

— Что положено, то положено. Без телохранителя меня подчиненные из офиса не выпустят. А за Димочкой я, как за каменной стеной.

— Он и дома вас охраняет?

— Дома у меня — жена, — все так же серьезно ответил Владимир Николаевич. — Это покруче любого телохранителя.

Встреча прошла исключительно приятно. Говорили, в основном, о той книге, которую Владимир Николаевич все собирался написать, да времени катастрофически не хватало. А набросков, черновики, архивных материалов — целая коробка. Вот если бы Анна Васильевна согласилась посмотреть...

— Не бесплатно, конечно, — поторопился добавить Владимир Николаевич. — За нормальные, правильные деньги. Собственно говоря, там все есть, нужно только свести воедино, литературно изложить. Строго между нами: я когда-то предотвратил покушение на Горбачева. Об этом пока практически никто не знает, хотя слухи ходили и ходят. А мне все известно, так сказать, изнутри...

— Вы... служили в КГБ? — с изумлением спросила Анна Васильевна.

Владимир Николаевич кивнул.

— Да, только после прихода этих, с позволения сказать, демократов, пришлось уйти в отставку. А потом с коллегами-единомышленниками создали охранное агентство. Одно из лучших в Москве, кстати. Если не в России.

Следующие полчаса были посвящены красочным и захватывающим описаниям того, как Владимир Николаевич лично участвовал в каждой акции агентства на первых порах, причем все они были смертельно опасными, иногда — с применением оружия, и всегда — триумфально-успешными. Теперь репутация агентства безупречна, финансовое положение — дай Бог каждому, но только вот душа просит творчества. А времени на него нет.

— Хорошо, — сдалась в конце вечера Анна Васильевна. — Привозите ваши материалы, я посмотрю. Только привозите домой, на работе мне этим заниматься совершенно некогда. Да и неудобно.

Владимир Николаевич рассыпался в благодарностях и комплиментах, пообещал, что Анна Васильевна никогда в жизни не пожалеет о принятом решении, что это — только первый шаг, а потом он откроет собственное издательство и сделает ее его полновластной хозяйкой. Для него это — пустяки, он более чем состоятельный человек, хотя все и записано на агентство, но на самом деле...

Анна Васильевна подумала, что это уже чересчур, и не слишком хорошего тона, но бокал сухого вина и вкуснейшая еда сделали свое дело, ей было приятно сидеть в уютном полутемном зале, слушать цветистые комплименты и даже откровенное хвастовство. От ее собеседника исходила какая-то мощная аура власти и обаяния, противостоять которой она не могла и не хотела.

Владимир Николаевич отвез ее домой, но не попросил напоить его кофе и вообще не сделал ни единой попытки проникнуть в квартиру своей новой знакомой, просто дал ей свою визитную карточку и попрощался.

А через два дня молчаливый Димочка притащил на квартиру Анны Васильевны приличных размеров картонную коробку с материалами для будущей книги. К ней прилагался роскошный букет темно-красных роз и огромная коробка шоколадных конфет.

Владимир Николаевич звонил ей на работу, а по вечерам — домой, когда Анна Васильевна прилежно, хотя и не очень успешно, разбиралась с привезенными ей материалами. Чисто деловое знакомство быстро превратилось в роман, который проистекал стремительно, но не сказать, чтобы уж очень банально.

Почти каждый день Владимир Николаевич заезжал к концу работы за Анной Васильевной и вез в какой-нибудь ресторанчик. Букеты роз в доме не переводились. Довольно скоро из ресторанчиков стали приезжать к Анне Васильевне домой, со всеми проистекающими отсюда последствиями, вплоть до совместно проводимых ночей. Ничего не скрывающий от возлюбленной Владимир Николаевич мимоходом сообщил, что супруга его в данное время отдыхает и лечится в Карловых Варах.

Анна Васильевна не стала спрашивать, что будет, когда генеральша вернется. Что будет, то и будет, а пока она едва ли не впервые в жизни была по-настоящему счастлива. Хотя и чувствовала порой некоторую неловкость.

Частьенько Владимир Николаевич заезжал за ней на работу в полной генеральской форме, приводя сотрудников в состояние легкого ступора. Время от времени брал с собой на какие-то «деловые встречи», где представлял своим компаньоном и будущей владелицей крупнейшего в стране издательства. Даже пару раз привез в офис своего агентства, где на нее смотрели как-то странно, но были чрезвычайно почтительны, чтобы не сказать угодливы.

— А ты не боишься, что донесут твоей супруге? — спросила Анна Васильевна после второго визита. — Она же со дня на день возвращается.

Владимир Николаевич беспечно махнул рукой.

— У меня предателей нет. А потом, мы же с тобой книгу пишем, правда?

— Кстати, о книге... — начала было Анна Васильевна, но Владимир Николаевич мгновенно закрыл ей рот поцелуем.

Книга, естественно, практически не двигалась с места. В те редкие свободные часы, когда Анна Васильевна пыталась разобраться с содержанием картонной коробки, она очень быстро приходила в недоумение: связной картинки никак не складывалось. Какие-то интервью, намеки, недомолвки, протоколы встреч Горбачева с иностранными высокопоставленными деятелями, даже меню приемов на высшем уровне. Вычленив из этого хаоса главную сюжетную линию никак не удавалось, равно как не удавалось подвинуть Владимира Николаевича на совместную «работу с документами».

А накануне приезда генеральши Владимир Николаевич... сделал Анне Васильевне предложение руки и сердца.

— Но ты же женат... — растерялась Анна Васильевна.

— Просто нужно время, чтобы развестись. И есть только одно «но». Моя супруга настолько не приспособлена к жизни и беспомощна, что, я боюсь, без меня она просто погибнет. Нужно серьезно обдумать, как сделать, чтобы она потеряла минимум в связи с разводом. Ей, бедняжке, и так несладко придется: профессии нет, в Москву мы переехали лет семь тому назад, подруг — никаких, все родственники живут в Липецкой области.

— Конечно, — тут же «вошла в положение» Анна Васильевна, — не стоит пороть горячку. Но она ведь, наверное, догадывается...

— Догадываться она может сколько угодно. К счастью, у меня такая работа, что я бесконечно в разъездах, могу иногда месяцами обследовать филиалы в других городах. Для нас с тобой это очень удобно.

«Было бы очень удобно, — подумала некоторое время спустя Анна Васильевна, — если бы ты не носил с собой все время этот чертов мобильный телефон».

Судя по голосу, слишком часто доносившемуся из трубки, Владимир Николаевич свою супругу, мягко говоря, идеализировал: голос вполне мог принадлежать какой-нибудь торговке на рынке, привыкшей командовать грузчиками. А звонила генеральша практически каждый час, если не чаще, и, судя по всему, не прочь была устроить мини-скандалчик прямо по телефону. Выключать аппарат на время общения с Анной Васильевной Владимиру Николаевичу и в голову не приходило, точнее, он почитал «отключение правительственной связи» слишком явным доказательством своей супружеской неверности.

А время шло, ни на миллиметр не приближая развитие событий к разводу и последующему бракосочетанию. Теперь Владимир Николаевич все чаще «вызывал» Анну Васильевну в обеденный перерыв поближе к своему офису, и основное общение происходило в небольшом, мало кому известном, хотя и элитном, кафе. Потом шофер вез Анну Васильевну на работу или домой. Правда, звонил Владимир Николаевич каждый день, но разговоры становились все короче и короче.

Как-то Анну Васильевну вызвал к себе директор издательства, Эдуард Аркадьевич, по совместительству — супруг приятельницы Ины.

— Анна Васильевна, — начал он, заметно нервничая, — вы знаете, как мы... и я, конечно, в первую очередь, вас ценим и уважаем. Моя супруга о вас отзывается только в превосходной степени, а она в людях разбирается, как никто. Но мне сказали очень серьезные люди... Простите, что вмешиваюсь в вашу личную жизнь, вы взрослая, самостоятельная женщина...

— Которая закурила романчик с женатым мужчиной, хотите сказать? — осведомилась, привычно закуривая, Анна Васильевна. — Это портит моральный климат издательства?

— Да Господь с вами, какое кому дело до личной жизни других, лишь бы работе не мешало. Ну, сплетничают, конечно, только это все чепуха, я не об этом хотел говорить.

— Есть претензии к моей работе, Эдуард Аркадьевич?

— Ни в коем случае! Я же говорю: услышал от серьезных людей, что ваш... друг, словом, он не совсем тот, за кого себя выдает, так что будьте осторожнее, во избежание, так сказать...

— Он что, брачный аферист? — усмехнулась Анна Васильевна. — Или тайный мафиози?

— Отдаю должное вашему остроумию, но все гораздо проще. Он выдает себя за генерала. А мне сказали, что его уволили в отставку полковником, и что он всю жизнь проработал в разных отделах кадров. Правда, комитетских, тут он не врет. Остальное же...

— Это Инна просила мне передать? — в лоб спросила Анна Васильевна.

— Да... Почти... Она считает, что если скажет все это сама, вы подумаете, что она вам завидует и строит козни. А ее действительно заботит ваше благополучие. Я... мы просто хотели предупредить. Вот и все. Чтобы вы не попали в нелепое положение.

— Спасибо, я все поняла, учту. Можете быть уверены, что я не поставлю в неловкое положение ни себя, ни... издательство. Личная жизнь останется личной жизнью. Передавайте Инне огромный привет.

— Я всегда знал, что вы — умница, — с облегчением вздохнул директор.

Глава пятая. **Интеллигентность — залог одиночества**

— Она хотела покончить с собой, — мрачно заявил Владимир Николаевич в один из своих редких вечерних приездов к возлюбленной. — Я вернулся поздно, а она лежит на кухне без сознания...

— Таблетки? — холодея от ужаса, спросила Анна Васильевна.

— Нет, просто выпила целую бутылку водки. А она ведь практически не пьет.

Анна Васильевна проглотила просившуюся на язык фразу о том, что так с собой не кончают, так начинают спиваться. Или продолжают, если процесс был когда-то уже запущен.

— Может быть, ее нужно положить в неврологическую клинику? — робко предложила она.

— Не хочет. Но я что-нибудь придумаю, не беспокойся.

Легко сказать: «не беспокойся», когда речь идет о жизни и здоровье женщины, состояние которой не могло не отражаться на Владимире Николаевиче, а значит, опосредованно, и на ней, Анне Васильевне.

И как можно было не волноваться, если вдруг вместо запланированной совместной «командировки-отпуска» Владимира Николаевича, о которой они уже давно мечтали (точнее, мечтала Анна Васильевна), появилась необходимость недельного пребывания вместе с супругой в подмосковном санатории. Оттуда даже позвонить было невозможно, генеральша не отходила от мужа ни на шаг. За эту неделю Анна Васильевна обнаружила у себя новые седые волосы и явные, когда-то хорошо знакомые, признаки невроза.

Конец этой истории приблизила сама Анна Васильевна, которая, на свое несчастье, влюбилась во Владимира Николаевича без памяти. И совершенно потеряла свойственную ей осторожность: как-то передала через верного Димочку книгу со вложенной в нее абсолютно личной запиской. Правда, без подписи, но достаточно

откровенную, чтобы не сказать больше. Эту-то злосчастную записку и обнаружила генеральша при очередной ревизии карманов супруга.

Через несколько дней Анну Васильевну снова пригласили в кабинет директора, причем голос у секретарши был какой-то странный.

— Вызывали, Эдуард Аркадьевич? — спросила Анна Васильевна, входя в директорский кабинет.

Тот не успел ничего ответить, как из кресла для посетителей, точно ракета, взметнулась женщина лет пятидесяти, с сильно накрашенным лицом, ослепительными бриллиантовыми серьгами и не слишком стройной фигурой. Лицо посетительницы было искажено самой неподдельной яростью, к которой, впрочем, при виде вошедшей Анны Васильевны примешалась некоторая толика изумления.

— Так она еще и старуха! — услышала Анна Васильевна голос, знакомый ей по телефонным разговорам Владимира Николаевича. — Вот уж чего не ожидала. Думала, молодая вертихвостка-лимитчица нацелилась на солидного мужика... Да тебе внуков пора нянчить, жердь сушеная! И ведь носит же земля...

Анна Васильевна стояла, не в силах пошевелиться и не зная, что сказать этой фурии, оскорблявшей ее все более изобретательно. Багровый от неловкости Эдуард Аркадьевич сидел в своем кресле, не поднимая глаз от поверхности стола. Но тут сзади Анны Васильевны раздался голос, пожалуй, еще более зычный, чем у генеральши.

— Ты что тут разоралась, тварь размалеванная? Дома на мужа ори, если он тебе позволяет, а в кабинете моего супруга изволь держать себя прилично! Ты зачем сюда притащилась? Что тебе нужно, лимита неотесанная?

По счастливой для Анны Васильевны прихоти судьбы, именно в этот момент Инне понадобилось посетить супруга с каким-то сверхважным делом. Она вошла в кабинет — и с ходу, что называется, «въехала» в ситуацию.

Через несколько минут на генеральшу жалко было смотреть. Инна не пропустила ничего: ни безвкусной прически, ни «боевой раскраски», ни особенностей фигуры, ни вопиющего безвкусия туалета. Упомянула и о том, что «нечего жене какого-то писаришки строить из себя «ее высокопревосходительство», и что таких генеральш, только помоложе и посвежее, у трех вокзалов тусуется немерено и за сходную цену.

— Убирайся отсюда к чертовой матери! — закончила свой темпераментный монолог Инна. — Пока здесь хозяин мой супруг, никаких потаскух в этом кабинете не будет. Поняла, мочалка рваная?

«Мочалка» не стала дожидаться продолжения и выскочила за дверь, как побитая собака, старательно обходя Анну. А Инна, еще не утратив боевой задор, накинулась уже на приятельницу.

— Молчишь? Благородная? Тебя мордой в помой — а ты даже не утираешься? Эх, Анка, сколько лет тебя учу жить — ничего ты не усвоила. Интеллигенция... А ты, Эдик, тоже хорош: не мог эту бабу сразу из кабинета выставить. Эх вы, столичные жители! Как вы вообще до сих пор сохранились — ума не приложу. Ладно, Анка, успокойся, на тебе лица нет. Поезжай домой, отдохни. Правильно, Эдик?

— Конечно, Инночка, конечно, — с готовностью закивал Эдуард Аркадьевич. — Простите за эту дикую ситуацию, но я, право, растерялся... Как удачно, что Инна вовремя появилась...

Неделю после этого Анна Васильевна провела на больничном листе, причем не формально, а действительно больная. За это время Владимир Николаевич позвонил только один раз и обещал обязательно приехать. И приехал... накануне того дня, когда Анне Васильевне нужно было возвращаться на работу.

— Анечка, мне самому неприятно, что так получилось. Но пойми и ты: большая женщина, истеричка, климакс, опять же. Я даже не знаю, как она могла вычислить место твоей работы.

— Вот это как раз понятно: «стукнул» кто-то из твоих сотрудников. Думаешь, на твоей фирме никто ни о чем не догадывается? Да и я пару раз в самом начале там появлялась. «Засветилась», так сказать.

— Ерунда! Ко мне тысячи людей ходят...

— Не считай своих сотрудников глупее себя, — устало вздохнула Анна Васильевна. — И не считай свою супругу такой горлицей беззащитной. Она с чем угодно способна справиться, пойдет вперед, как танк.

— Я понимаю, ты обижена, тебе тяжело, поэтому ты несправедлива. Это ты сама можешь справиться с чем угодно. Моя половина приплелась с вашей встречи, будто мешком пришибленная, и ничегошеньки не рассказывает. Судя по всему, соли ей на хвост крепко насыпали.

— Не я. У меня вообще слов не было.

— Тем более. Ведь ты же очень сильная женщина...

— Я? — искренне поразились Анна Васильевна. — Я — сильная женщина? Ты шутишь!

— И не думаю. Знаешь, малыш, нам нужно на какое-то время перестать встречаться, пусть страсти утихнут. А я тем временем подготовлю свою супругу к неизбежности развода. Да и о жилье для себя мне нужно позаботиться, квартиру я, конечно, оставляю ей, тут вопросов нет.

Все было правильно, все логично, но какое-то внутреннее предчувствие беды не оставляло Анну Васильевну. Владимир Николаевич даже не звонил, на один ее робкий звонок на мобильный телефон ответил довольно резко, дав понять, что занят, а других попыток она не делала. На работе все постепенно улеглось, поскольку свежего материала для слетен не поступало. Только нервы оставляли желать лучшего: невроз перешел в стойкую депрессию, и слезы лились как-то сами по себе.

После безобразной сцены в кабинете у директора она снова попала — с точки зрения Инны — в разряд «несчастных». И та снова круто взялась за дело: звонила, утешала, наставляла, подбадривала. По-видимому, психологической обработке подвергалась в этот период не только Анна, ибо месяц спустя Эдуард Аркадьевич предложил ей занять специально, судя по всему, созданный пост заместителя директора.

— Я уже не молод, Анна Васильевна, — объяснял он ей свой неслыханный шаг, нервно крутя в руках очки и упорно избегая ее взгляда. — Мне нужен человек, на которого можно всецело положиться, оставить «на хозяйстве» на время отпуска или, не приведи Бог, болезни. Вы — женщина молодая, энергичная, прекрасный работник...

— Предмет сплетен всего коллектива, — язвительно продолжила Анна.

— Ох, голубушка, все давно забыли эту нелепую историю. Да и вы в ней — жертва, так что, выбросьте из головы и живите дальше. Пока посидите в своем прежнем кабинете, а через пару недель сделаем из приемной уголок для секретарши и полноценный кабинет для вас. Хватит уже по чуланам ютиться. Тем более, что на работе придется бывать практически каждый день...

Впрочем, в чем-то Эдуард Аркадьевич был прав: коллектив посудачил какое-то время о катаклизмах в личной жизни начальства, сменил Анне Васильевне прозвище «Несмеяна» на «генеральшу» и зажил дальше. Ни хуже, ни лучше к Анне Васильевне отношения не стали, поскольку жалеть ее было нелепо — она не выглядела жалко, а завидовать — нечему. Разве что повышению по службе, так все видели, что она пашет, как лошадь. Ну, и пусть себе пашет.

Владимир Николаевич постепенно отплывал в прошлое, о нем навязчиво напоминал только ворох «документов» для так и не написанной книги. В конце концов, Анна Васильевна сложила все обратно в коробку и засунула в глубину стенового шкафа — подальше от глаз.

Так бы все и прошло, как все в этой жизни, только нелепый случай снова напомнил Анне Васильевне о Владимире Николаевиче. И место-то было почти неприличное: дамский туалет в издательстве. Анна Васильевна находилась в одной из кабинок, когда в помещение впрорхнули две молодые сотрудницы, по голосам — младшие редакторы из отдела дамских романов. Анна Васильевна знала обеих: смазливые, шустрые, пока еще незамужние вчерашние провинциалки.

— Ксюхе-то, приятельнице моей, как повезло! — услышала Анна Васильевна захлабывающийся от возбуждения голосок. — Всего без году неделя, как из нашего Мухоморска прикартила, а теперь — на тебе! Госпожа генеральша!

— Шутишь?! — ахнула вторая.

— Вот те крест! Ловко мужика окрутила, хотя способ старый, как мир. Секретарша забеременела от шефа! Даже не смешно.

— А шеф, что, неженатый?

— Еще как женатый... был! Да ты же у нас недавно, не знаешь. Он хозяин охранного агентства, бабками набит по уши, и у него был серьезный роман с нашей Генеральшей...

— Иди ты!

— Правда, правда, все издательство знало, да они и не скрывались особо. Его мадам так нашу шефиню нынешнюю, пассию своего супруга, шуганула, что та чуть в Кашенко не угодила. Сама знаешь: интеллигентная москвичка, сроду голоса не повысит. Ксюха рядом с ней дешевка-дешевкой.

— Зато с генеральшей справилась.

— Это точно. Да так, что та даже квартиру разменять согласилась и тихо уползла то ли в Тамбов, то ли в Липецк, короче, на свою историческую родину. Нашла коса на камень... Нет, в провинции кадры все-таки крепче...

Девчонки, пересмеиваясь, убежали по своим делам, а Анна Васильевна осталась буквально окаменевшей. Очнулась только тогда, когда в туалет еще кто-то вошел и дернул дверь кабинки. Но, может, это просто совпадение, мало ли в Москве генералов — шефов охранных агентств? Или...

Вечером, презиравая себя за слабость, она позвонила помощнице Владимира Николаевича, которая ей в свое время даже симпатизировала. Уж та-то, безусловно, в курсе. И Наталья Федоровна не обманула ее надежд.

— Да, взяли на работу секретаршей какую-то свиристелку. Ну, может, и хорошенькая — за краской не разглядишь. Правда, фигурка — как у Мэрилин Монро. Мужики наши специально в приемную заходили, чтобы на нее посмотреть. А она, видать, нацелилась на самый верх. Ну, Владимир Николаевич не святой, сама знаешь. А через два месяца эта красотка ему говорит: так мол и так, я от тебя беременна, об аборте речи быть не может, и вообще, нужно официально оформить отношения. Он хотел, по-моему, увильнуть, но ребенком она его крепко прижала. Кто-то стукнул генеральше, та примчалась, устроила дикий скандал, до драки дело дошло. Победила, как ты догадываешься, молодость. За месяц она их развела, за второй — квартиру разменяла...

— Он же собирался квартиру жене оставить, — вырвалось у Анны Васильевны.

— Так ему Ксения и позволила! Теперь бывшая генеральша кукует в однокомнатной где-то в Бибирево, а молодые двухкомнатную «сталинку» в центре обживают. Ксения уже в декрете, так что шеф только о будущем ребенке и говорит. — Наталья

Федоровна помолчала немного и добавила: — А ведь он тебя любил, я знаю. Только не умеешь ты за себя постоять. Одно слово — москвичка.

— Я же — сильная женщина! — горько усмехнулась Анна Васильевна. — Справлюсь. Новая-то жена, чай, беспомощнее котенка. По замашкам видно. Ну, ладно, спасибо за информацию. Не говори шефу, что я звонила, ладно?

Конечно, Наталья Федоровна проговорила. Потому что через несколько дней позвонил сам Владимир Николаевич и предложил встретиться «на нейтральной территории». Просто посидеть после работы в каком-нибудь кафе. По ее выбору.

Анна Васильевна от предложения была не в восторге, но еще больше ее огорчило то, что она на него согласилась.

— Ты пойми, малыш, — тихо говорил Владимир Николаевич, нервно крутя в руках рюмку с коньяком. — Ну, сглупил, мужик ведь, не бревно. А тут — ребенок. Мне всю жизнь сына хотелось. Ну, хотя бы дочку. Да и сама Ксана — еще дитя малое, пропадет она в Москве без надежной поддержки. Она без меня не справится...

— А я? — бесцветным голосом спросила Анна. — Я без тебя справлюсь?

— Ты — сильная женщина, Анечка. Прости меня, пожалуйста. Так жизнь сложилась...

— Жизнь сама по себе не складывается, — вполголоса заметила Анна Васильевна. — Многое зависит от людей.

— Тоже правильно, — согласился Владимир Николаевич. — Кстати, как моя книга?

— Что? — не поверила своим ушам Анна Васильевна.

— Ну, книга, для которой я тебе целую кипу документов дал. Неужели ты ничего не сделала? Ну, Анна, это неспортивно, знаешь ли...

— В каком смысле? — все еще ошарашенно спросила та.

— В том, что я очень на эту книгу рассчитывал. Думал, ты ее уже к изданию подготавливала, что я вот-вот гонорар получу. А ты, выходит, все свои обязательства — по боку? Раз не спим больше вместе, то и обещания выполнять не нужно?

— Ты себя-то слышишь, когда говоришь? — Анна Васильевна вдруг почувствовала невероятную усталость. — Какие обязательства? Какие обещания? Кстати, ты обещал на мне жениться, не припомнишь?

— Это совсем другое дело, — прошипел побагровевший Владимир Николаевич. — Так обстоятельства сложились, сама знаешь. И потом, ты не выглядишь убитой горем: тебя, слышал, повысили по службе, в деньгах ты не нуждаешься, выглядишь отменно...

— А ты хотел бы, чтобы я повесилась или утопилась? — уже с некоторой долей иронии осведомилась Анна Васильевна.

— Конечно, нет. Да мне и в голову не приходило, что ты что-то с собой сделаешь. Ты — баба сильная... Кстати, а может быть, книга вообще уже издана? Только не под моей фамилией?

— Успокойся, — устало проговорила Анна. — В ближайшие дни пришлю тебе в офис все твои документы, плюс то небольшое, что я успела написать. Кстати, книга там вряд ли получится: концы с концами не сходятся. Рассказчик ты потрясающий, но вот с реальной жизнью, с фактами как-то не получается. Так что, извини.

— Но ты...

— Сейчас уйду, мы уже все друг другу сказали. Прошу только запомнить, что я не баба, а женщина. Сильная или слабая — это уже другой вопрос. И если тебе кто-то книгу все-таки напишет — не предлагай ее нашему издательству. Не приму.

— Ты мне мстишь? — осведомился Владимир Николаевич.

— Это тебе решать, — сказала Анна, поднимаясь. — А если у тебя финансовый кризис, то за это посещение кафе я заплачу сама. Не обедею.

Она положила на столик довольно крупную купюру и направилась к выходу, стараясь ни в коем случае не расплакаться прямо здесь, в кафе, на глазах, как говорится, у изумленной публики и бывшего возлюбленного. Домой, домой, там можно расслабиться и вести себя так, как захочется.

Но оказавшись дома, плакать не стала. Перегорело, наверное, пока сдерживалась по дороге. Она просто думала, как ей пережить ту огромную пустоту, которая снова образовалась внутри нее. Ну, был роман, была любовь, но все ведь рано или поздно кончается. Вот и кончилось. Теперь нужно взять себя в руки и жить дальше. Она сможет...наверное. Она же — сильная женщина. Господи, как же ей осточертела подобная репутация!

Злосчастную коробку «с документами» она на следующий же день отправила с шофером в офис Владимира Николаевича, наказав передать либо лично в руки, либо, в самом крайнем случае, даме по имени Наталья Федоровна. И никаких комментариев.

Несколько месяцев спустя Анне Васильевне позвонил тот самый генерал авиации, ее бывший автор, и попросил о встрече. Первая его книга разошлась очень быстро, даже имела успех в определенных кругах, и Анна Васильевна закономерно решила, что генерал готов предложить еще одну рукопись.

Она ошиблась. Андрей Павлович, шестидесятилетний, подтянутый мужчина с неправдоподобно голубыми глазами, не собирался предлагать издательству никаких рукописей. Он предложил совершенно другое.

— Анна Васильевна, — начал он, усевшись перед ней в кресло, — я человек военный, говорить не большой мастак, поэтому сразу к делу. Я приехал просить вас стать моей женой.

Сказать, что Анна Васильевна опешила — значит, ничего не сказать. Поклонников она в своей жизни уже перевидала достаточно, причем самых разных, но это было нечто из ряда вон выходящее.

— Вы женаты, если я не ошибаюсь, — начала она, но Андрей Павлович прервал ее нетерпеливым жестом.

— Разведен. Уже год, как моя вторая женошка оставила меня ради американского бизнесмена. Спасибо, что до нитки не обобрала, а ведь могла...

— Зачем же было жениться на такой? — изумилась Анна Васильевна, припоминая супругу генерала, выхоленную красотку с умопомрачительной фигурой.

— Затем, что старый дурак.

— Вы еще не старый, — не слишком ловкоотреагировала Анна Васильевна.

— А что дурак — не отрицаете, — усмехнулся Андрей Павлович. — Правильно. Видите ли, моя первая жена была врачом. Военным врачом. Мы всю жизнь были рядом, и в Афганистан она со мной поехала. Там и осталась... навсегда. Их госпиталь так разнесло, что...

— Простите, — тихо произнесла Анна Васильевна, — я не знала. И не хотела...

— Не надо извиняться. В общем, несколько лет я прожил бобылем, а потом встретил свою вторую жену, Лизу. Она была такая хрупкая, такая... непригодная к жизни, да и карьера у нее не слишком задалась. Любовниц я не признаю, поэтому женился. Чем все это кончилось, вы знаете.

— Теперь вы хотите снова жениться? Только не на слабой и беспомощной, а...

— Не на беспомощной, это точно. Но я прошу вас быть моей женой потому, что кто-то должен о вас позаботиться. Кто-то должен дать вам возможность стать самой собой — слабой женщиной.

— Вы что-то путаете, мой генерал, — усмехнулась Анна Васильевна. — Меня считают сильной... даже не женщиной, а бабой.

— Ну, и дураки. Да нет, вы, конечно, не хрупкий мотылек, но... У вас глаза контуженного человека. Я знаю, посмотрелся в Афгане. С виду — герой-супермен, а глаза... Глаза, как у загнанного зверя.

— Ну, спасибо. Чокнутой меня называли, что было, то было, а вот контуженной...

— Да не придирайтесь вы к словам, — вдруг рассердился генерал. — Вы — нормальный человек, просто жизнь вас не баловала. Вам опора нужна, друг, если хотите. Вот я и предлагаю...

— Дружить?

— Да, только сначала выйти за меня замуж. Ко всему прочему, вы мне очень нравитесь. Красивая, умная женщина...

— Спасибо, но...

— Что — но? Вы свободны, я знаю. Или вы кого-то любите?

Анна Васильевна покачала головой:

— Уже нет. Было... когда-то, было и прошло. Но я и вас не люблю, Андрей Павлович, простите великодушно.

— Я вам неприятен?

— Совсе нет, скорее наоборот.

— Тогда кончайте со своими интеллигентскими замашками и выходите за меня замуж. Я, между прочим, вам тоже в пылкой страсти не признаюсь. Но мы нужны друг другу, я это знаю. Чувствую.

— Все это так неожиданно, — пробормотала Анна Васильевна, отдавая себе отчет в том, что говорит очередную банальность, если не пошлость. — Мне нужно подумать...

— Не нужно! — по-военному отрезал генерал. — Вам нужно думать о своей работе и о том, желаете ли вы сделать перестановку в нашей квартире. Об остальном буду думать я. Вы выйдете за меня замуж, да или нет? Можете подумать... пока выкурите сигарету. Другого времени я вам не дам.

— «Быстрота и натиск — девиз великих полководцев», — пробормотала Анна Васильевна, действительно закуривая сигарету.

«А о чем, собственно, думать, — вдруг пришла ей в голову ясная и четкая мысль. — Не старый, привлекательный и неглупый мужик не морочит голову словами о неземной любви, а четко предлагает свою руку, защиту и опору. Да, я его не люблю, но, может, это и к лучшему. Одиночество, конечно, совершенно замечательная штука, только нужно кому-то время от времени говорить об этом. А я скоро начну разговаривать сама с собой... все от того же роскошного одиночества. Любая нормальная женщина на твоём месте... любая провинциалка... Провинциалка...»

— Андрей Павлович, я согласна, — спокойно сказала Анна, гася сигарету. — Я выйду за вас замуж. Мне надоело быть сильной женщиной.

Похоже было, что в положительном ответе Андрей Павлович и не сомневался. Он поднялся, подошел к Анне Васильевне, взял ее руку и очень нежно и почтительно поцеловал.

— Вы об этом не пожалеете. Слово офицера. Назначайте день свадьбы.

— Нет, мой генерал, командовать парадом будете вы, — улыбнулась Анна Васильевна. — Я не возражаю против того, чтобы иметь совещательный голос. Только прежде, чем думать о том, какую перестановку делать в квартире, было бы неплохо на нее взглянуть. Хотя бы один раз... до свадьбы. И, насколько я понимаю, вы не возражаете против того, чтобы я по-прежнему работала.

— Правильно понимаете, — улыбнулся Андрей Павлович. — Квартиру посмотрим сегодня вечером, точнее, после того, как подадим заявление в ЗАГС. У вас есть сегодня какие-то неотложные дела? Совершенно неотложные?

Анна Васильевна покачала головой.

— Сегодня — пятница. Все может подождать до понедельника, тем более, что директор уже уехал.

— Тогда собирайтесь. Если нужно, можете позже сюда вернуться. Я понимаю, дело есть дело.

— По-моему, — сказала Анна Васильевна, выходя из-за стола, — я веду себя, как восемнадцатилетняя шальная девчонка, но...

— Вы ведете себя, как взрослая, мудрая женщина, — перебил Андрей Павлович. — Мирная жизнь не слишком отличается от военной, и если подвернулся благоприятный момент, нужно действовать, а не размышлять.

Через месяц прозвище «генеральша», к величайшему потрясению издательства, перестало быть таковым. Анна Васильевна действительно стала ею, хотя внешне на ней это никак не отразилось, да и не стремилась она афишировать перемены в своей личной жизни. Так что, когда о них узнали коллеги, для поздравлений было поздовато. Пришлось принимать факты такими, какими они были.

К величайшему изумлению Анны Васильевны, брак оказался счастливым. Андрей Павлович, несмотря на бравирование «солдатской прямотой», солдафоном не был, любил в свободное время читать, смотреть хорошие фильмы по телевизору и гулять с женой по старой Москве или в парках. Да и круг его друзей принял новую супругу достаточно радушно, как свою. Словом, брак по расчету себя полностью оправдал: расчет, судя по всему, был сделан с математической точностью.

А главное, больше никто и никогда не называл Анну Васильевну «сильной женщиной». Называли, правда, «боевой подругой», но это совсем, совсем другое дело.

Особенно когда рядом — надежное плечо друга и настоящего мужчины. □

«КИРПИЧ» УШЕЛ,

«КИРПИЧКИ»
ОСТАЛИСЬ...

Карманники... Некоторые несведущие люди считают их «отбросами» преступного мира, самой низшей категорией жуликов. Но это не так. Карманный вор — это вор высшей квалификации, способный вытащить кошелек у человека, который, между прочим, не спит, не пьян и не под наркозом, да так, что тот ничего и не заметит.

Большой город, с его толпами народа, переполненным транспортом и многолюдными торговыми центрами, — место для карманников идеальное. Помните фильм «Место встречи изменить нельзя»? Там бандит по кличке Кирпич вытащил у женщины кошелек в битком набитом трамвае. Вот вам наглядная иллюстрация. И не смотрите, что действие фильма происходит в 1945 году. Эпоха настала другая, а способы отъема средств совершенно не изменились. Разве что стали разнообразнее.

Способ первый: «Мужчина ее мечты»

Девушка, назовем ее Алена, возвращалась с работы довольная. Кроме зарплаты, она получила неожиданную крупную премию и сидела в полупустом вагоне метро, мысленно витая в розовых мечтах по поводу будущих покупок. Время было довольно позднее, основной поток пассажиров схлынул, и Алена вдруг заметила, что на нее, чуть улыбаясь, смотрит симпатичный молодой человек.

Какой девушке не приятно мужское внимание? Не стала исключением и Алена. Когда парень подсел к ней, она легко пошла на контакт, тем более, что новый знакомый оказался очень общительным и веселым. Проболтав с ним всю дорогу до своей станции, девушка была просто очарована и легко позволила проводить себя до дома.

Поболтав еще минут двадцать с Андреем (так назвался молодой человек) у подъезда и оставив ему телефон, счастливая Алена почти на крыльях понеслась на свой третий этаж. Каково же было ее изумление, когда, сунув руку в сумку, она не обнаружила ключей! И не только, увы, ключей... Пропали все полученные деньги, дорогой сотовый телефон, но самое ужасное — пропал паспорт! Как обаятельному Андрюше уда-

лось все это выудить, не вызвав ни малейших подозрений, девушка и представить не могла, ведь она все время держала сумочку под мышкой. Но, кроме него, больше ни один человек в этот вечер к Алене и близко не подходил.

Конечно же, она немедленно заявила в милицию о краже паспорта и сменила замки, но тягостное ощущение осталось в ее душе надолго. Если не навсегда. И теперь, если к ней подойдет познакомиться даже порядочный, честный человек, она вряд ли позволит ему сказать хоть слово.

«Ромео», подобные Андрею, просчитывают девушек, вроде Алены, сразу. Жертва должна быть хорошо одета, не иметь на пальце обручального кольца, а если вдобавок и взгляд мечтательно-отсутствующий, и сумку прижимает к себе, как младенца, считай, все — готовый «клиент». Современные карманники — хорошие психологи, и девушек, везущих в сумке круглую сумму денег, вычисляют моментально.

Способ второй: «Жертва карманника»

...Ах, какой ужас! Молодую женщину обокрал карманник! Стоит, забившись в угол большого магазина, плачет, причем видно, что она — «в положении», а деньги, наверное, последние... Непременно найдется кто-то, кто, конечно, материально бедняжке не поможет, но подойдет посочувствовать, успокоить, предложить таблеточку, проводить домой. Особенно попадают на это женщины средних лет, которые тоже в свое время были беременны и знают, как это тяжело, а тут еще и стресс такой. А у женщин, пришедших в крупный магазин, в сумке обычно что? Правильно, деньги. А перед глазами что? Правильно, мощный психологический заслон.

Одна моя знакомая, отправившаяся в «Детский мир» за дорогостоящим подарком маленькой внучке, вот так пожалела «ограбленную» и лишилась суммы, накопленной за полгода (!) с пенсии. И до чего хорошо сработала мошенница! Даже когда ее все-таки поймали и устроили ей очную ставку с потерпевшей, моя знакомая отказывалась верить очевидному и пыталась выгородить преступницу!

Такие вот «жертвы воров» играют по полной программе. Они, должно быть, сами верят, что ограблены, искренне рыдают, обращаются за помощью к милиционерам, охранникам торговых центров, описывают приметы «вора», в общем, и не захочешь, а поверишь! Делается это в числе прочего и на случай, если жертва обнаружит пропажу еще в магазине. Однажды такой прием помог воровке благополучно уйти с чужими деньгами, миновав целый кордон милиции, ведь ее полчаса назад саму «ограбили»! На нее никто и не подумал — вот он, психологический заслон.

Способ третий: «Противная семейка»

Эти обычно стараются оказаться поближе к мужчинам. Место охоты — крупные продуктовые супермаркеты, время — вечер, часов шесть-семь, когда отцы семейств или просто холостяки после работы заглядывают за провизией.

«Противная семейка» состоит из женщины и пары детей разного возраста, пришедших тоже якобы за покупками. Дети голосят, носятся вдоль стеллажей, грозя обрушиться с них пакетики и баночки, а мамаша внимательно наблюдает за одинокими мужскими фигурами, слоняющимися по торговому залу. Она высматривает у потенциальных жертв признаки раздражения — чувства, способного забыть любые тревожные сигналы

мозга. К такому господину и направляются по сигналу мамы шалуны. Дальше — дело техники, можно поорать у дяди над ухом пронзительным голосом, можно долбануть на бегу его тележку или поиграть вокруг него в догонялки. Главное, чтобы дядя впал в неадекватное состояние и предпринял срочную попытку оказаться подальше от цветов жизни. По пути он обязательно столкнется с мамочкой, хотя в последнее время участились случаи выемки кошелька самими малышами, пока мама демонстративно бродит в сторонке. В этом случае, даже если воришка будет пойман за руку, ему совершенно ничего не грозит: женщина чисто на публику даст ему пару раз по попе, публично слезно извинится и уйдет вместе с отпрысками. Дети (особенно маленькие) у нас неподсудны, поэтому все чаще и чаще именно их готовят себе на смену взрослые жулики.

Вспомните свои чувства при виде табора цыган, входящего в вагон электрички или метро. Особенно, если с ними куча шустрой малышни. Вы инстинктивно, даже не отдавая себе отчета, прижали к себе сумку! Ваша бдительность возросла в разы! А если у человека с собой крупная сумма денег, он вообще может перейти в другой вагон. Почему? Да потому, что в нашем сознании существует прочная связь: цыгане — опасность! Даже если эти цыгане и думать не думают о кражах, мы все равно их боимся.

А теперь вспомните свои эмоции при виде небольшой группы тихих, воспитанных русских школьников с благообразной учительницей. Вы напряглись? Испугались? Вовсе нет. Тут связь другая: школьники — экскурсия, учительница — дисциплина. А на деле в одной только Москве такой вот «группой школьников» были обчищены карманы и сумки более чем у двух сотен пассажиров общественного транспорта!

Способ четвертый: «Модницам на заметку»

О, сколько раз твердили миру: отправляясь в обувной магазин, не надо класть деньги в дамскую сумочку, а сумочку оставлять на примерочной банкетке, даже если там сидит тихая и очаровательная девушка! И пусть вас не вводит в заблуждение тот факт, что стоите вы буквально в метре от своей прекрасной и безобидной соседки, примеряя на коврике очередной шедевр иностранной обувной промышленности. Но если соседка небезобидна, то стойте вы хоть в десяти сантиметрах, все равно ничего не заметите. А когда хватитесь, красавицы и след простынет.

То же самое касается и магазинов одежды. Некоторые беспечные граждане, которые позже плачут в отделении милиции, давая показания усталому оперативнику, спокойно оставляют сумку на крючке в примерочной кабинке, отправляясь в торговый зал за новой вещью, взамен той, что не подошла. Им кажется, что сумка в безопасности, ведь в примерочной никого нет, да и отлучились они всего на минуту...

Помните! Любой магазин, торгующий более-менее дорогими товарами, — это место, где вас могут обокрасть. Есть целые шайки, специализирующиеся на кражах из сумочек, оставленных на минутку, именно в таких заведениях! Кто-то один профессионально отвлекает ваше внимание, другой отвлекает внимание продавца, а третий в это время делает свое дело, оставаясь абсолютно незамеченным.

Так же и в кафе. Сидя там с другом (подругой), совершенно нет необходимости ставить сумку на пустующий стул, особенно если мимо этого стула постоянно ходят люди. Квалифицированный вор вытащит кошелек с такой фантастической скоростью, что вы даже не заметите, а потом

будете мучительно кусать губы при мысли: а как же теперь расплачиваться за обед?

Способ пятый: «Ковбоям на заметку»

Любят наши мужчины носить бумажник в заднем кармане джинсов! Это неистребимо. Их не смущает даже тот факт, что со временем портмоне принимает занятную закругленную форму от постоянного на нем сидения. Но ладно бы только это! Вытащить бумажник из заднего кармана настолько просто, что даже не обязательно быть настоящим жуликом, достаточно оказаться с товарищем рядом в переполненном вагоне метро и очень захотеть.

То же самое касается краж сотовых телефонов, которые происходят повсеместно. Наш метрополитен — вообще некая черная дыра, в которую утекают каждый день сотни мобильных, висящих у граждан на поясе, на шее, лежащих в специальных кармашках сумок, в карманах курток. И, надо сказать, крадут не только дорогие аппараты, тащат любые, плохо закрепленные на теле. Казалось бы, что проще: купи ремешок с металлическим карабином и пристегни телефон к брючному ремню, раз уж таскаешь на поясе. Так нет, нашим людям все время кажется, что именно сейчас им могут позвонить по срочному делу, и звонок непременно сорвется, если потратить минуту на отстегивание.

Шейный шнурок, на котором носят телефоны, как правило, девушки — особая тема. Разрезать его проще простого, если внутри яркой цветной оплетки не спрятан металлический тросик. Но такие шнурки стоят дорого, и народ экономит...

Однако, возвращаясь к мужчинам, следует признать, что они все-таки лучше защищены от карманных краж в транспорте уже только потому, что часто носят деньги во внутреннем кармане куртки. Влезть туда незаметно для хозяина, конечно, можно, но трудно, а воры предпочитают добывать средства без большого напряжения и риска. Дамы же беспечны просто до умопомрачения: кошелек в сумке, сумка висит сзади где-то на уровне пояса, а хозяйка читает книгу или болтает с подругой. А рюкзаки? Мало того, что рюкзак на чьей-то спине мешает в толпе окружающим, так он еще и невидим для своего же владельца. Лезь — не хочу.

Я помню, один юноша очень возмущался, когда при выходе из вагона метро обнаружил на своем рюкзаке дыру. Ткань, чтобы не напрягаться, просто разрезали и стянули все ценное, что лежало внутри. А парень ничего не почувствовал.

Кстати, если раньше сумки резали бритвой, заточенной монетой, ножичком, то сейчас часто используют кредитную карту с аккуратно подклеенным лезвием, одноразовую зажигалку (тоже с лезвием), пилку для ногтей, ключ, да любую вещь, на первый взгляд не вызывающую подозрения. Жулик пошел образованный, умеющий пользоваться интернетом, а сколько там полезной информации!

Способ шестой и пока последний: «Ах, барахолка!»

Да-да, вещевые рынки. Особенно крупные, в выходной день весной или осенью, когда люди приходят капитально «закупаться». Толпа на таких рынках перемешивается, как мороженое в миксере, и поймать вора за руку, даже если вы почувствовали, как он лезет к вам в карман, абсолютно нереально. Поэтому вызывает особое удивление манера многих людей и в таких местах носить деньги, телефоны, документы и ключи от

квартир в сумке. Да еще, доставая бумажник, пересчитывать купюры у всех на глазах. Такое впечатление, что каждый рассчитывает на «авось», и все соревнуются, кто кого перецеголяет в беспечности.

А ведь для того, чтобы тебя не обокрали, достаточно выполнять несколько простых правил! Очень простых и доступных каждому!

Например, я не призываю девушек, по примеру их бабушек, запихивать деньги в предметы нижнего белья. Это не гигиенично, да и просто некрасиво, особенно летом, учитывая повсеместное стремление ходить в обтягивающей одежде. Но можно же, разобрав купюры на пару «кучек», сунуть их в передние (подчеркиваю) карманы тех же джинсов и, находясь в толпе, держать в этих карманах руки? Да, выглядит, наверное, не очень красиво, но разве это так важно?

Вообще, учитывая наш транспорт, пустой только ночью, деньги в сумке лучше и вовсе не носить. Таскайте там разные мелочи, а все ценное убирайте в карманы, лучше внутренние. На женской куртке нет внутреннего кармана? Так можно его сделать из лоскутка подходящей ткани и чувствовать себя спокойно. На дворе лето, и вы без куртки? Купите шейный кошелек на цепочке и убирайте его под блузку, и в толпе (да и не только) складывайте руки на груди, прижимая этот кошелек к телу. Вас толкают? Терпите, но руки не убирайте: очень часто сообщник карманного вора нарочно толкает жертву, чтобы отвлечь внимание. Если денег у вас с собой много, попросите кого-нибудь из знакомых прокатиться с вами, стоя (сидя) рядом: карманники предпочитают одиночек.

Отправляясь на рынок или в магазин, держите мелочь отдельно от крупных купюр, чтобы не пришлось на глазах у посторонних доставать всю сумму. Никогда не носите кошельки в полиэтиленовых пакетах с продуктами, расплатившись на кассе, сразу же убирайте. Если поблизости от вас навязчиво крутятся «достающие» дети, сосредоточьте внимание не на них, а на своих ценностях. И вообще, если рядом находятся дети — любите! — удвойте бдительность, иногда сущий ангелочек оказывается высококвалифицированным карманным вором, так что, осторожность не помешает.

Кому-то требуется помощь, кто-то спрашивает дорогу или просит вызвать «скорую»? Отлично, помогите, но деньги при этом не должны быть доступны никаким способом, кроме настоящего обыска. Не давайте никому в руки сотовый телефон, не носите его на поясе, убирайте. Пусть это похоже на параною, но лучше ощущать себя параноиком, чем обворованным, правда?

Отправляясь в общественное место, старайтесь не надевать поверх одежды ценных украшений, оставьте дома дорогие часы, и вообще, старайтесь выглядеть проще. Опытным путем установлено, что людей, одетых «безлико», обворовывают реже. Не надо, конечно, «стирать» свою индивидуальность, но, согласитесь, метро (магазин, барахолка) — не самые лучшие места, чтобы ее проявлять.

И, наконец, не будьте беспечны. Даже если вам кажется, что никакой опасности нет, не расслабляйтесь. Не спите в метро, не зачитывайтесь газетой, держа сумку на коленях, а если знакомитесь с кем-то и чувствуете, что любовь вот-вот нечаянно нагрянет, оставьте в опьяненном страстью мозгу маленькую сторожевую точку.

И только тогда вы единственный среди своих знакомых сможете пожать плечами и сказать: «Нет. Я не знаю, кто такие карманники». □

Возмужавший красавчик

Мало кому из голливудских звезд приходилось с юности выдерживать бремя славы, обрушившейся на Леонардо Ди Каприо. Он буквально ворвался на уже устоявшийся голливудский Олимп, заставив побеспокоиться его обитателей.

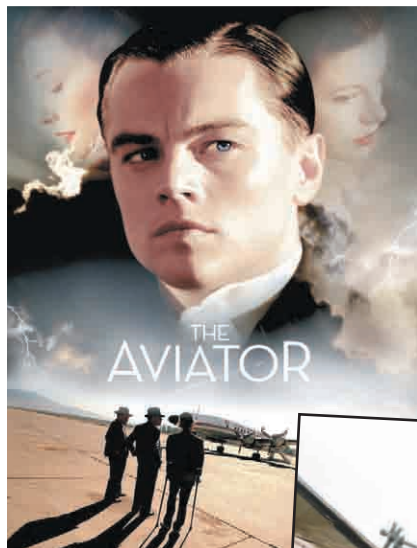
В 23 года после исполнения главной роли в картине «Титаник» он стал звездой первой величины. Заняться ему не дают мама, отец, любимая бабушка и друзья, возвращающие его с заоблачных высот.

Ди Каприо — один из самых завидных женихов Голливуда. У него было много романов с актрисами и моделями, но он предпочитает не расставаться с холостяцкой жизнью, потому что любит свободу и свои экстремальные увлечения.

Богемное детство

Мать Леонардо — Ирмелин, прилетела из Германии в Америку, чтобы поступить в университет, но, позна-

комившись с Джорджем Ди Каприо, художником комиксов, погрузилась в атмосферу жизни хиппи. Джордж — издатель комиксов и

Ирмелин с 5 лет водила сына по студиям, заметив его способности к ироническому копированию богемных друзей отца и сверстников. «Мы жили в очень бедном районе, — вспоминает Лео, — и мама тратила четыре часа, чтобы отвезти меня в хорошую школу и забрать после занятий домой». Красавчика с длинными волосами часто принимали за девочку. За плохое поведение учителя выгоняли его из класса, пока не поняли, что ему только это и надо.

Леонардо стал получать приличные деньги, снявшись в 1988 году в

блестящий рисовальщик — повез беременную Ирмелин на родину предков и в галерею Уффици перед полотном Леонардо да Винчи они решили назвать еще не родившегося сына Леонардо.

Бабушке Лео, русской по происхождению, Елене ин ден Бюркен, было 60 лет, когда он появился на свет. Это произошло 11 ноября 1974 года в Лос-Анджелесе.

Ди Каприо много путешествовали, но через год после рождения Лео его родители расстались. Мальчик оказался предоставлен самому себе. Его часто называли Лапшой — за длинные светлые волосы. «В школе я был самым маленьким в классе, — вспоминает Лео, — и меня сильно избивали».

рекламных роликах и телесериалах «Санта-Барбара» и «Новая Лесси». Школа отошла для него на второй план, из-за съемок и курсов актерского мастерства. На заработанные деньги Лео с мамой переселились из Сайринд Элли в дом в Бель Эйре. Он увлекался брейкдансом и

приемами каратэ. Однажды, чтобы отомстить учителю, наказавшему его, Лео поджег школу, но, к счастью, дело замяли.

В 14 лет Ди Каприо подписал первый контракт на съемки в коммерческом фильме «Как общаться с родителями-наркоманами». Под-ростковый сериал «Растущая боль», в котором Леонардо сыграл главную роль, шел в течение двух лет. Дебютом в кино для него стало исполнение главной роли в третьей серии фильма ужасов «Зубастики».

Первые роли и первые успехи

Ди Каприо стал подыскивать себе агента. Один из них заявил, что ему надо подстричься и изменить имя и фамилию на Ленни Вильямс. Лео не пошел на это. В 1992 году он выиграл среди 400 конкурентов отбор на роль Тобиаса Вольфа в фильме «Жизнь этого парня». Роберт Де

Ниро случайно включил телевизор, когда на экране появился Ди Каприо в одной из серий фильма «Родители в джинсах», и тут же пригласил его на роль несчастного подростка. Так Леонардо сразу стал партнером своего кумира, игравшего роль злого и жестокого отчима. 33-летняя Эллен Баркин, исполнявшая роль матери подростка, с негодованием отвергла ухаживания юнца. В это время Лео приставал к дамам любого возраста.

В 1994 году Шарон Стоун продюсировала картину «Быстрый и мертвый». Де Ниро порекомендовал ей Леонардо. 36-летняя звезда легко нашла общий язык с 20-летним парнем. В 1995 году Ди Каприо предпочел вместо Бэтмена сыграть роль французского поэта-бунтаря Артюра Рембо в фильме «Полное затмение».

На гонорар от фильма «Дневник баскетболиста» Леонардо купил

риться, и они даже подружились. С режиссером Кэмероном Лео чуть не подрался. Того раздражало, что актер переделывал сценарий, чтобы подогнать его под себя. «Титаник» побил все рекорды по сборам. Кэмерон получил три статуэтки «Оскара», а Ди Каприо стал звездой первой величины.

В марте 1998 года состоялась премьера фильма «Человек в же-

отцу роскошную машину и сводил маму и бабушку в самый дорогой ресторан. Он отказывался сниматься в коммерческом кино, и каждый фильм с его участием становился событием.

Романтический период творчества

Благодаря подростковой внешности Ди Каприо смог длительное время играть романтические роли. «Вылитый Ромео», — воскликнул режиссер Баз Лурман, увидев 22-летнего Лео. Он стал идеальным Ромео в фильме Лурмана «Ромео и Джульетта» — чувственным, слегка циничным и удивительно трогательным. На Берлинском кинофестивале Леонардо Ди Каприо получил приз за лучшее исполнение главной мужской роли.

В фильме «Комната Марвина» 23-летний Лео сыграл роль 17-летнего сына и племянника героини Мэрил Стрип и Дайаны Китон.

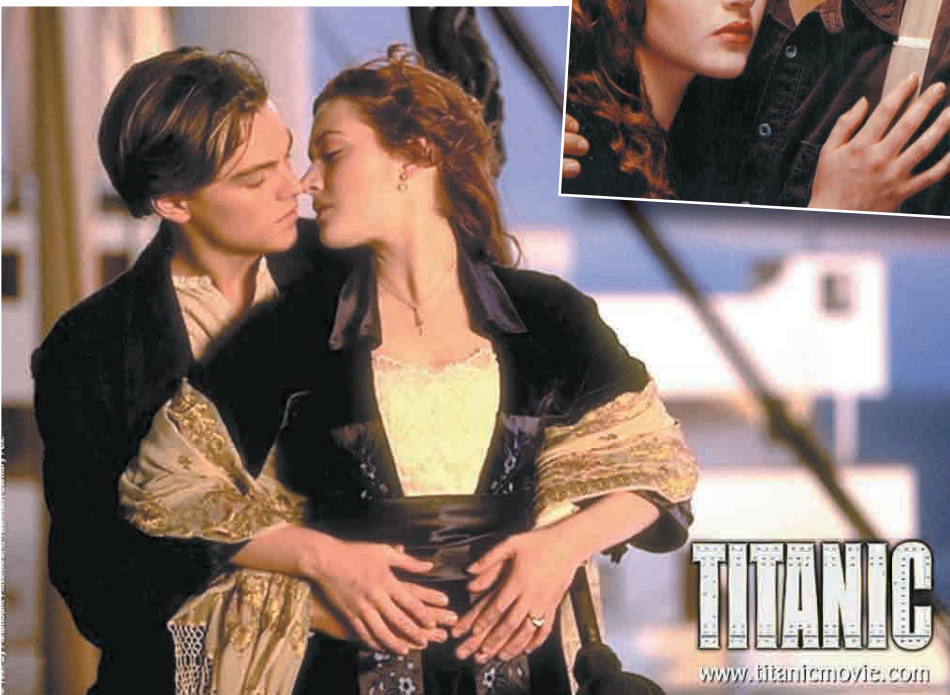
Семь месяцев продолжались съемки фильма Джеймса Кэмерона «Титаник». Ди Каприо умудрился сразу же поссориться со своей партнершей Кейт Уинслет. Несколько месяцев они не разговаривали друг с другом, но Кейт предложила поми-

лезной маске», поставленного по роману Александра Дюма. Ди Каприо сыграл в этой картине сразу две роли — Людовика и таинственного Узника. Его партнерами были Жерар Депардьё, Джереми Айронс и Джон Малкович.

В картине Вуди Аллена «Знаменитость» Леонардо исполнил роль зазнавшегося рок-певца. После это-

го он отказывался от всех предложений, потому что ему не нравилась история вокруг его имени. После перерыва, который показался его поклонникам вечностью, Ди Каприо снялся в следующей романтической картине «Пляж». Съемки проходили на побережье Таиланда. Во время работы судно со съемочной группой накрыла 10-метровая волна. Лео прыгнул вслед за капитаном, ко-

TITANIC
www.titanicmovie.com

торый занимался с ним серфингом и знал, что актер обладает выдержкой и к тому же прекрасный пловец. Они дождались прибытия спасательного катера и спасли всех своих коллег по съемочной площадке.

Загулы

Получив за роль в фильме «Пляж» 20 млн. долларов, Ди Каприо ре-

шил раскрепоститься. Затянутый при свете софитов в смокинг и отказывающийся от предложений сыграть маньяка, наркомана или убийцу, в жизни он стал алкоголиком, заиклившимся на сексе. Купив за 3 млн. долларов дом в Лос-Анджелесе, актер еще 2 миллиона вложил в его реставрацию. Пока шел ремонт, он жил в шикарных голли-

вудских отелях. Личный номер Лео был закреплен в отеле «Шато Мармон». Хозяева отелей зачастую выгоняли Лео с друзьями из-за их безобразного поведения. Днем ночного «героя» часто видели загоравшим в обнаженном виде на балконе своего люкса.

2000-й год Ди Каприо встретил грандиознейшей вечеринкой. Она обошлась ему в 300 тысяч долларов. Аренда дома стоила 12,5 тысяч. На вечеринке появились Уайнона Райдер, Дрю Бэрримор, Милла Йовович, «спасательница Малибу» Николь Эггерт. Вход осуществлялся по приглашениям с жесточайшим фейс-контролем. В зер-

кальном зале музыкой занимались шесть ди-джеев. Леонардо ходил среди гостей в розовом атласном смокинге с видеокамерой и коктейлем в руках.

В ночных клубах он появлялся с большим количеством секьюрити. Пьяный Ди Каприо лез в драку, но охрана следила за происходящим. Обычно он брал с собой близкую подругу Кармен Электру или Дрю Бэрримор.

Для себя и друзей Ди Каприо снимал обычно целый этаж в гостиницах «Стандарт» или «Мондриан». В соседнем номере всегда находился сердечный друг Тоби Макгуайер. Девушки из стрип-шоу легко проходили мимо охраны прямо в объятия соблазнителя.

Спасение — в работе

Распутная жизнь и обильные возлияния отразились и на внешности Лео: появился уродливый пивной живот, раздулись щеки, а под глазами нависли темные мешки.

Спасло приглашение Мартина Скорсезе сыграть в фильме «Банды Нью-Йорка». «Целый год я тренировался, — вспоминает актер, — качал мускулы». Пока готовились декорации, известный тренер Доминик Вандерберг учил Лео борьбе на ножах и французской уличной борьбе «сават». В одной сцене он так распалил-

ся, что сломал Дэниэлю Дэй-Льюису нос, затем, ударив правой рукой по стене, вывихнул себе палец.

Герой Ди Каприо — Амстердам разрывается между жадной мести за отца и преклонением перед человеком, который его убил. Со сценаристом Хосейном Амини он перекладывал сценарий и научился говорить с ирландским акцентом.

Самый долгий роман

Обычно у Ди Каприо случались короткие романы. Больше 4 лет он встречался с бразильской супермоделью Жизель Бундхен, что стало для него рекордом. Лео то обещал на ней жениться, то говорил, что навсегда останется холостяком. Такие заявления он делал любознательным газетчикам. Отсюда и появились статьи о грядущей свадьбе, а также объявления списка гостей и места проведения церемонии. Жизель все это страшно раздражало, потому что нет ничего привлекательного в статусе вечной невесты капризного звездного мальчика.

Ди Каприо много времени проводил на съемках, а Бундхен — на показах мод в разных странах. В одном из интервью Лео заявил, что не женится, пока не проживет с невестой 10—20 лет. К тому же он постоянно изменял Жизель.

Большим скандалом стали откровения танцовщицы британского клуба Дженни. Оскорбленная Бундхен в 2001 году покинула дом Ди Каприо.

Они то ссорились, то мирились. Жизель тоже была не ангел. Лео обручился с ней, подарил платиновое кольцо, а она в 2002 году на одном из показов мод в Милане познакомилась с нападающим футбольной команды «Интер» Франческо Коко.

Глянцевые таблоиды писали о том, что красавица и футболист спрятались на несколько дней на одном из испанских островов. Это стало нестерпимой обидой для Леонардо, названного журналом «People» одним из самых красивых мужчин планеты.

Бремя славы

«После «Титаника», — вспоминает Ди Каприо, — за мной постоянно охотились папарацци, — и я понял, что мне нужно скрывать частную жизнь, чтобы зрители воспринимали меня, как моих персонажей». Потом появились сталкерацци, которые гоняются за звездами на машинах и мотоциклах, что часто приводит к авариям. Хотя в 1999 году в Калифорнии был принят закон, запрещающий журналистам снимать на частных территориях, они идут на всевозможные ухищрения.

В июне 2005 года вечеринка у продюсера Рика Соломона чуть не

закончилась гибелью актера. Когда он шел к своей машине, на него набросилась женщина с осколком пивной бутылки в руке и нанесла Лео удар в шею. Преступница скрылась, а актера доставили в госпиталь, где наложили 12 швов. Если бы удар пришелся на пару сантиметров выше, где находится сонная артерия, смерть была бы неминуемой.

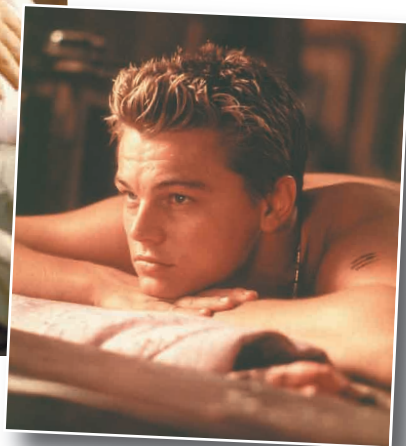
Нрав и привычки

В свободное время Ди Каприо любит прыгать с парашютом, плавать на плоту по рекам с быстрым тече-

вает в дешевых голливудских забегаловках — «Гамбургер Гамлет» и «Сильвер Спун». Там стоят обычные пластиковые столики, еду подают в дешевой посуде, зато готовят отличный кофе, выпить который заходят, кроме Лео, Джек Николсон, Деннис Хоппер, Квентин Тарантино и другие звезды.

Любит Ди Каприо и просто поболтать со своими друзьями и подучиться. Обожает зайти с друзьями к своим двоюродным братьям

нием, прыгать с обрыва, обвязавшись упругой веревкой, и заниматься серфингом.

Его любимая книга — «Старик и море» Хемингуэя, а любимый фильм — трилогия «Крестный отец» Фрэнсиса Форда Копполы.

Леонардо — поклонник рэпа. Его любимая группа — «Пинк Флойд». Нравится творчество «Битлз» и «Лед Зеппелин». В Лос-Анджелесе одежду и обувь Ди Каприо покупает в бутиках «Фред Сигал», а в Нью-Йорке — в «Моссимо» и «Барнейс». Среди дня он частенько перекусы-

и сестре, живущим в пригороде Лос-Анджелеса, в зеленых тренировочных штанах и у зажженного камина беседовать с ребятами, воспринимающими его не как звезду, а как своего парня.

Такова жизнь одного из самых знаменитых женихов Голливуда. Он — холостяк, потому что, когда ему приходится выбирать, он всегда выбирает экстремальные приключения, а не любовь... □

ЗАГАДКА

Анатолий Пимонов

ДРУГОЙ

П Р И Р О Д Ы

...Июнь 2005 года, воскресенье. Мы с женой, чтобы не бродить по шумным городским улицам, решили прогуляться за город. День был душный, почти без солнца, поэтому, оказавшись в лесу, мы почувствовали огромное облегчение. Путь лежал мимо заброшенных прудов фильтрации в окрестностях одного из поселков Подмосковья, и из любопытства мы сделали крюк, чтобы полюбоваться необычным видом.

Прудов там несколько, некоторые еще используются, большинство пересохло, дно покрыто толстой потрескавшейся коркой сухого ила. В таких местах вполне можно снимать фантастические фильмы. У нас был с собой простенький цифровой фотоаппарат, и я решил запечатлеть пейзаж для семейного альбома. Несколько снимков получились самыми обычными, и вдруг в очередном кадре я увидел на эк-

ране видеоискателя белое пятно. Первой мыслью у меня было, что это «глюк» самого аппарата (ведь перед объективом никаких белых предметов не находилось), вызванный случайным срабатыванием вспышки.

ренние органы. Мы оба почти месяц чувствовали себя скверно, мучились сильными головными болями, слабостью, депрессией.

На фотографии, которую мы как следует рассмотрели только дома,

Стирать фотографию я не стал — все-таки интересно.

Миновав заброшенные пруды, мы вышли на тропинку, ведущую к поселку, и тут я почувствовал дискомфорт. Не могу объяснить, с чем он был связан. Больше всего похоже на ощущение, что за нами кто-то наблюдает, хотя паранойей я не страдаю. На всякий случай я попросил жену снять белую бандану, чтобы не выделяться на фоне зелени. Она тоже чувствовала себя крайне неудобно, боялась, и самым быстрым шагом мы поспешили покинуть эти странные места.

Совпадение или нет, не знаю, но через три дня наш молодой и совершенно здоровый кот Тимофей умер от цирроза печени, который развился у него буквально за одни сутки! Зверь фактически «сгорел» изнутри, были разрушены все внут-

точно выделялось белое священное пятно, напоминающее своей формой дельфина, — в науке подобные явления называются плазмоидами.

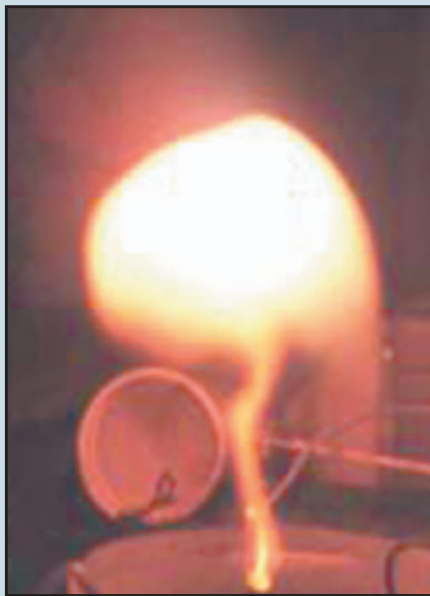
И в СМИ, и по телевидению, и в интернете часто можно встретить рассказы очевидцев о встрече с не известными науке существами. Это и «снежный человек», и Лох-несское чудовище, и какая-то огромная

птица, живущая на юге Австралии, и вервольф, которого якобы видели в Румынии, и русалки, и многое другое. Существование их официально не доказано, но вполне очевидно, что сотни незнакомых лю-

По словам исследователя Л. Бокко-не, они часто имеют форму амеб, капель, дельфинов (именно такую форму и имело сфотографированное нами «существо»!), «грифонов», могут двигаться со скоростью до

дей, многие из которых живут в глуши и не читают газет, не могли сговориться и всех обмануть.

Однако есть на Земле и другие создания, о которых мало говорят и пишут уже хотя бы потому, что даже их принадлежность именно к живой природе не очевидна. Я бы назвал это «другой» природой, которая, возможно, не менее живая, чем наша.

Что же такое плазмод, что это за страшный зверь, встреченный нами в мирном Подмоскowie?

Строго говоря, плазмод — это плазменная система, структурированная собственным магнитным полем. Его «родственники» — это обычный огонь, молния, северное сияние.

1500 километров в час на различных высотах, зависают над большими пожарами, крупными промышленными объектами, «гоняются» за поездами и самолетами. Больше всего им по вкусу места с радиоактивными или магнитными аномалиями. Кстати, плазмодное происхождение могут иметь и некоторые малоизученные феномены на Земле. Например, есть теории, что огромным плазмодом был тунгусский метеорит. Многие из наблюдаемых НЛО тоже вполне могут иметь подобную природу, а шаровая молния — это, по сути, вообще классический плазмод.

Казалось бы, какое это имеет отношение к живой природе? Одна-

ко перечисленными гипотезами дело не ограничивается. Достоверно известно, что все люди и животные на планете имеют собственные энергетические «коконы», которые уже научились фиксировать приборами. Эти «коконы» еще называют «аурой», и специалисты восточной медицины придают огромное значение целостности ауры пациента. Нарушена аура — человек заболевает и даже погибает. Собственно, это такой же плазмод, поскольку его электронная структура полностью идентична структуре образований, наблюдаемых в атмосфере, стратосфере и даже, по неподтвержденным данным, в солнечной «короне». Различается только частота, размер и «поведение».

Жизнь и разум не могли возникнуть самостоятельно из холодных молекулярных океанов на планетах, они изначально присущи Космосу. Космос насыщен различными формами жизни, порой так сильно отличающимися от привычных нам белково-нуклеиновых систем и несопоставимыми с ними по своей сложности и степени разумности. Именно разрезанная и горячая материя направляет эволюцию материи более плотной и холодной. Таков, по-видимому, фундаментальный закон Природы. Космическая разумная Жизнь творит по своему образу и подобию все локальные формы жизни и управляет их эволюцией.

Конечно, плазмод, по нашим биологическим понятиям, существо неживое. И, тем не менее, приходится признать, что это тоже форма жизни, только иная, неорганическая. Да и кто знает, может быть, после смерти наша сущность вовсе не испаряется бесследно, а просто «аура» покидает вместе со всей информацией мертвую оболочку и начинает существовать автономно?

Такая гипотеза тоже есть, хотя она нуждается в серьезных научных исследованиях.

А пока о плазмоидах собрано много интересной, но несколько хаотичной информации.

Например, известно, что живет плазмод достаточно долго за счет полученного им запаса энергии. Иногда его можно увидеть невооруженным глазом, хотя обычно для этого требуются приборы (радар, фотоаппарат). В хорошо известной ученым-уфологам Новохоперской аномальной зоне, кроме НЛО, обитает гигантское количество плазмодов. В районе Курской магнитной аномалии даже в видимом спектре можно порой наблюдать светящиеся «пузыри», реющие над лесом. Волгодда и Петрозаводск славятся тем, что первые любители цифровой фотосъемки возвращались из местных лесов без единого хорошего кадра — все было «заяпано» белыми пятнами.

Вообще, любой участок земной поверхности с неустойчивым магнитным полем привлекает их, как варенье мух, они «питаются», подзаряжаются там, а подзарядившись, порой начинают «шалить», то есть вести себя, как живые существа. Например, играют в «догонялки» друг с другом, подолгу следуют за одиноко идущим человеком, целыми стаями проникают в помещения и могут вывести из строя всю электронику.

То, что плазмоды влияют на людей и животных, известно довольно давно. Ведь наши «коконы» родственны им, а значит, они вполне могут с ними взаимодействовать. Другой вопрос — каким образом и как это отражается на нашем состоянии. Многие слышали выражение «энергетический пробой». Так вот, черная магия тут совершенно ни при чем! Энергетический — это именно энер-

гетический, то есть более сильный плазмодный «кокон» одного человека повреждает более слабый «кокон» другого. Почему это вызывает болезни и иногда даже гибель объекта, пока точно не известно, но

невидимый, но фотоаппарат — это ведь не человеческий глаз, поэтому «незнакомца» удалось зафиксировать, чему, как я думаю, помогла случайно сработавшая вспышка. Он находился довольно близко, бук-

можно предположить, что питаемся мы не только биологическими продуктами, но и энергией, которую поставляет нам наш «кокон». Энергии мало — нам нездоровится, мы «голодны» и не можем «поесть». Энергии нет — физическая оболочка гибнет.

Если продолжить эту мысль, получается, что пробить «кокон» человека может любой плазмод, не обязательно принадлежащий другому человеку. Если это так, становится понятно, что произошло с нами в тот июньский день на заброшенных прудах фильтрации.

В зависимости от частоты излучения плазмод может быть видимым или невидимым. Нам повстречался

важно перед нами, и забрал часть энергии из наших «коконов». Почему? Да просто потому, что ему тоже надо «кушать», а понятия гуманизма этой форме жизни абсолютно чужды. Нам еще повезло, что плазмод был небольшой! И все равно, мы так или иначе пострадали от контакта с ним и вернулись домой с тем самым «энергетическим пробоем» в оболочках.

Смерть kota в этой связи тоже становится понятной. Животные, если они сильно привязаны к хозяевам, часто «залечивают» их энергетические «раны». Поэтому кот, не задумываясь, отдал нам столько энергии, сколько смог, чтобы нас «подштопать». Результат — его «ко-

кон» оказался разрушен, вслед за этим начало стремительно разрушаться физическое тело, и бедняга погиб. По словам ветеринарного врача, такой скоротечный цирроз печени встречается крайне редко, в единичных случаях.

Вообще «пакостят» плазмоиды часто. Появившись в нашей квартире, этот не видимый глазом объект способен перемещать некоторые предметы в пространстве. Вот вам и полтергейст! Он может вызывать самовозгорания вещей, свечение, непонятные звуки, беспричинный страх, панические атаки.

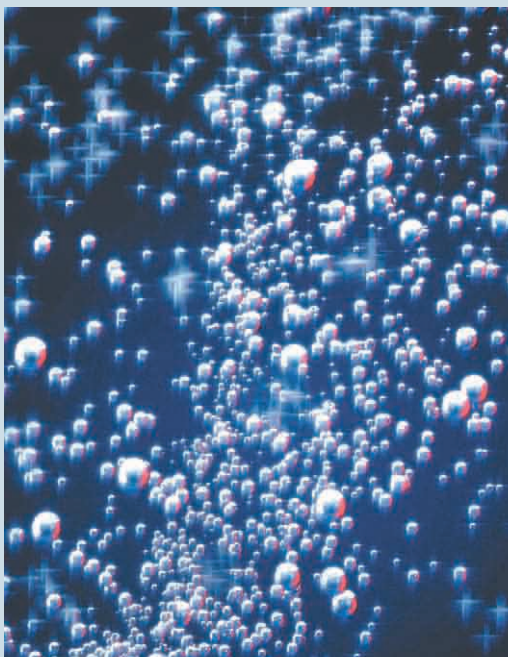
По словам московского диггер-любителя Ю. Нестеренко, очень много небольших плазмоидов «кучкуется» в тоннелях и на станциях метрополитена. Что привлекает их в метро, неизвестно. То ли магнитные поля, то ли большое скопление людей, от «коконов» которых можно подпитаться. На снимках, которые Юрий, увы, не отдал для публикации, хорошо видны целые гроздья белых «пузырей», зависшие над головами стоящих на платформе пассажиров, белые «облачка» в темноте тоннеля, крупный «дельфин», следующий за поездом.

Конечно, всерьез нарушить работу метро эти плазмоиды не могут, да и не пытаются. Наверное, пищи им и так достаточно. Но многие люди, которые боятся ездить в подземке и никак не могут объяснить свой страх, отмечают, что чувствуют в метро крайний психологический дискомфорт, симптомы вегето-сосудистой дистонии (одышка, сердцебиение, головокружение, приливы жара), сужение сознания, безотчетное желание подняться на поверхность, панику. Это случается даже в пустом вагоне, где нет толпы и давки. Значит, есть все-таки у человека некий орган чувств, сигнализирующий об опасности энергетического нападе-

ния! Просто у одних он развит сильнее, у других — слабее.

Плазмоиды могут быть опасны не только для людей и аппаратуры. В зависимости от размера (а они порой достигают полукилометра в диаметре!) эти сущности провоцируют аварии, лесные пожары, землетрясения, мощную приливную волну. Конечно, такие крупные экземпляры встречаются только в местах сильных магнитных аномалий и тектонических разломов земной коры, как, например, в Новохоперском районе Воронежской области. Москва, к счастью, стоит на прочной базальтовой платформе, поэтому больших (более 1 метра) плазмоидов здесь не бывает.

Известно, что эти энергетические «сгустки» очень привязаны к водоемам, желательно, непроточным. Они любят болота, всяческие пруды, отстойники, водохранилища. Связано это с тем, что спокойная поверхность воды имеет свойство накапливать статические заряды, которые можно легко «снять». Им нравятся

линии электропередач, трансформаторные подстанции, большие неоновые рекламные вывески, в общем, источники энергии. Есть сведения, что во время крупных футбольных матчей над большими стадионами собираются на «кормежку» несколько сотен плазмоидов.

Опасны ли они? Несомненно. Обладают ли они сознанием? Возможно. Живые ли они? Скорее всего, да, так как для обычных природных явлений они слишком «самостоятельные».

Нельзя не упомянуть и о такой разновидности плазмоидов, как «младенчики». По словам москвички, бывшей медсестры И.М. Благушевой (фамилия, по ее просьбе, изменена), которая 45 лет проработала в одном из роддомов, эти существа постоянно появлялись на групповых снимках медперсонала, особенно на улице, на фоне корпусов. Несколько раз их видели невооруженным глазом в сумерках, когда солнце только что зашло, но световая корона в небе еще остается. Также было несколько случаев, когда на рентгеновских снимках женщин, в прошлом делавших аборт, проявлялись контуры «младенчиков». Внешне эти создания напоминают скрюченные силуэты находящихся в утробе эмбрионов с большой головой и поджатыми к животу ручками и ножками. По мнению Благушевой (кстати, совсем не религиозной женщины), это души мертворожденных или абортированных детей. Внесу свою поправку: это, скорее, не души, а уже сформированные, хотя и слабые их энергетические «коконы».

Что же делать, чтобы уберечься от воздействия плазмоида? Вот несколько простых советов:

- старайтесь не гулять в промзонах, в районе ЛЭП, электростанций, прудов фильтрации, болот;

- не носите одежду, накапливающую статическое электричество, или пользуйтесь антистатиком;

- при первых же симптомах «неуют» или паники немедленно покиньте место, где вы это почувствовали;

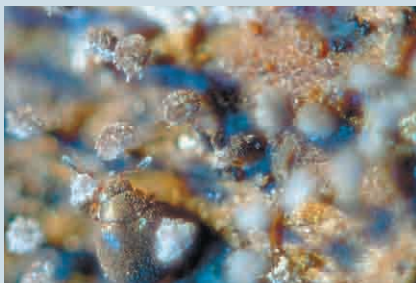
- если вы ощутили дискомфорт, будучи за рулем, сразу остановитесь, выйдите из машины, пройдитесь, подышите, заглушите двигатель и дайте ему немного остыть, только потом уезжайте;

- уходя из дома, не оставляйте включенных в сеть приборов и открытых форточек;

- если у вас установлен пластиковый стеклопакет, периодически протирайте стекла и рамы (а лучше и все пластиковые поверхности в квартире) жидкостью с антистатиком;

- и наконец, если после прогулки в указанных выше местах или после поездки в метро вы чувствуете себя не в своей тарелке, нервничаете, вам тоскливо или страшно, сразу же бросьте в стирку всю одежду, в которой были, вымойте обувь, сумку, примите душ (с обязательным мытьем головы), и не берите до этих манипуляций на руки и не гладьте домашних животных!

Природа плазмоидов еще не изучена до конца. Возможно, они могут приносить нам и пользу. Но, поскольку насчет пользы науке пока ничего не известно, можно хотя бы уберечься от вреда. Ведь — хочется повториться — гуманизм не свойственен этой форме жизни. Поэтому будьте осторожны. Предупрежденный — вооружен. □

СНЫ

добровольных убийц

Екатерина Макарова

«Опусти секиру, мама, не руби,
Мое крохотное тело не губи!
Я — дыхание, я — пушинка, я — роса,
Я — твоя грустинка, мама, я слеза.
Сяду твою поглажу в час ночной,
Принесу в подарок розы без шипов,
На твои страдания, мама, отзовусь...
Я Данилкой, я Наташенькой зовусь»

На стене, прямо напротив входа в хирургическое отделение родильного дома, висит яркий плакат, а на нем — вот эти стихи.

Молодая женщина задумчиво читает стихотворение, оборачивается, замечает меня и доверительно говорит:

— Раньше тут другой перл висел: «В этом году мы убили восемь

миллионов детей». Ты на аборт? Чего трясешься?

Усилим воли я заставляю зубы не стучать друг об друга и изо всех сил улыбаюсь.

— Я — в четвертый раз. — Она слегка пихает ногой стоящий у стены туго набитый полиэтиленовый пакет. — Ты, случайно, детективов не принесла? Жаль... — Она чуть повышает голос: — Не трясись! Подумаешь. Это же не зубы рвать, здесь все под общим наркозом.

Появляется упитанная дама в белом халате:

— Совершеннолетняя? — уставившись, спрашивает она. — Паспорт есть?

— Да. — Я киваю, стараясь проглотить комок в горле. — Я даже замужем...

— Это неважно. Пошли со мной, обе, на осмотр.

Нас ведут по темноватому коридору мимо стульев, каталок, каких-то оцинкованных баков с грязным бельем. Мелькают одинаковые двери. Запах характерный, больничный, с сильной примесью медикаментов. Поворот, еще поворот, лестница, и мы оказываемся в ярко освещенном вестибюле, где ждут

своей участи еще две пациентки: худенькая брюнетка лет тридцати пяти и совсем сопливая девчонка в невероятно модных шмотках.

— Меня зовут Оксана, — говорит девушка, с которой мы познакомились на входе в отделение.

Брюнетка нервно улыбается и тоненьким голоском сообщает:

— Наташа...

Я выдыхаю накопившийся в легких воздух и неожиданно для себя вдруг выдаю псевдоним:

— Марина.

— Юля! — звонко, как пионерка, представляется сопливая девчонка.

Оксана, на правах ветерана, ухмыляется:

— Ну, все трясутся! Чего там страшного? Я была три раза. Фигня!

По разговору я понимаю, что мы — все четверо — проворонили сроки и явились на хирургический аборт...

СПРАВКА

Аборт — искусственное прерывание беременности, он бывает нескольких видов.

1. Безоперационный (медикаментозный) аборт — прерывание беременности без операции, с помощью французского препарата. Его эффективность составляет около 96 процентов. Проводится после тщательного обследования врачом-гинекологом и под его полным контролем. Пациентку осматривают на кресле, берут мазок и делают УЗИ, чтобы точно установить срок беременности. Далее женщина принимает таблетку и остается в клинике под наблюдением врача в течение двух часов. Через несколько дней начинается кровотечение, немного обильнее месячных. Через две не-

дели проводится контрольное обследование и УЗИ.

2. Вакуум-аспирация, или мини-аборт — прерывание беременности в срок до четырех недель с помощью специального вакуумного отсоса. Операция выполняется в условиях дневного стационара, под общим внутривенным наркозом и занимает 3—4 часа, включая послеоперационный отдых.

Делать мини-аборт необходимо у хорошего специалиста с обязательным УЗИ до процедуры (для определения точного срока беременности и месторасположения плодного яйца) и по окончании процедуры (для контроля удаления эмбриона).

Осложнения.

Самым частым осложнением после мини-аборта является так называемый неполный аборт. В этом случае часть или всё плодное яйцо остаётся в матке или беременность не прерывается. В течение 1—2 недель после операции необходимо обязательно проконсультироваться у врача акушера-гинеколога.

3. Медицинский (инструментальный) аборт — хирургическая операция удаления плода (выскабливание полости матки). Возможен при беременности сроком до 12 недель. Он осуществляется врачом, в стационаре, под общим внутривенным наркозом. Несколько часов после аборта женщина находится под наблюдением врача. При благоприятном раскладе пациентка в тот же день выписывается домой. Для того, чтобы сделать аборт в стационаре, необходимо направление врача акушера-гинеколога, анализы ВИЧ, RW, мазок, а также сведения о группе крови, резус-факторе.

Осложнения.

Эндометрит — воспаление полости матки, проявляется болями

внизу живота, повышенной температурой, специфическими выделениями. Отсутствие лечения может привести к бесплодию и даже смерти больной. Для профилактики инфекционных осложнений непосредственно после аборта необходим курс антибактериальной, противовоспалительной терапии и обязательно, с первого дня — физиотерапии.

Другими редкими, но возможными осложнениями операции являются перфорация стенки матки, разрыв шейки матки.

4. Прерывание беременности на поздних сроках осуществляют при серьёзных социальных или медицинских показаниях. На сроках около 20 недель производят так называемую «заливку» — введение гипертонического раствора хлорида натрия. Это приводит к гибели плода и прерыванию беременности, искусственным родам. Для раскрытия шейки матки также применяют ламинарии и простагландины. Искусственные роды сопровождаются теми же ощущениями, что и обычные, исключая только размеры плода. «Заливка» возможна только до 22 недель беременности.

При наличии противопоказаний к «заливке» и искусственным родам и медицинских показаний к преры-

ванию беременности делают «малое» кесарево сечение (малое — только из-за срока).

Медицинский аборт (хирургический или медикаментозный) — одна из неприятнейших операций в жизни женщины и врача. Но, тем не менее, к ней прибегает достаточное количество женского населения России. Медицинский аборт наносит не только моральный и материальный урон семье, самое главное, он наносит огромный вред здоровью женщины, иногда непоправимый.

Однако вернемся к нашим баранам, то есть — к нам. Дама в белом халате царственным жестом манит нас за собой. Путь наш лежит в пустую палату на четыре койки, там нас и оставляют, велев переодеться в ночнушку и халат.

Всем, кроме Оксаны, страшно до чертиков. Сама Оксана всячески демонстрирует, что она тут своя, деловито раскладывает вещи на тумбочке, достает из пакета пару книжек в мягких обложках, плеер, красивый шелковый халат. Переодеваемся, сопя от напряжения. Заодно болтаем, стараясь казаться беспечными.

— А у меня — двое, — рассказывает Наташа. — Зачем еще один? Уже есть мальчик и девочка. Совсем большие, мальчик на 3 курсе...

— О, я тоже на 3 курсе! — восклицает Юлия.

Честно говоря, выглядит она лет на 13, так что, возможно, привирает. Впрочем, любая женщина без косметики кажется моложе.

Мне самой особо сказать нечего. Все вышло случайно. Два дня плохого самочувствия, тест, две полоски на нем. Муж смотрит с напряженным ожиданием, прикидывая, кто из нас сейчас начнет уговаривать другого «подумать хорошенько». Осторожный вопрос: «Ну, и что ты собираешься делать?» Вздыхаю: «Аборт, конечно».

Психологи подчеркивают, что в семьях, где появляется незапланированная беременность, встает один-единственный вопрос — где и как быстрее избавиться от нее. В данной ситуации супругов не волнуют ни материальные затраты, ни здоровье одного из них.

По статистике, количество абортов в так называемых гражданских браках на 38 процентов выше, чем в браках зарегистрированных. Конкретно по Москве эта цифра выше еще на 11 процентов.

Заглядывает наша тетенька в лбом: «Кто первый?» Вскрикивает Оксана: «Я, я! Мне еще на работу вечером...» Тетка начинает возмущаться: «На какую работу? Сдурела?!», и обе выходят, бросив нас без моральной

поддержки. Наташа укладывается читать, Юлия втыкает в уши плеер, я смотрю в окно — там идет снег.

По данным ВОЗ, ежегодно в мире делается 53 000 000 абортов, а за последние 30 лет их проведено более миллиарда. В некоторых странах (например, в США, России или в Дании) аборты сделали 2/3 женщин. Первой страной, которая ещё в 1920 году легализовала аборты, был Советский Союз. Демократические государства начали вводить этот закон намного позже: США — в 1973, Германия — в 1975, Италия — в 1981. До сих пор аборты без медицинских показаний запрещены в Ирландии, на Мальте, в Португалии и Польше.

Оксану привозят через 20 минут на каталке и спокойно сгружают ее на койку. Она спит, причмокивая во сне. Измученная нервным напряжением, я кидаюсь к тетеньке: «Можно мне?...» Та кивает: «Пошли».

Длинный коридор, по которому и меня вскоре привезут на каталке. Иду на подгибающихся ногах, стараясь не думать о том, что ждет меня за дверью с табличкой «Операционная». Точнее, кто...

Три человека. Молодой доктор, сестра и парень-анестезиолог. Они стоят кружком вокруг зловещего гинекологического кресла. Горит яркий свет, поблескивают инструменты, больше похожие на орудия

пыток. Я немедленно скисаю, и единственным моим желанием становится поскорее смыться. Ноги перестают двигаться. Стою и перевожу жалобный взгляд с одного лица на другое.

— Заходь! — весело говорит доктор. — Что, страшно? Смотри, будешь бояться, кошмар приснится.

Тоненькая игла почти неощутимо входит в вену, от нее разливается тупое тепло, по ногам бегут мурашки. Жгут со щелчком спадает.

В этот момент мне становится страшно, что я не проснусь, что сердце остановится прямо здесь, в кресле, что я пришла сюда убить живое существо, поселившееся полтора месяца назад в моем теле, и это существо позже отомстит мне, что...

Открываю глаза уже в палате и долго не могу понять, как сюда попала. Но... Все на месте, вон, Оксана читает детектив у светлого еще окна, Наташа возится и трет глаза, молоденькая Юлия сладко спит, укутавшись по макушку одеялом. У меня на животе — пластиковая бутылка со льдом, на сгибе правого локтя след укола, но состояние вполне нормальное, хоть сейчас вставай и иди домой.

— Оксан! А который час?

Я слушаю ее вполуха и стараюсь как-то уложить в голове, что уже всё, скоро за мной приедет муж, мы вернемся домой, и нас снова будет двое, а не трое, как было еще этим утром. Чья-то жизнь оборвалась, не начавшись, просто потому, что была нам не нужна...

Все та же неумолимая статистика свидетельствует, что более 80 процентов аборт в России вызваны социальными причинами: нехваткой денег, жилья, нестабильностью работы, неуверенностью в завтрашнем дне. Совершенно здоровые женщины идут на операцию лишь потому, что не верят в возможность выра-

тить полноценного ребенка. Лишь в одном проценте случаев нежелание иметь детей продиктовано чистым эгоизмом родителей.

Получая в 1979 году Нобелевскую премию мира, Мать Тереза произнесла знаменательные слова на тему аборт: «Аборт является самой большой угрозой для мира на Земле. Нерожденный ребенок заключает в себе жизнь Бога. Мы не имеем никакого права уничтожить ее, какие бы средства при этом ни использовались. (...) Если мы способны уничтожить жизнь, которую дает нам Бог, если мать способна стать палачом своих детей, есть ли смысл говорить о других убийствах и войнах в мире? Сегодня люди не любят друг друга, и именно здесь — исток угрозы для мира. Аборт — это зачаток зла на Земле...

Я всегда прошу врачей не убивать нерожденных детей. Если они никому не нужны, я их приму. В глазах каждого ребенка я вижу присутствие Бога. Если матери и дальше будут продолжать убивать своих детей, мы не сможем предотвратить войн». □

У ПРИРОДЫ

НЕТ

ПЛОХОЙ ПОГОДЫ?

Наводнения, ураганы, цунами, лютые морозы, зной и прочие природные напасти сыплются на нас в последнее время, как из рога изобилия. Одни пожимают плечами,

другие ругают метеорологов и подсчитывают убытки, а третьи готовятся к концу света. Что же происходит в Небесной Канцелярии?

Кто виноват?

Мнения ученых разделились. Еще вчера казалось, что всему виной углекислый газ (CO_2). Якобы большое его количество в атмосфере способствует возникновению «парникового эффекта». Это только для огурцов с помидорами хорошо — для планеты же чревато повышением температуры на поверхности и, как следствие, изменением климата в глобальном масштабе.

Виновных в увеличении углекислого газа в атмосфере нашли быстро. Ими оказались люди, которые своей бурной промышленной деятельностью поставили планету на грань выживания. В 1997 году в японском городе Киото был разработан даже особый документ, который вошел в историю под названием «Киотского протокола». Страны, поставившие свою подпись под ним, обещали сократить количество выбросов углекислого газа и других веществ, вызывающих «парниковый эффект» на планете.

Основные обязательства взяли на себя индустриальные страны. Евросоюз должен сократить количество выбросов на 8 процентов, Япония и Канада — на 6, Россия и Украина — сохранить среднегодовые выбросы на уровне 1990 года. Индия и Китай обязательств на себя не брали, а США и вовсе отказались подписывать Киотский протокол. Янки мотивировали это тем, что еще неизвестно, насколько углекислый газ «повинен» в создании «парникового эффекта». Да и вообще, кто сказал, что Земля сама по себе

не может взять — да и изменить собственный климат? Как было, скажем, тысячелетия назад — во времена Всемирного потопы, который находит свое вполне реальное подтверждение и считается уже научным фактом.

По мнению некоторых ученых, теория «парникового эффекта» нуждается в существенной корректировке. Не углекислый газ приводит к потеплению, а потепление приводит к образованию избыточного CO_2 . 95 процентов углекислоты растворено в мировом океане — достаточно «прогреть» его всего лишь на полградуса, и газ окажется в атмосфере. К тому же, следует учесть деятельность вулканов и лесные пожары, которые вносят свой вклад в образование углекислого газа. «Доля человека», считают сторонники этой теории, в подобных процессах минимальна — всего-то несколько процентов.

Тогда что же «нагрева-

ет» нашу планету и способствует выделению в атмосферу CO_2 ? По мнению ученых, в этих процессах замешаны «космические факторы» — изменение наклона земной оси, периода обращения нашей планеты и других планет, а также — солнечная активность. Теорию подтверждают и пробы льда, взятые в Антарктиде. Установлено, что 400 тысяч лет назад содержание углекислоты менялось очень сильно. Причем каждый раз именно потепление предшествовало изменению концентрации CO_2 в воздухе, а не наоборот, как предполагает современная теория «парникового эффекта».

«Ты боишься темноты?»

В 2004 году свет увидела новая книга популярного американского писателя Сидни Шелдона. Роман «Ты боишься темноты?» в мгновение ока стал бестселлером. В нем рассказывалось о так называемом «климатическом оружии», то есть о технологиях по управлению погодой в военных целях.

Самое интересное — Сидни Шелдон заявляет, что писал книгу, основываясь на реальных фактах. Значит ли это, что «климатическое оружие» все же существует?

Обрушившийся на США ураган с романтическим названием «Катрина» лишь подогрел интерес к теме «климатического оружия». В США есть те, кто всерьез считают: именно Рос-

сия повинна в стихийных бедствиях, терзающих Новый Свет.

С другой стороны, и в нашей стране ходят слухи о том, что аномальные холода зимой 2006 — американские козни. Якобы США уже научились управлять климатом.

Дыма без огня не бывает. А это значит, что даже если предположить — «климатического оружия» не существует, то разработки его, несомненно, ведутся. Слишком заманчива идея получения «абсолютного оружия», которое может гарантировать внезапность, безнаказанность и недоказуемость нападения. Изменения погоды над страной-конкурентом может привести к коллапсу экономики, упадку обороноспособности и даже к физическому вырождению населения! И при этом никто не сможет ничего доказать — ищи ветра в поле!

В США, по слухам, подобными «штучками» занимается HAARP — Высокочастотная Активная Программа Исследования Северного Сияния. В тундре Аляски, на территории в несколько гектаров установлены сотни антенн, высотой с 15-ти этажный дом. Построены лаборатории и специальные помещения для охраны. Официальная версия такова: HAARP занимается «мониторингом и накоплением данных о естественных изменениях, происходящих в ответ на ежедневную солнечную активность». Но некоторые ученые полагают, что использование этого объекта может воздействовать на ионосферу и магнитное поле Земли, а также — формировать определенные «климатические события».

Справедливости ради стоит отметить, что подобные исследования велись и в Советском Союзе. В 1981 году недалеко от Нижнего Новгорода в эксплуатацию ввели объект «Сура». В самом начале ее использования жители близлежащих посе-

лений наблюдали странные свечения и красные шары, то зависающие в одной точке, то проносящиеся на большой скорости мимо. Впрочем, с развалом СССР финансирование «Суры» прекратилось, хотя какие-то исследования ведутся на объекте и поныне.

Некоторые ученые полагают, что именно военное использование климатических ресурсов ведет человечество к глобальной катастрофе. По их мнению, мы похожи на детей, получивших совершенно случайно атомную бомбу и пытающихся разобрать ее на винтики. Планета не будет долго терпеть подобные «выходки» и очень скоро мы в этом убедимся — пророчат они.

День X

Теории теориями, но температура за последние 100 лет повысилась, в среднем, по всей планете на 0,6 градуса. И продолжает повышаться. Ученые внесли данные в компьютер, и беспристрастная машина выдала сценарий, по которому будут происходить изменения климата в ближайшие 100 лет.

Дальнейшее повышение температуры приведет к таянию ледников и уменьшению отражательной способности Земли. А это значит, что планета станет больше прогреваться Солнцем. Ледники уйдут в небытие, и уровень мирового океана поднимется. Такие города, как Лондон, Париж, Рим, Мадрид, Берлин окажутся на дне Атлантики. В Новом Свете их судьбу повторяют Вашингтон, Нью-Йорк, Филадельфия и Балтимор. Тихий океан поглотит Сан-Франциско, Лос-Анджелес, а разлившаяся Амазонка смочет Рио-де-Жанейро. Исчезнут Багамы, Мальдивы, Нидерланды и Израиль.

В России подобная участь ожидает Санкт-Петербург, Владивосток, Петропавловск-Камчатский и Магадан. Западная Сибирь превратится в море, а остальные земли будут сильно заболочены. Юг же России станет пустыней.

Понижение отражательной способности Земли таит в себе еще одну опасность — чрезмерное ультрафиолетовое излучение. Народы Севера, а вместе с ними и местные животные — вымрут первыми. Та-

кая же участь ожидает и большинство населения Земли. В конце концов, на планете начнется голод и в итоге — лишь 2 миллиарда человек смогут пережить катаклизм. Некоторые ученые считают, что катастрофу вообще никто не переживет. Кроме мутантов.

По другой из версий, единственным местом, пригодным для жизни млекопитающих, может стать Антарктида. Свободная ото льда, она будет колыбелью новой цивилизации. Поговаривают, что кое-кто уже забронировал себе в Антарктиде подходящие апартаменты. На всякий случай.

Что делать?

Говорят, австралийские аборигены до сих пор танцуют голыми по ночам, чтобы умиловить природу. Но даже если все человечество разом сбросит одежду и решит подобным образом «подкорректировать» климат на планете — успех вряд ли можно гарантировать. Так говорят ученые.

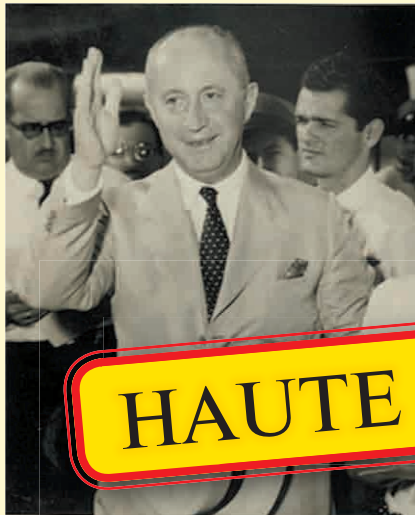
А еще они считают, что глобальное изменение климата — не за горами, и к нему следует основательно подготовиться. Прежде всего, стоит задуматься о восстановлении экосистем, нарушенных деятельнос-

тью человека. При должном развитии технологий сельского хозяйства из использования можно вывести до 40 процентов земель. Эти территории следует объявить заповедными и позволить «зарастить» лесом. Подобный подход, считают сторонники этой теории, через 40 лет приведет круговорот углерода в биосфере Земли в норму. Но такой метод будет действовать только в том случае, если всему виной — углекислый газ.

Если же потепление вызвано «космическим фактором» — движением тяжелых планет, наклоном оси Земли и солнечной активностью, — то в этом случае человечество бессильно. Единственный выход — копать бункеры, строить резервные электростанции, отбирать животных и... сушить сухари. Получается — своеобразный Ноев ковчег, но только в современном, «хай-тековском» исполнении.

Есть еще один выход — надежда на то, что человечество выйдет на тот уровень технологического развития, когда управление климатом на планетах станет реальностью.

Пока же — подобные вещи больше напоминают лихо закрученный голливудский сценарий. ▢

ЖИЗНЬ

HAUTE COUTURE

Непокорный ребенок

...Десять лет на Олимпе славы. Так мало для гения, который, по воле судьбы и родителей, мог стать дипломатом, художником-иллюстратором, военным и даже фермером. Но так уж получилось, что в 1905 году в городке Монтекатини на свет появился человек, и по сей день владеющий умами и сердцами женщин по всему миру... Кристиан Диор... Его имя до сих пор ассоциируется с элегантностью и женственностью, а сам он считал, что создает не платья, но стиль жизни «от Диора»...

Говорят, все мы родом из детства. Кристиан Диор, сын владельца фабрики удобрений, до конца жизни выглядел, как добропорядочный французский буржуа — полноватый, розовощекий и застенчивый. В этом он походил на отца, желавшего, чтобы сын сделал политическую, или, на худой конец, военную карьеру. Несходство характеров проявилось, когда Кристиан — второй из пяти детей месье и мадам Диор, заявил, что не желает учиться на дип-

ломата, а хочет стать художником и открыть собственную галерею. Отец был возмущен — как это так: его сын будет малевать картинки, да еще снимать галерею на его, порядочного человека, деньги! Но тут вмешалась жена. Она, как никто другой, понимала желания сына, ведь ей самой не чужды были артистические наклонности. Мадам Диор считалась одной из самых утонченных женщин своего круга, а Кристиан боготворил мать. Для него она была эталоном красоты и элегантности — носила пышные юбки, разводила цветы и со вкусом обставляла дом. С ней он ходил к ее подругам, портнихе, нередко подсказывая дамам дельные вещи относительно эскизов платьев. Позже, вспоминая эти безмятежные довоенные дни, этих счастливых женщин, Диор будет наполнять свои коллекции томной элегантностью и утонченностью, словно следуя неслышным советам матери...

Но счастье молодого художника оказалось недолгим — через три года после открытия галереи отец Диора разорился, и Кристиан начинает понимать, что мольберт и кис-

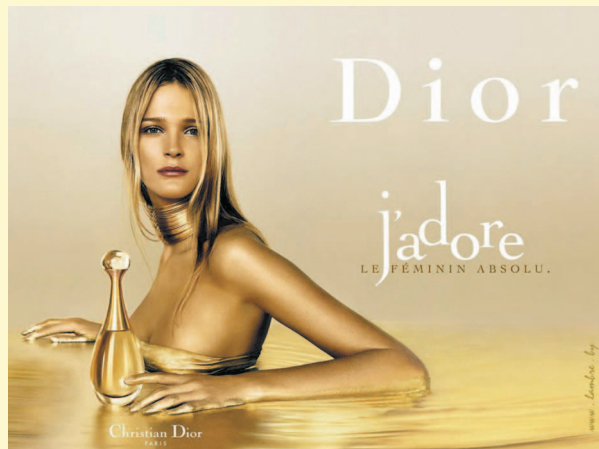
ти, хоть и наполняют душу радостью творчества, отнюдь не наполняют желудок пищей, а он всегда любил хорошо поесть. Одновременно его настигает еще один удар судьбы — умирает обожаемая мать, единственный человек, по-настоящему понимавший его. Это повергает Диора в глубокую депрессию, из которой он выйдет нескоро...

Учителя, друзья, партнеры...

Несколько лет практически нищенского существования закончились в 1935 году, когда Диор наконец находит работу: его пригласили делать театральные костюмы. Он соглашается, тем более что «опыт» в этом деле у него уже есть: в детстве вместе с бабушкой он шил наряды для домашних костюмированных представлений. Пока меж пальцев быстро мелькает иголка, перед глазами проходят картины детства... Вот он стоит в только что сшитом костюмчике Пьеро на стуле в гостиной — такой нелепый и слишком румяный для этого бледного персонажа — и читает стихи гостям, те покатываются со смеху, а Кристиан искренне не понимает, почему —

ведь он так серьезен! Он убегает в свою комнатку, через несколько секунд туда же входит мать, шурша праздничным платьем, и от нее так волшебным пахнет ландышами, что поневоле забудешь все обиды...

...Вскоре, уже основательно поработав на французский театр, Диор знакомится с человеком, значительно повлиявшим на его судьбу: издателем модного журнала и членом профсоюза Высокой моды Робером Пиге. У него Кристиан постигает науку элегантности и простоты, учиться создавать прекрасное без ненужных деталей. Но наступил 1939 год, а вместе с ним и Вторая мировая война. Будущего модельера призвали в армию, но уже через год демобилизовали по состоянию здоровья. Понимая, что сейчас стране совершенно не до Высокой моды, Диор отправляется к отцу и занимается какое-то время фермерством, считая, что на этой ниве он принесет государству куда как больше пользы. «Солдатам нужны морковь и картошка, а не юбки и фижмы!» — Несколько резкие слова отца возвращают Кристиана на какое-то время из эмпиреев моды на грядки.

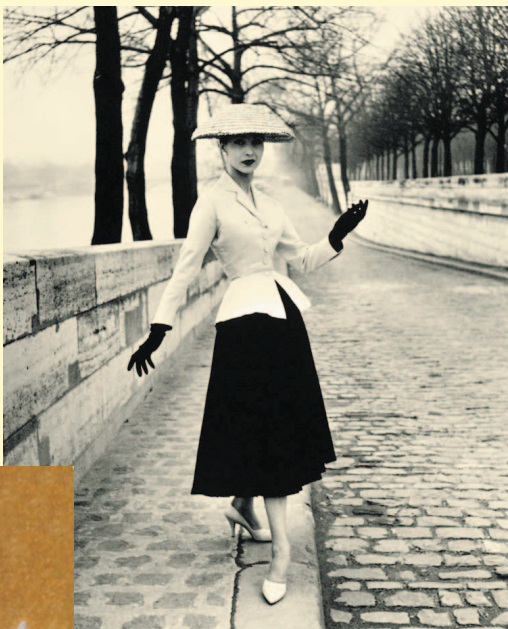

Но мечты о Париже все не оставляют его... И уже через пару лет он возвращается и начинает работать с Люсьеном Лелонгом, который научил его «ремеслу и мастерству...» Всю войну они работают вместе: Лелонг и Кристиан Диор. Там же, у Лелонга, будущий великий кутюрье знакомится с Пьером Бальманом, который предлагает ему открыть собственный Дом моды. Но это начинание заканчивается ничем. Место, выбранное друзьями для бутика, оказывается занятым, а Диор начинает работать в ателье Бальмана. В счастливый для Диора час сюда заглядывает некая мадам Буссак, жена известного промышленника и финансиста Марселя Буссака. Отметив в молодом дизайнере незаурядный вкус, она советует своему мужу сделать Диора директором одного из Домов мод, но Кристиан полон собственных идей, что

ему чужое детище! Собственное дело — вот какую цель он ставит перед собой, о чем и сообщает Буссаку. Тот соглашается и выделяет достаточно денег...

Вперед, в прошлое!

Представьте себе послевоенный Париж... Женщины, затянутые в униформу, полное отсутствие нежности и красоты, симпатичных ак-

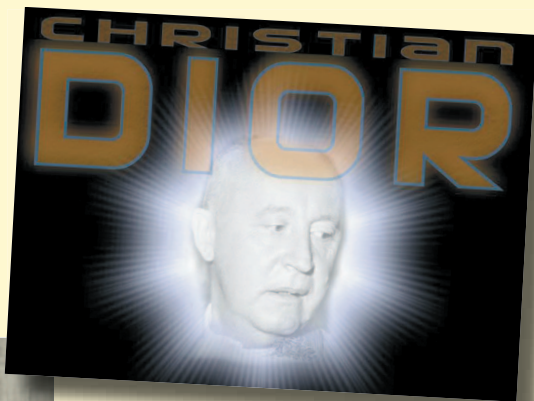

сессуаров, которые так любит Диор. Он решает преобразить это «собрание боевых подруг», и на свет появляется образ «женщины-цветка», такой не похожей на все то, что предлагалось модницам в последнее время. Никакой упрощенности, никакого рационализма! Роскошь, изящество и элегантность — вот что стало символами как первой, так и всех последующих коллекций Диора. Она была представлена 12 февраля 1947 года, в только что от-

крытом Доме моды Диора на авеню Монтень. Несмотря на то, что в Париже февраль и очень холодно — 13 градусов, но небольшой зал, где проходил показ, был заполнен до отказа. Никто еще не знает, что так будет всегда — желание быть женственной нельзя отнять!

Диор не очень-то верит в успех коллекции, ведь он предлагает нечто радикально новое, а, может, хорошо забытое старое?.. Тонкая талия, силуэт «восьмерка», пышная длинная юбка, элегантная обувь, роскошный лиф, украшенный драпировками... Где-то это уже было, не в детстве ли? Только не хватает запаха ландышей... Американская журналистка Кэрмель Сноу, пишущая для отдела моды журнала «Харперс Базар», говорит Диору: «Мсье, вы открыли new look!» Диор только усмехается: «Зачем открывать, если можно просто вспом-

нить?» Этот «новый взгляд» остается популярным многие десятилетия, женщина снова становится женщиной, тонкой и возвышенной, а Диор продолжает воспевать ее, не забывая зарабатывать при этом весьма значительные деньги.

В том же году Диор получает в Нью-Йорке Оскар Высокой моды за внесение новшеств в профессию. Но это ни в коей мере не заставляет его думать, что теперь можно почивать на лаврах. Напротив, он продолжает работать, как одержимый. На авеню Монтень выстраиваются очереди из желающих взглянуть на новые коллекции месье Диора с интригующими названиями: «Венчики», «Тюльпан», «Циклон», «Вертикаль»...

Месье бизнесмен

Диор открывает филиалы фирмы, каждый год выпускает новые линии одежды, запускает в производство духи, белье, аксессуары, меха, драгоценности, обувь. Он становится настоящим буржуа, предприимчивым и дипломатичным — теперь отец мог бы по-настоящему им гордиться! Как ни странно, он не перестает быть генератором идей — зачастую, увлекшись собственным бизнесом, кутюрье теряют индивидуальность, становясь просто «про-

изводителями одежды». С Диором этого не произошло...

В 1949 году он вводит в мир высокой моды такое понятие, как «лицензирование». Теперь, чтобы поставить фирменный знак CD, владельцы лицензии должны были либо просто копировать изделия Диора, либо создавать их в том же стиле.

Диор и великие

Начиная с пятидесятих годов, он сотрудничает и с кинематографом, разрабатывая модели для таких звезд, как Ава Гарднер, Марлен Дитрих, Оливия де Хевиленд. Но это скорее шутка гения, развлечение Мастера, а настоящей своей работой он считает создание образа Женщины. И ничто не должно выбиваться из общего стиля, потому и появляются духи: «Мисс Диор», «Диорама», «Диориссимо». Сам Диор говорил: «Я создал эти духи, чтобы одеть каждую женщину волной желаний и видеть, как возникает из флакона одежда». Быть одетой в платье от Диора, не пользуясь при этом его духами — нонсенс, как если бы в пару к вечерней шляпке женщина подобрала галоши...

Его обвиняли в том, что он превратил женщин в «пуховые подушки, набитые и неповоротливые», но несправедливые обвинения не смущают Мастера, месье всегда придерживался одной точки зрения: «Лучше пусть тебя склоняют на первой полосе, чем уделяют две строчки на последней».

Десять лет в зените

Как известно, страсть к работе имеет и оборотную сторону — Диор начал уставать, его стали одолевать болезни, а постоянные депрессии и страхи здоровья тоже не прибавляют. Наконец, осенью 1957 года он решает отправиться на отдых в Италию, впервые не послушавшись со-

вета мадам Делахайе — своей личной предсказательницы. Суеверие всегда было слабостью Диора, никогда он не принимал важных решений, не посоветовавшись предварительно с ней.

А 24 октября 1957 года мир моды ошеломлен ударом — великий Диор скончался. Ему было всего 52 года. На его похороны в Париж приехало больше семи тысяч человек...

Казалось, что мир Диора будет потерян навсегда, что уйдут в прошлое и забудутся тонкие силуэты, изящные шляпки и нежный запах духов. К счастью, те, кто в это верил, ошибались. Дом Диора возглавил тогда еще мало кому известный Ив Сен-Лоран, которого еще при жизни Мастер назначил своим преемником, разглядев в нем продолжателя своего дела.

Посвятив себя всем женщинам мира, Диор так и не нашел той единственной, которую сделал бы своей женой. До конца жизни Мазэстро остался холостяком... Может, если бы это было не так, мир не увидел бы раскрывшегося гения? Истинный талант терпит влюбленность, но не любовь...

Скоро полвека, как нет на свете великого Диора, вернувшего Женщине ее первозданную красоту, и пусть вы не можете себе позволить надеть платье от Диора, но капля «Диориссимо» всегда даст вам почувствовать себя «женщиной в стиле Диора...» □

Немногим более года назад мы уже делали нечто подобное, а именно, собирали компьютер на базе AMD. За это время многое сняли с производства, поэтому написанное тогда потеряло актуальность. Сегодня нас все так же интересует AMD, но уже с большим разнообразием вариантов.

чит, что другая хуже или лучше. Здесь только рекомендация, а не руководство к действию. Выбор же AMD обусловлен исключительно ценой, так как их процессоры дешевле, мощней и греются меньше Intel'овских.

При сборке будем учитывать, что флопп и дисковод нам не нужен, так как этим девайсом мало кто пользуется. Вся информация переносится на CD или DVD. Конечно, экономия 250 рублей — мелочь, но все же приятная. Во всех конфигурациях использован один и тот же жесткий диск (HDD, устройство, на котором располагается вся информация, записанная на компьютер, и

Эх,
да л бы кто
в займы!

The mission is possible

Не будем мусолить одну конфигурацию, а возьмем сразу несколько. Все расположено по возрастанию цены. Вам же остается выбрать понравившуюся цифру, которая не заставит положить зубы на полочку и стать счастливым обладателем компьютера.

Естественно, приведенные конфигурации не следует воспринимать как эталон, учитывая огромный выбор комплектующих. Если приводится одна фирма — это еще не зна-

операционная система) 80 Gb Samsung SP0812N, 7200 оборотов в минуту, буфер 8 Mb (чем больше, тем лучше — винчестер будет пошустрей). Стандартный, по современным меркам. Брать больший объем смысла нет, так как, чем больше диск, тем больше шанс потерять информацию, учитывая огромную плотность записывающего слоя. Если грамотно распределять ресурсы и записывать данные на DVD диск, то 80 Гб хватит за глаза, если, конечно, вы не рассчитывае-

те превратить компьютер в эталон бардака.

В сумме у нас вышло семь заметно отличающихся по производительности конфигураций. Первые три собраны на Сокете (Socket, сокращенно S — разъем под процессор) 754, остальные на S939, о которых поговорим в следующем номере. Как известно, S754 — бюджетный и доживающий последние дни вариант, тем не менее он достаточно хорош и в некоторых случаях идет на равных с более новым S939.

Несмотря на различие сокетов — в каждом варианте используются видеокарты PCI-Express, которые активно вытесняют AGP аналоги. То есть в будущем у вас не возникнет вопроса на тему совместимости любой новейшей графической карты с вашей машиной.

Когда денег почти нет

Наступило то время, когда в преискурантах компьютерных фирм становится тяжелее найти что-то действительно бюджетное. Но это и к лучшему, так как в любом случае легко уложиться в небольшую сумму. В первом варианте, недолго думая, берем все самое дешевое (не значит некачественное), что только есть. Минимальный доступный бюджетный процессор под S754 — Sempron 2500+ 64 bit BOX (Бокс — значит, что все будет красиво упаковано в коробочку, да еще и кулер в комплекте, и гарантия не год, а три). Далее выбираем материнскую плату. Это один из важнейших элементов в компьютере, заметно влияющий на стабильность и общую производительность системы. Несмотря на дешевизну, берем MSI K8N NEO3-F. Чем, собственно, она хороша? Есть, все что нужно: Serial ATA (SATA (грядет на замену IDE), PCI-Express (есть также порт AGP, если не хочется тратить деньги на

новую графическую карту при апгрейде), шина 800 МГц, и, конечно же, современный чипсет nForce4 (специальный микрочип, управляющий возможностями материнской платы, который используется даже в дорогих решениях).

1 Когда денег почти нет

Sempron 2500+ 64 bit BOX
GF MSI NX6200 TC-TD128ELF 128 Mb
Radeon x300 SE 128 Mb
256 Mb PC3200 Sec-1
80 Gb Samsung SP0812N 7200 8 Mb
DVD RW NEC ND-3551A
MB MSI K8N NEO3-F, nF4, S754
ATX Microtech 350W

Price 9067 rub

Видеокарт — аж две на выбор: GeForce MSI NX6200 TC, 128 Mb или Radeon x300 SE 128 Mb. Стоят одинаково, но первая все же посильней и тянет прилично большинство современных игр. В данной конфигурации, к сожалению, ни одна из карт не реализует 100 процентов возможностей, ибо процессор слабоват. Большинство же нетребовательных игр будут работать идеально.

Учитывая бюджетность, с оперативной памятью усердствовать не будем, и поставим 256 Mb PC3200 фирмы Sec-1 (Samsung). Итак, основное практически есть.

Куда сейчас без DVD писалки — нет смысла брать что-то другое, ибо впоследствии можно сильно пожалеть. Большинство приводов стоят одинаково, но и на этом сэкономим и возьмем NEC ND-3551A. Машинка

вполне приличная по всем показателям — читает все известные форматы дисков и пишет на большинство доступных в продаже носителей. Несмотря на небольшую цену — этот девайс не хуже более дорогих. Вы отдаете деньги не за бренд, а за качество, так как NEC не стремится «наваривать» на своем имени.

2

Есть возможность прикупить

Sempron 3000+ 64 bit BOX
GF MSI NX6600 TD 128 Mb
Radeon x700 rx700-TD128E
256 Mb PC3200 Sec-1
80 Gb Sumsung SP0812N 7200 8 Mb
DVD RW NEC ND-3551A
MB MSI 7135-010R K8N NEO3-F,
nF4, S754
ATX Microtech 350W

Price 10 736 rub

С начинкой вопрос решен. Завершающим штрихом конфигурации идет корпус. В принципе, подойдет любой недорогой — от тысячи до полутора тысяч рублей. Главное, чтобы блок питания в нем был не менее 350 Ватт, но и сама «коробка» должна притягивать взор. Самый распространенный вариант ATX Microtech — существует всего несколько видов (черно-серые, строгие на вид). Взяв любой, вы ничего не теряете, так как эти корпуса проверены временем, и надежность их подтверждает практика.

Написано много, а сколько же это добро стоит? Учитывая минимальность и не глобально низкую производительность, сразу добавлю, что эта сборка достаточно при-

личная и ее хватит для значительного количества задач. Не будем оттягивать кульминационный момент и скажем, что для обладания подобной штуковиной придется обеднеть на 9 тысяч рублей.

Есть возможность прикупить

За основу компьютеров рода S754 мы взяли одну и ту же материнскую плату, что значительно упрощает задачу, благодаря ее универсальности и качественно современному уровню. На дальнейших примерах вы увидите, что производительность базового (читай, первого) комплекта легко улучшается заменой всего двух деталей.

Во втором варианте заменим пару элементов и получим относительно игровой уровень производительности. Берем также бюджетный процессор Sempron 3000+ 64 bit BOX, который выводит нас на иную ступень производительности — примерно 20 процентов прироста скорости по процессорной мощности.

А более игровым данную конфигурацию делают две видеокарты на выбор: GeForce MSI NX6600 TD 128 Mb или Radeon x700 rx700-TD128E 128 Mb. Оба девайса хороши, несмотря на урезанность. Их с лихвой хватит для многих игр, а совсем уж тяжелые будут «играбельными», учитывая среднюю производительность процессора.

То, что любой из собираемых нами компьютеров должен идеально работать — просто опускаем, ибо это и так ясно.

Вторая конфигурация вышла сильнее первой по двум параметрам, причем это заметно на глаз. Sempron — идеальное сочетание цена/качество/производительность. Собирающий компьютер должен уяснить для себя одну простую истину — бюджетность — не значит

плохо или хуже, чем у кого-то. Это всего лишь определение ценовой планки — не более. Есть вещи, которые будут «тормозить» даже на ультрасовременных машинах, поэтому нет ни одной причины для расстройств.

Во сколько же нам встанет такое незначительное улучшение? Секунду, только калькулятор возьму. Ага, итак, у нас выходит 10136 рублей. Было бы неплохо увеличить количество оперативной памяти до 512 Mb — плюс 650 рублей. Конечно, мало, но, тем не менее, комфорта при работе заметно прибавится.

Я сегодня жадный

И здесь меняем всего две детали. Ставим приличный процессор — Athlon 64 3000+ S754 BOX, которого при умеренном использовании компьютера хватит надолго и почти на все. А оперативка у нас будет 512 Mb PC3200 Sec-1. Все остальное, как вы уже поняли, остается без изменений.

Третья сборка вышла умеренно игровой, так как каждый элемент должен работать на полную катушку. Видеоредактирование, любые современные игры и многое другое — не вопрос. Конечно, скорости не безумные, но подобный вариант идеален по цене, качеству и производительности. Обойдется он в 12500 рублей.

Любое добавление в этот комплект, если есть возможность, выводит нас на другой ценовой уровень, что позволяет задуматься о машине на базе S939.

Шо таки вы хотели сказать

Написано много, а вывод один — одна и та же платформа (материнская плата) позволяет собирать разные по производительности ком-

пьютеры. В будущем же, не изменяя всей «начинки», легко улучшить систему, заменив пару комплектующих, и продолжать радоваться жизни с новыми возможностями.

Все написанное выше, как уже говорилось — не эталон. Изменяйте конфигурацию так, как вам удобно. Если что-то не устраивает или требуется индивидуальный подход — пишите, и мы поможем.

Помните, что собрать компьютер — не сложной конструктора, тем более к каждой детали прилагается подробное описание. Да и надежней выйдет — сделать все самому...

3 Я сегодня жадный

Athlon 64 3000+ S754 BOX
GF MSI NX6600 TD 128 Mb
Radeon x700 rx700-TD128E
512 Mb PC3200 Sec-1
80 Gb Sumsung SP0812N 7200 8 Mb
DVD RW NEC ND-3551A
MB MSI 7135-010R K8N NEO3-F,
nF4, S754
ATX Microtech 350W

Price 12500

P.S. Указанные цены действительны на момент написания материала. В день же выхода номера они могут отличаться от 500 до 1500 рублей в меньшую сторону. □

Просто Кир
podolak@rambler.ru
www.prostokir.pbnet.ru

А ктер,

Актер театра и кино, он снялся в 28 картинах, в частности, у таких мастеров, как Мотыль, Балабанов, Кэню... Что бы ни пришлось играть, за какой жанр, за какую бы роль ни брался Эвклид Кюрдзидис, все сыграно мастерски.

Это — яркий актер, чье появление на сцене подобно взрыву кометы, он ведет за собой зрителя и заставляет публику переживать, испытывать те же чувства, ощущения, что и его герой.

— **Эвклид, с выбором профессии вы определились еще в детстве?**

— Артистом захотел стать в четыре года! В детстве чем только ни занимался: балльные танцы, акробатика, учился играть на трубе, балалайке, ходил на многоборье — перепробовал все. В школе города Ессентуки у нас был замечательный педагог, вела русский язык и литературу, Чумакова Инна Михайловна. Она приобщала нас, ребят, к творчеству, мы разыгрывали пьесы, читали стихи, готовили всевозможные «капустники». Я даже «ставил» пьесу «Ревизор» с одноклассниками...

night или только для женщин», — Марат Башаров, Гоша Куценко, Костя Юшкевич... В картине у меня роль небольшая, но очень любимая, сыграл Кису Кацмана.

Вроде бы, на первый взгляд, такое никчемное и странное существо — ходит в юбке с голым торсом, у него несуразно длинные волосы, держится этот тип от всех обособленно. И вдруг такое нелепое создание совершает героический поступок — спасает жизнь девочке. Мой Киса неожиданно становится совершенно другим человеком, даже свой экстравагантный имидж меняет на нормальный. Недавно закончились съемки «Свадебного платья травматолога» и сериала «Молоды и счастливы», где я играл.

лечащий Душу

В четырнадцать лет поехал в Днепропетровск, поступать в средне-специальное театральное училище, в таком возрасте учиться актерской профессии можно было только там. Поступил с первого раза. В начале 90-х приехал в Москву, закончил ВГИК, мастерскую Анатолия Ромашина.

— **Какими новыми работами порадуете зрителей?**

— Снялся в фильме «Край лета» — режиссер и автор сценария Виктор Шамиров, там занята вся наша команда из спектакля «Ladies

— Спектакль с вашим участием «Ladies night или только для женщин» сыгран двести раз, уже четыре года идет в столице и по всей России с большими аншлагами. Знаю, что вашу команду из этого спектакля приглашали в Париж авторы пьесы — Жак Коллар и Пьер Карден.

— Поездка была замечательная, в Париже мы провели целую неделю. Жак Коллар оказал нам честь —

пригласил на ужин в «Максим» — самый известный ресторан, место встречи знаменитостей XX века, где любили бывать Федор Шляпин, Сара Бернар, Шарль де Голль, Феллини ...

— А удалось побывать в театре Пьера Кардена?

— Конечно. Посмотрели в его театре музыкально-драматический спектакль, в жанре «французский шансон». Актер и актриса исполняют песни от начала 40-х до 90-х годов. Такая красивая история любви мужчины и женщины. Меня поразило и удивило, что уже на протяжении трех лет эти двое артистов каждый день играют этот спек-

такль. Как артист скажу, что работать в таком ритме очень тяжело. По контракту, они не имеют права больше нигде играть и сниматься. Но поют и играют с удивительной легкостью, так, словно в первый раз! Думаю, такое дано не каждому актеру.

— Эвклид, многие популярные артисты хотят сыграть все и везде, страшно переживают, если в работе вдруг наступает перерыв. А вы не боитесь паузы?

— В кино часто отказываюсь от поступающих предложений. Последнюю картину закончил три месяца назад. В прошлом году снялся в шести фильмах. Когда профессия не является зарабатыванием денег — нужно делать паузу. Это вовсе не значит, что деньги мне не нужны. Я безумно люблю свою профессию, и когда работаю над ролью, то вкладываю в нее душу, чувства, частицу самого себя. А это нереально сделать, если идут съемки параллельно в двух или трех картинах, да еще гастроли...

— Экстремальные съемки бывали?

— В фильме «Война» у Алексея Балабанова снимался в экстремальных условиях от начала и до конца. Мы, актеры, по-настоящему тонули в реке, нас даже спасал МЧС. Ночевали в горах, в землянках. На съемках была только питьевая вода, и мы не мылись неделями.

В картине есть момент, когда мой герой переносит через гор-

ную, бурную реку за спиной мешок с оружием. Руки у меня, по роли, завязаны, и вот иду и чувствую, что поток воды меня сносит... Начинаю тонуть.

— Зачем такой жесткий натурализм?

— На экране должна быть правда, от нее никуда не денешься!

— Работу в театре вы начинали у знаменитого Питера Штайна, сыграли в «Гамлете» семь небольших ролей...

— У Штайна я готов был сыграть все, что угодно! Очень хотел выйти на сцену! Питер Штайн сначала дал мне роль Люциана и сказал, что этот персонаж должен петь и танцевать, а потом, по ходу репетиций, у меня появилось еще несколько небольших ролей. В паре с замечательным артистом Владимиром Абрамовичем Этушем заняты в сцене «мышеловки», играем двух могильщиков, потом у меня еще роль друга Лаэрта, Франциска...

— **Эвклид, вы из немногих артистов, которые играют своих героев на их родном языке. Ваши герои — Руслан Шамаев в «Войне» говорит по-чеченски, Филипп де Бове — по-французски, сейчас начинаете работать над образом Наполеона в фильме азербайджанских кинематографистов ...**

— Мне интересна роль Наполеона, и сыграю его на французском. Я уже работал в двух картинах на

го режиссера, нельзя «опростоволоситься». Сам озвучивал картину на чеченском языке.

— **Вы играли с телеведущей Барбарой Де Росси в картине голливудского режиссера Джеффри Кэню «Бабий Яр». Как работалось со столь знаменитыми зарубежными коллегами?**

— Великолепно! Мы, актеры, контакт нашли быстро. Интересно, что играли роли каждый на своем родном языке, я по-русски произ-

французском языке. Тяжело. Текст учу, понимая каждое слово — это важно, хотя языком не владею.

График съемок — такой стремительный и неожиданный, что порой не успевал воспользоваться услугами педагога, срочную помощь оказывали друзья-французы!

Руслана Шамаева в «Войне» у Алексея Балабанова сыграть надо было правдиво, роль непростая — пятидесятилетний чабан. Мне и в голову не могло придти, что буду играть такую возрастную роль, да еще на чеченском языке. Хотелось сыграть грамотно, снимаясь у тако-

носил текст, Барбара по-итальянски, Майкл Демон — по-немецки, а режиссер говорил с группой по-английски.

На первый же съемочный день «попала» самая сложная сцена — эротическая. Нас с Барбарой представили друг другу, а уже через десять минут мы идем на площадку. По фильму, играем мужа и жену. Она его спасает из больницы, где он лежит парализованный, без ног... Год не видела мужа, вот долгожданная встреча и... начинается сцена любви. Надо обнажаться. Мне было «легче» — лежал в кро-

вати с открытым торсом, а вот Барбаре последнее предстояла задача! И, чтобы снять психологический барьер, режиссер стал рассказывать нам историю своей первой брачной ночи, когда он потерпел фиаско! Да так подробно, что нам стало даже неловко. А потом говорит: «Теперь в кадр!»

— Вы чистокровный грек, а родным языком владеете?

— Греческий язык знаю, но говорить на нем стесняюсь, хотя моя мама считает, что я говорю на нем лучше, чем мои родственники, живущие в Греции.

— Чем профессия актера отличается от других, что есть в ней такое особенное?

Если бы я не был актером, то обязательно стал бы врачом. Но врач лечит тело, а артист — душу! Такие профессии выбирают только по велению Души.

Знаете, я чувствую себя абсолютно счастливым, когда в зале после спектакля вижу радостные глаза зрителей! □

Беседовала Елена Воробьева.

Денис Логинов

ЗЕМЛЯ

ШОКОЛАДНОГО СЧАСТЬЯ

Город Брюгге называют городом Люви. А любовь и шоколад, как сказал поэт, знающий цену тому и другому, — «суть вещи совместимые весьма!»

Однажды, будучи в Лондоне, я зашел в ближайшее турбюро с надеждой получить информацию о наиболее интересных маршрутах по Туманному Альбиону. Пришлось

долго ждать, пока трое служащих в поте лица выписывали стоящим во внушительной очереди молодым англичанам и юным англичанкам путевки в бельгийский город Брюгге. Они ехали туда, чтобы там начать свой медовый месяц.

Уже позже выяснилось, что во все месяцы года город просто переполнен молодоженами, и тур-

агенты в европейских странах, заведя заходящих в бюро влюбленных, уже точно знают: надо срочно искать гостиницу в Брюгге.

С точки зрения истории, Брюгге — один из наиболее древних городов Фландрии, не раз игравший большую роль в ее истории. Когда-то он был признанным лидером среди североморских торговых поселений средневековых Нидерландов, в состав которых он входил вместе со многими областями нынешней Бельгии. Прорытый в то время судоходный канал превратил город в один из главных портов Северного моря. Брюжские купцы тор-

говали с десятками государств, в том числе и с Россией. Известно, например, что при раскопках в Новгороде были найдены оловянные ярлыки от мануфактурных товаров с адресами торговых контор города Брюгге.

Россия везла в Европу лес, пеньку, пушнину, хлеб. А отсюда, в Архангельск и Петербург, отправляли караваны с гобеленами, кружевами, сукном и оружием. Вплоть до XVIII века здесь существовал самый большой европейский рынок алмазов и многочисленные мастерские по их огранке.

Но примерно 300 лет назад море внезапно отодвинулось на десятки километров, канал затянулся песком, и ветер истории унес отсюда пальму первенства в торговле и широко развитых ремеслах.

Время лишь добавило очарования бережно сохраненной архитектуре, превратив город в гигантский музей под открытым небом, по которому можно до бесконечности гулять, восхищаясь старинными зданиями, дворцами, соборами и музеями.

Только здесь можно увидеть полотна всех известных фламандских живописцев, в церкви постоять возле скульптуры Микеланджело. Только здесь — самое старое в Европе здание ратуши, возведенное в начале XIV века, только здесь — под ногами мостовые, хранящие следы подков конницы Шарля Теме́рера, собиравшегося в Крестовый поход в Иерусалим.

И все это — под плывущий из-под каменных кружев стометровой городской башни колокольный благовест.

Поэтому таким органичным кажется здесь Памятник Любви. Бронзовые влюбленные обнимаются, стоя на постаменте, и самое приятное на свете слово «Любовь» высечено на нем сто раз, на ста языках.

Есть в Брюгге, кроме древних стен, соборных шпиль и бесконечных живописных каналов, еще одна, очень вкусная достопримечательность, не в последнюю очередь привлекающая сюда туристов. Шоколадных магазинов здесь больше, чем в любом другом городе на свете. И практически в каждом — только свой, сваренный прямо тут же, за стенкой, шоколад. Это только в детстве нам казалось, что любой шоко-

лад одинаковый по вкусу. Ну, может быть, один горький — другой сладкий. И еще белый и черный.

И только побывав в Брюгге, начинаешь думать, что находишься на какой-то совершенно другой, шоколадной планете! Помимо шоколада с апельсинами, малиной, черной смородиной, вишней, в одном магазине вам предложат плиточку с хрустящими кофейными зернами, в другом — угостят совершеннейшей романтикой — шоколадкой с «анютиными глазками». И в том, что его делают именно с этими красивыми цветочками, можно убедиться, посмотрев в крохотной мастерской весь процесс приготовления.

Для курильщиков — (совсем уж из области фантастики) — шоко-

лад со вкусом и запахом гавайских сигар. Незвестно, что еще можно отведать, посетив хотя бы сотую часть всех существующих в Брюгге шоколадных магазинов.

В местных ресторанах пошли дальше. Особое шоколадное меню включает целый обед, в котором какао-бобы играют главную роль во всех мясных и рыбных блюдах.

Ну, конечно, вспомнив пресловутое «сало в шоколаде», можно понимающе улыбнуться и пройти мимо. Но любопытство все-таки берет верх, а мое журналистское удостоверение позволяет проникнуть в святая-святых — кухню престижного ресторана «Патрик Девос».

Зрелище открывается, мягко говоря, шокирующее. Приличный кусок гусиной печени нашпиговывается откровенным черным шоко-

ладом, выкладывается на раскаленную плиту, предварительно смазанную маслом какао. После образования аппетитной корочки поливается все это лакомство конфитуром из репчатого лука, сооружается горка из зеленых овощей и предлагается попробовать с бокалом прохладной мадеры.

Признаюсь честно: я прикладывал огромные усилия, чтобы не съесть все очень быстро, но ничего не получилось. Как мне показалось, именно это и была та самая пища богов, о которой так много написано, но отведать ее можно только здесь, в Брюгге.

Вскоре выяснилось: ресторан — это далеко не конец шоколадного удовольствия.

В торговой галерее, разыскивая памятный сувенир, стоило огромного труда протиснуться сквозь толпу,

привлеченную странными ритмичными ударами. Здесь проводился скульптурный конкурс. Из больших, естественно, шоколадных глыб несколько художников в фартуках с помощью молотка и зубила ваяли на глазах у изумленной публики шоколадные фигуры в полный рост. Зеваки стояли плотной стеной, разинув рты. И от удивления, что на их глазах рождаются шедевры, и от того, что летящий во все стороны шоколад, да еще, как говорится, «на халяву», особенно вкусен! Сам конкурс был приурочен к Фестивалю шоколада, который целый месяц проходил в Брюгге. В кондитерских щедро раздавали сладости и сувениры, в частности, неотличимые от настоящих, но полностью

сделанные из шоколада букетики цветов. А детей, серьезно интересующихся: откуда, собственно, приходят под подушку гостинцы, приглашали принять участие в конфетном производстве и самим сделать для пап и мам самую настоящую шоколадку.

Интересно, что в день открытия фестиваля родители особенно стремились отдать детей «в теплые шоколадные руки». Причина для этого была весьма серьезная. На главной площади Брюгге 300 добровольцев, раздевшись донага и обмазавшись сверху донизу шоколадом, создали нечто вроде шоколадного живого полотна. К неопишуемому удовольствию местных и заезжих фотографов.

В рамках фестиваля были организованы не только подобные «зрелищные мероприятия», но и сугубо научные. К примеру, цикл семинаров и конференций на тему: «Лечебные свойства какао-бобов» и всего, что из них производится. Опять же, город для проведения такого научного симпозиума был выбран не случайно. В Брюгге находится не только самая полная в мире библиотека по шоколадной тематике, но широко известный в Бельгии Институт Красоты «Афродита». Уже несколько лет здесь проводятся сеансы массажа с применением (ну, вы, конечно, не ошиблись!) шоколада. Пациенты в течение 2,5 часов наряду с удовольствием получают массу ис-

ключительно полезных витаминов, минералов и прочих очень важных для лица ингредиентов. Интересно, что часто сюда приходят парами, делая таким образом друг другу своеобразные свадебные подарки. Мужчинам, как и женщинам, по утверждению работников института, польза от этого несомненная.

Ах, как жаль, что этот сладостный процесс нельзя было запечатлеть на пленку! Из соображений, по-видимому, интимно-эстетических, съемка в Институте Красоты запрещена. Но рассказывать можно.

После очистки лосьоном из проросших ростков какао лицо покрывается шоколадным кремом, который по специальному рецепту готовят только для этого салона. Он сплошь из натуральных продуктов, и неудивительно, что клиенты, находясь в состоянии блаженства, его время от времени слизывают. Специальная аппаратура поддерживает нежную и теплую ауру и необходимую влажность.

Косметологи утверждают: противопоказаний для подобных оздоровительных процедур практически нет. А от желающих «окунуться по уши в шоколад» тоже нет отбоя. Очередь в «Афродиту» расписана на 3 месяца вперед.

Поздно вечером, покидая этот сладкий райский город, в котором царствует культ шоколада, в длинной веренице машин я долго ехал за автобусом той самой знакомой английской турфирмы. На борту было написано «The Chocolate Line» — «Шоколадная турлиния».

Англичане возвращались домой, бесконечная автомобильная пробка ползла медленно, и было видно, как в салоне крутят по видеку фильм о Брюгге, а молодые парочки бессовестно и сладко целуются. Наверное, еще и потому, что их губы пахнут вкусным шоколадом любви. □

Екатерина Кочеткова

ДЕВОЧКА- ЛЕТО

На дворе лето красное. Время отдыха, любви и душевного тепла. А мы продолжаем рассказ о некоторых секретах красоты, которые раскрывали в статьях «Девочка-зима» и «Девочка-весна», опубликованных в соответствующие времена года.

Итак, начинаем наше новое путешествие по круговороту времён года, ликов природы — прекрасных образов женской магии и красоты...

Твоя внешность знаменует собой расцвет, яркое торжество природы, благодатное солнечное теп-

ло. Твоё тепло — это не дразнящий луч весны, не нежное касание осени. Оно мягко обволакивает, постепенно распяляет, пробуждая всё тайное... Кружит голову летним хмелем, захлёстывает сладостной волной, заставляя забыть обо всём на свете. Мало у кого возникнет желание сопротивляться этой торжествующей силе — ведь ты само воплощение любви... Ты — девочка-лето.

В тебе накоплена и раскрыта высшая благодать природы. Торжество всего лучшего, что есть в женщине.

По темпераменту девочка-лето — сангвиник. Цвета ее красоты — яркие, сочные, близкие к огненным.

Ее легко узнать по глазам. В них светится ожидание... Обещание немыслимой любви и неземного блаженства. Иногда это вводит мужчин в заблуждение. Хотя большинство прекрасно понимают, что взгляд с поволокой адресован далеко не каждому...

Она добра, ласкова, любит заботиться о своих близких. Но не позавидуешь тому, кто невзначай заденет ее чувства. Ради любви она готова на всё...

Девочку-лето можно сразу опознать по очень яркой, порой даже преувеличенно расцветшей красоте...

Идеальная гамма гардероба девочки-лета — это буйное многоцветье прекраснейшего времени года. Оттенки солнца, плодов, цветов и трав. Девочке-лето можно одеваться как однотонно, так и пестро. То, что на других дамах выглядит аляповато, на девочке-лето смотрится естественно.

Оттенки лета: все оттенки красного, оранжевого, жёлтого, а вот зелёного — только сочные. Ещё — бирюзовый, индиго, малиновый, бордо, фиолетовый, чёрный. С белым — осторожно, это контраст: в удачном

варианте — умопомрачительно, в неудачном — бледнит и старит.

Камни для девочки-лета — рубин, сердолик, яшма, не очень

светлый янтарь. Меха — противоречащие своим цветом зиме. Не серо-бело-жёлто-голубоватые, а коричневая норка, соболь, бобёр, яркая лиса...

Лету идёт почти всё, но только яркое, сочное, во всяком случае — не слишком матовое. Скажем, украшения из кожи, дерева и кости должны иметь вставку или инкрустацию из камней, стекла, янтаря, бисера... В отличие от весны, лето может себе позволить массивные и яркие аксессуары.

Образ девочки-лета подбирается индивидуально. А поскольку женщины такие разные — невозможно описать все образы любого из типов женской красоты. Вот лишь несколько основных стилей девочки-лета.

Цыганочка. Очень красивый стиль, оставляющий неизгладимый след в сердце любого мужчины. Для этого стиля совсем не обязательно обряжаться в наряды с оборками и бахромчатые шали из бабушкиного сундука, если, конечно, речь не идет о вечеринке или маскараде.

Цыганочка — это яркие цвета, блузки со шнуровкой и «летающими» рукавами, длинные юбки, оборки, бахрома, платки и шали, серьги и монисто... Не обязательно нацеплять на себя сразу все из перечисленного. Но две-три детали этого стиля придадут яркую красоту и тонкую загадочность образу.

Испанка. Это — стиль для деловых. Испанцы, при всей пресловутой страсти, — очень сдержанный народ. Строгие изысканные костюмы, простой покрой. Но яркие цвета. В пределах деловой обстановки, разумеется...

Знойная женщина — мечта поэта. Вариант летней «хозяйки». Идеальный образ для полных. Юбки макси, этнические или свободные блузки, драпировки, пледы, шали...

Длинные волосы, уложенные в «пучок».

Вообще, хозяйка любого времени года — это идеальная подруга непонятого гения или успешного творца, мечтательного авантюриста или богатого бизнесмена. Причём очень редко удаётся найти готовый результат — обычно хозяйка добивается успеха вместе со своим мужчиной. Это очень тонкий момент любых семейных отношений...

...И напоследок — основные моменты создания своего имиджа.

Всё работает только в комплексе. Если бы внешность «испанской» секретарши не гармонировала идеально с её костюмом — пресловутый воротничок был бы не плащом тореадора, а нелепым пионерским галстуком...

Дело не в цветах, а в оттенках. Всё должно быть к лицу. Создаём свой имидж от себя. Подбираем стиль к себе, а не себя — к стилю.

Не стоит смешивать между собой разные образы. На двух стульях не усидишь, а новогодняя ёлка — отнюдь не образец вкуса и стиля... □

Максим
Башкеев

Гуус ВСЕМОГУЩИЙ

Сегодня о том, что в российском футболе не все ладно, знают, похоже, даже дошкольники. Придя на любой матч российского чемпионата, можно услышать столько интересного про игроков, судей, владельцев клубов, что начинают шевелиться волосы. Но что самое обидное, далеко не все из того, что говорится на трибунах, является пьяным бредом расстроенных фанатов.

Как известно, индикатором силы любого национального чемпионата является игра сборной. А теперь давайте попытаемся вспомнить, когда же последний раз российская сборная добивалась значительных успехов...

Ладно, может быть, у нас все хорошо на клубном уровне? Что интересно, действительно, на клубном уровне дела идут куда лучше, чем в

сборной. Достаточно только вспомнить прошлогодний триумф ЦСКА в кубке УЕФА. До этого были и четвертьфиналы и полуфиналы, но настоящего успеха мы добились только в прошлом году. Получается, что можно почитать на лаврах и еще с десяток лет кичиться достигнутым? На месте футбольных функционеров весьма рискованная затея. Ведь кто выиграл кубок? Российский клуб ЦСКА? Вот и нет. Из российских игроков данного уважаемого клуба, постоянно играющих в основном составе, вспоминаются разве что Ролан Гусев, да братья Березуцкие. И где был этот ЦСКА после своей громкой победы? Не смог на следующий год даже преодолеть групповой этап кубка УЕФА.

Наш чемпионат не котируется в Европе. Его не показывают по телевидению, не включают в еженедельные обзоры. В связи с этим действительно стоящие футболисты, которые обладают качественными амбициями для профессионального роста, ехать в нашу страну отказываются. Отказываются потому, что боятся, что о них за годы контракта забудут в Европе, и они не смогут туда вернуться. Переубедить их не могут ни сказочные гонорары, ни царские условия проживания, ни райские увещевания руководителей клубов. К нам едут те, кто либо заканчивает карьеру, либо рассматривает футбол как единственный способ заработать деньги.

Вот лишь несколько ярких тому примеров. Закупленные оптом в прошлом году московским «Динамо» португальцы так и не заиграли. Манише вообще ушел, не отработав контракт. Лима ушел из «Локомотива». Кавенаги не заиграл в «Спартаке». Даже неплохо, на первый взгляд, прижившийся в ЦСКА бразилец Вагнер собирается покинуть страну по итогам текущего чемпио-

ната, а болельщиков радует только Жо. А ведь за этих людей были заплачены просто огромные деньги!

А где же наши? — резонно спросите вы. Неужели их нет? Есть. Российский Футбольный Союз — понимая, что после кончины страны с именем СССР развалилась и вся налаженная система подготовки молодых футбольных кадров, — решило помочь молодым талантам закрепиться в основе футбольных клубов и ввел лимит на легионеров. Мера исключительно правильная по своей сути. Если помните, некоторое время назад в тульском «Арсенале» в основе выходили вообще одни легионеры. Только данный лимит привел к совершенно неожиданным результатам.

Футболисты, прошедшие еще советскую школу, сегодня уже в возрасте и либо закончили карьеру, либо заканчивают ее. Заменить их некому. Молодых и талантливых, возвращенных в условиях демократической России, можно пересчитать

по пальцам. И здесь в свои права вступил рынок. Из-за лимита отечественные игроки стали вдруг нужны сразу всем клубам, но на всех талантов не хватает! Вот и взметнулась стоимость отечественного живого товара настолько, что, по сравнению с ней, трансферы легионеров уже и не выглядят такими уж заоблачными...

Получив благодаря РФС гарантированное место в основном составе, у молодых талантов пропадает стимул к дальнейшему профессиональному росту. И тренер ничего с этим не может поделать. Выгнать из команды нельзя, и заставить рабо-

тать на тренировках на полную катушку не получается. Замкнутый круг.

Если у футболиста начинает получаться хотя бы чуть больше, чем у его коллег, он сразу переходит в разряд звезд и заболевает соответствующей болезнью. За неимением лучшего его, к тому же, вызывают в сборную страны, где он ровным счетом ничего не показывает, поскольку не имеет ни опыта, ни навыков игры в серьезных матчах.

Ситуацию способно изменить лишь масштабное, массовое вливание свежей крови. Где ее взять? В спортшколах. Несмотря на все объективные трудности, кое-что в этом направлении все же делается. Строятся поля, тренировочные базы.

Дело медленно, но движется. Например, в Самаре работает отличная футбольная школа. Питер регулярно радуется своими воспитанниками. Но кардинального улучшения при существующих темпах раньше 2012 года ждать глупо. Просто-напросто, не успеют подрасти те, кому сужде-

но воскрешать отечественный футбол. Единственная молодежная команда, которая на сегодняшний день стабильно обыгрывает своих европейских сверстников, — сборная мальчишек 1989 года рождения. Максимум своих умений и возможностей они достигнут как раз к вышеозначенному сроку.

Что касается тренерской школы и призыва в отечество варяга в лице Гууса Хиддинка, то данный шаг располагает к определенному оптимизму. Как бы ни храбрились отечественные специалисты, грамотно управлять сборной не мог никто. Даже если тренер добивался значимых результатов на клубном уровне, в сборной его обязательно ожидал провал. Так было с Романцевым, Газзаевым и Семиным. Это — цвет отечественного тренерского штаба. Так почему, если не получилось у них, не дать попробовать иностранцу? Почему в приглашении господина Хиддинка нужно видеть некую измену, революцию и унижение национального достоинства? Может, это все-таки забота о болельщиках, истосковавшемся по победам? И разве не был изменой многократный провал сборной при отечественных специалистах? Так, может быть, у варяга получится лучше?

Работал же в питерском «Зените» Властимил Петржела. Причем хорошо работал. Растил отечественные таланты. И именно его клуб в прошедшем евро-кубковом сезоне прошел дальше всех. В московском баскетбольном «Динамо» прекрасно работает Душан Ивкович, в ЦСКА — Этторе Мессина, баскетбольную сборную тренирует Дэвид Блатт... Так что, могут иноземцы. Еще как могут. А вместо того, чтобы предавать их анафеме, отечественным специалистам неплохо бы на деле доказывать собственную состоятельность.

Другая наша беда — судьи и договорные матчи. Пусть кто угодно и сколько угодно кричит, что российский футбол чист от этой заразы, болельщики по-прежнему не верят. Наметанный глаз фаната безошибочно определяет, где команды играют в честный футбол, а где катают договорную ничейку в центре поля.

О профессионализме и неподкупности судей не так давно говорить было не принято. Сор из избы не выносили, но, видимо, терпению тренеров и игроков с болельщиками пришел конец. И вот последние два года редкий матч обходится без судейского скандала. Общеизвестными стали факты запугивания арбитров перед матчами. Некоторых судей даже дисквалифицировали по подозрению в получении взятки...

На сегодняшний день в российском футболе дела не так хороши, как хотелось бы, однако надежда и некоторые намеки на улучшения уже есть. Как сказал тренер сборной России по футболу Гуус Хиддинк: «Россия — это великая страна с большим потенциалом. И столь же великая страна, если смотреть на историю футбола. Для меня важен потенциал страны, уровень ее заинтересованности в конечном результате». Остается только пожелать господину Хиддинку удачи и надеяться, что его приезд станет плодотворной работой на радость болельщикам. □

Тюльпаны

от Питера до Масквы

Семнадцатилетняя певица Лера Масква родилась в Новом Уренго, сейчас живет в Москве, часто приезжает в Санкт-Петербург, а Родиной считает всю Россию.

Масква пела уже в шесть лет, в двенадцать начала писать стихи, а первую песню сочинила в четырнадцать. Решение о покорении столицы возникло спонтанно, когда Лера увидела рекламу одного московского продюсерского центра.

По приезду в Москву девушка быстро поняла, что имеет дело с «лохотронщиками», а не с настоящим продюсерским центром, и решила поискать настоящего продюсера в... караоке-баре. Две недели ежевечерних посещений СК «Олимпийский» закончились неожиданной удачей: на деловой встрече там оказался продюсер и совладелец компании «ZeKo Records» Игорь Марков, заметивший девушку с силь-

ным голосом и искренне исполняющую песни. Они стали работать на его студии. Первые демо-записи показали, что с вокалом будущей певице надо еще работать. Стандартная проблема вокалистов — сосредоточенность на интонации при отсутствии энергетики, у Леры была «с точностью до наоборот». Она пела проникновенно, забывая при этом о нотах.

Московские приключения Леры стали поводом для многочисленных шуток подруг и одноклассников, называвших ее из-за характерного «аканья» — «Массква». Имя «приклеилось» к девушке настолько, что Лера решает оставить его себе вполне официально. И, получая паспорт, несмотря на родительские протесты, в графе «фамилия» она записывает: «Массква». С этого момента столица становится для Леры городом №1.

Как-то на студии композитор Александр Максимов полушутя предложил Лере написать тексты на две «минусовки», оставленные «одним знакомым». Меньше чем за час родилась одна песня, а через неделю появилась вторая. Удивлению девушки не было предела, когда, спустя почти год, она услышала свой текст в песне Кристины Орбакайте «Это просто сон». Неожиданности продолжились — в декабре 2004 года на сцене Кремлевского Дворца съездов Лере вручили диплом «Песня года-2004» за песню, прозвучавшую в исполнении Кристины.

Публика впервые увидела певицу «живьем» 20 апреля 2005 года на сцене столичного клуба «Б2», принимавшего в разное время таких мировых суперзвезд, как «Rammstein», Nina Hagen, Lydia Lunch и других. Потом, после череды клубных концертов, Лера оказалась на сцене «Мегахуса», и еще через пару недель о ней узнала вся страна — Лера с ус-

пехом выступила на конкурсе молодых дарований «Пять звезд». Лера Масква стала лауреатом второй ежегодной премии «MTV Russia Music Awards-2005» в номинации «Лучший дебют».

Менее чем за год Лера записала около двадцати песен, лучшие из которых вошли в дебютную пластинку под названием «Массква», выпущенную осенью 2005 года фирмой «Мегалайнер». За первую неделю продаж она разошлась в количестве 20 000 экземпляров.

Саундпродюсерами альбома выступили Олег Баранов, работавший с последними альбомами групп «Мумий Тролль», «Сегодня ночью», «4ехов», и Олег Чубыкин (группа «Братья Грим»).

Любовь публики к Маскве началась с неожиданного прорыва ее

дебютного видеоклипа «SMS-ная любовь». Всего за неделю ролик взлетел на вершину «SMS-чарта» MTV, обогнав новые творения групп «Звери», «Guano Apes» и прочих фаворитов телеэфира.

Благодаря выбору зрителей, голосовавших за необычное видео с аллюзиями на фильм Андрея Звягинцева «Возвращение», работа «SMS-ная любовь» продержалась в лидерах более пяти недель. В апреле 2005 года второй клип певицы на романтическую песню «7-й этаж» оказался в ротации после показа в шоу телеканала MTV «Стартовый заряд». Как и в первый раз, судьбу песни решили слушатели, отдавшие свои голоса за Леру и тем самым определившие ее победу в первом сезоне «Стартового заряда»: в августе молодой триумфатор

Лера Массква поехала в Баварию на фестиваль под открытым небом «Chiemsee Reggae Summer».

Лера Массква стала финалисткой конкурса молодых исполнителей «Пять звезд», проводимого Первым каналом, каналами «Россия» и MTV, «Русским радио» и радио «Европа +». Недавно она получила «Приз прессы» на фестивале Первого канала, церемония закрытия которого состоялась в рамках съемок проекта «Новые песни о главном» в Кремле.

— Лера, вас считают рок-исполнителем. Но рок — это музыка протеста. Против чего протестуете вы?

— Вообще, меня называют рок-исполнителем, но это не так. У меня много разных песен, и я не могу, например, сделать «7-й этаж» в роке, потому что тогда ее никто не поймет. Невозможно петь в жанре протеста про розовую и сопливую любовь. Это как-то нелогично. Действительно, есть песни, которые достаточно «тяжелые», — там я, наверное, против чего-то протестую, но, как правило, я ничего никому не внушаю и ни с кем не спорю.

— Как выглядит процесс «создания» песен?

— Пишу свои песни везде — на репетиции, в кафе, в транспорте, а иногда и просто на улице, черпая вдохновение в людях и в их отношениях. Большинство текстов автобиографичны. Образы в моих песнях не выдуманы, я не сочиняю искусственные ситуации, все, о чем я пою, происходило со мной в реальной жизни. Я влюбляюсь и предпочитаю писать о своих чувствах.

— За последний год вы часто меняли состав группы. С чем это связано?

— Я пока еще нахожусь в творческом поиске. Со мной выступают как молодые музыканты, так и профи, среди которых один из лучших,

по признанию многих музыкальных критиков, бас-гитарист России Сергей «Гребстель» Калачев.

— А в личной жизни какие предпочтения?

— У меня парни всегда либо старше, либо умнее, чем я. Сейчас у меня бойфренд из Петербурга — любовь на расстоянии. Он — музыкант, как и я. Так и живем между Петербургом и Москвой. Он цветы дарит, когда приезжает, мои любимые тюльпаны, письма пишет, поет для меня. Мне это все нравится.

— Извините за бестактный вопрос: правда, что у вас шрам на губе от вашего экспрессивного поведения на концертах?

— Да, он остался после первого концерта от решетки микрофона. Меня даже друзья часто называют «девушка-destroy» (разрушитель). Энергия, которая у меня внутри, часто не оставляет «шанса на выживание» электроприборам и аппаратуре, они ломаются и перерегают у меня прямо в руках.

— Вам предлагали сняться в детективном сериале о Виоле Таракановой, но вы отказались. Почему? Ведь хорошая реклама.

— Мне сказали, надо сыграть грубую рок-звезду. Ко мне приходит журналистка, а я должна втоптать ее в грязь, ругаться матом с сигаретой в зубах. Такой образ — не для меня.

— Вы зарабатываете больше «фабрикантов»?

— Думаю, да. Сейчас могу тратить, на что захочу. Хотя у меня деньги в руках не держатся. Я люблю делать подарки. Иду по магазину и думаю: ой, это как раз для моей подруги. И вроде все недорого, но денег уже нет. В дорогие рестораны не хожу. Есть пара-тройка дорогих вещей, но я не понимаю, чем они отличаются от дешевых.

— На презентации вашего первого альбома в клубе «PodMos-

ковье» состоялась премьера нового клипа на композицию «Ну, наконец-то». Ролик вызвал неоднозначную реакцию журналистов, которым показалось, что вы на телеэкране похожи на молодую Аллу Пугачеву. Что вы думаете по этому поводу?

— Пугачева очень талантлива, к тому же она всего добилась самостоятельно. Поэтому не вижу ничего плохого, что меня с нею сравнивают.

— Есть ли у вас кумир?

— У меня есть один кумир. Женщина, которую я очень сильно уважаю. Фигура таинственная и загадочная — Фаина Раневская. Но она, к сожалению, не пела. □

Беседовала
Ольга Быстрых.

ЛЕНИВЫЙ пельмень

Сегодня речь пойдет о варениках. Прежде всего, хочу предостеречь от самой главной ошибки всех начинающих кулинаров: вареники — это НЕ ПЕЛЬМЕНИ. Замораживать их нельзя! Приготовили — сварили — съели. Других вариантов быть не может, потому что правильно приготовленные вареники съедаются незамедлительно.

Путаница с пельменями происходит из-за того, что процесс приготовления похож до безобразия. Но вареники — куда более разносторонние личности, чем пельмени, потому что в пельменях в качестве начинки может быть только мясо, а в варениках — что угодно. Мясо, творог, фрукты, ягоды, кар-

тошка, капуста, грибы, грибы с капустой, грибы с картошкой, картошка с капустой. Эдакий пазл: собирай — не хочу. А общий принцип один: приготовить тесто, положить начинку, залепить как следует и сварить.

А есть еще ленивые вареники! Но о них — чуть позже: сначала надо потрудиться, а потом можно и полениться...

Начнем с основы, то есть с теста. Его можно приготовить двумя способами. С холодной водой и с горячей. Последнее тесто будет называться заварным, но не путайте: это не то заварное тесто, что идет на эклеры. Просто называется так же.

Итак, «холодный» способ. Я бы даже сказала, ледяной, потому что вода должна быть такой, чтоб аж руки сводило. Да, вареники требуют жертв. Но они того стоят!

Вам потребуется 2,5 стакана муки. Ее надо высыпать в миску и залить $\frac{3}{4}$ стакана той самой ледяной воды. Перемешать, посолить, вбить туда же 1 яйцо и дальше месить руками, пока тесто не начнет отлипать от рук.

Это — вариант классический, им почему-то чаще пользуются. Но есть и второй. Честно вам скажу, с этим тестом вареники почему-то получаются нежнее. С химией и физикой у меня давние нелады, поэтому объяснить почему — не могу. Просто дам рецепт. $\frac{3}{4}$ стакана воды довести до кипения, дать чуть-чуть остыть и влить в просеянную муку. Муки должно быть 2,5 стакана. Все это быстро перемешать и добавить 2 яйца, смешанные с $\frac{3}{4}$ стакана воды. Эта вода должна быть уже комнатной температуры. Все посолить и вымесить. Прикрыть полотенцем и дать постоять полчаса, чтобы тесто отдохнуло от выпавших на его долю нелегких испытаний.

Оба вида теста одинаковы, чего не скажешь о начинке.

Поскольку не все являются глубоко убежденными идейными сладко-ежками, как я, то начинку предложу двух видов: сладкую и несладкую. В качестве несладкой будет мясо. Да и название больно красивое — «Вареники староукраинские».

Потребуется 300 г отварного сердца, 250 г отварного легкого (вот вам еще одно отличие от пельменей — здесь мясо уже отварено), 50 г отварных белых грибов, 40 г смальца, 1 луковица, 20 г сливочного масла и 40 мл сливок жирностью 33%.

Для начала, лук мелко порезать и обжаривать на сливочном масле минуты три, чтобы зарумянился. Легкое, сердце и грибы очень мелко изрубить, добавить лук, смалец, соль, перец и сливки. Тонко раскатать тесто, стаканом вырезать кружки. На каждый кружок положить фарш, склеить и завернуть края косичкой. Бросить вареники в крутой подсоленный кипяток. После закипания варить их еще минут 5. Вынуть и съесть. Можно со сметаной или поджаренным луком.

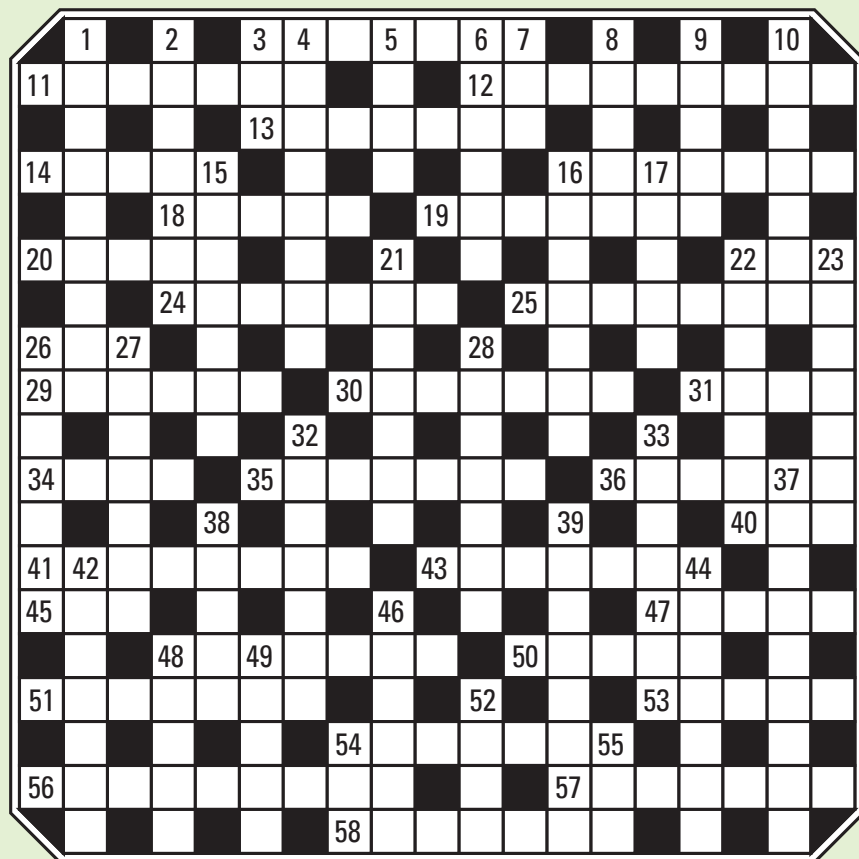
Есть и более простой вариант. Отвариваем кусок мяса, лучше говядину, прокручиваем через мясорубку. Отдельно обжариваем мелко нарезанный лук, на ту же сковородку кидаем прокрученное мясо и тоже слегка поджариваем. Посолить, поперчить — и начинка готова!

Вареники с вишней... Обычно это произносят с придыханием и вожделием. А между тем все предельно просто: нужно только очистить вишни от косточек (проще простого), засыпать сахаром, дать немного постоять, а потом очень тщательно и несколько раз слить сок. Иначе нежное тесто не выдержит давления на себя изнутри и порвется... И будет у вас розо-

вая вода. А вареников с вишней не будет. Это настолько трагично, что даже думать об этом не хочется. А подумайте лучше о том, с чем вы их будете есть. Лучше всего — со сметанкой и сахарком... На даче... Летом...

Расслабляться закончили! Самое время приготовить ленивые вареники. Хотя «приготовить» — громкое слово. «Отдохнуть» — это вернее. Нужна 1 пачка творога, 2 яйца, да муки ложки 4. Вот и все. Перемешать творог с яйцами, всыпать муку. Если тесто будет жидковатое, всыпьте еще муки, но не слишком много, чтобы не получилось жестко. Теперь из теста нужно раскатать такие небольшие колбаски на посыпанной мукой доске. Колбаски надо нарезать на небольшие кусочки размером примерно с абрикос. Или со сливу. Но небольшую. И эти ленивые вареники кидаем опять же в кипяток. Всплыли? Вытаскиваем. Кладем ложку сливочного масла. Посыпаем сахаром. Поливаем сметаной. Можно все вместе или по отдельности... Уф! Все расписала, что могла. Утомилась даже. Пойти, что ли, ленивых вареничков налепить?... □

По горизонтали. 3. Гонщик под парусом. **11.** Планомерный порядок, распорядок. **12.** Аптечная «пьеса» для ингредиентов. **13.** Ювелирное изделие, украшавшее от запястья до локтя руку Тутанхамона. **14.** Кавказская река, чаще других упоминаемая в русской поэзии. **16.** Длинная прядь волос, падавшая на лоб запорожского казака. **18.** Каждая из японских скульптурок в коллекции М. Горького. **19.** Самоцвет, попавший в Европу после походов Александра Македонского.

20. Круговое пространство, видимое наблюдателю. **22.** Акулий, но не плавник; жемчужный, но не блеск; острый, но не вкус; эмалированный, но не таз. **24.** Ходячая энциклопедия местного масштаба. **25.** Итальянский художник, прозванный так по родному городу Ромео и Джульетты. **26.** «Каждый ..., посвященный ненависти, — вечность, отнятая у любви» (Л. Берне). **29.** Предводитель гуннов по прозвищу Бич Божий. **30.** Место, где клиента встречают сухо, но горячо. **31.** Яковлев —

Бунша, Этуш — Шпак, Пуговкин — ...
34. Вгорячах всегда готова испариться. **35.** Бузотер с девизом: за себя не ручаюсь. **36.** Автор «Сказок Кота Мурлыки» Н. Вагнер по научной специальности. **40.** Поэтическое бравописание. **41.** Фамилия знаменитых русских генералов, в том числе автора воспоминаний «Пятьдесят лет в строю». **43.** Политик в двусмысленном положении: для консерваторов он — радикал, а для радикалов — консерватор. **45.** Мышочник. **47.** Верующий, верящий, что Бог — один. **48.** Светолечебный кабинет. **50.** Композитор, первый полонез написавший в 7 лет под влиянием М. Огиньского. **51.** Жизнь без забот и печали. **53.** Шекспировский персонаж, чей череп Гамлет берет в руки. **54.** Английский философ, заявлявший: «Верую, чтобы понимать». **56.** Специалист «под током». **57.** Стратегия в действии. **58.** Английский писатель, знавший, что «Рим продается», «Цезарь мертв», а «Час выбора» наступит, когда придет «Весна, которую предали».

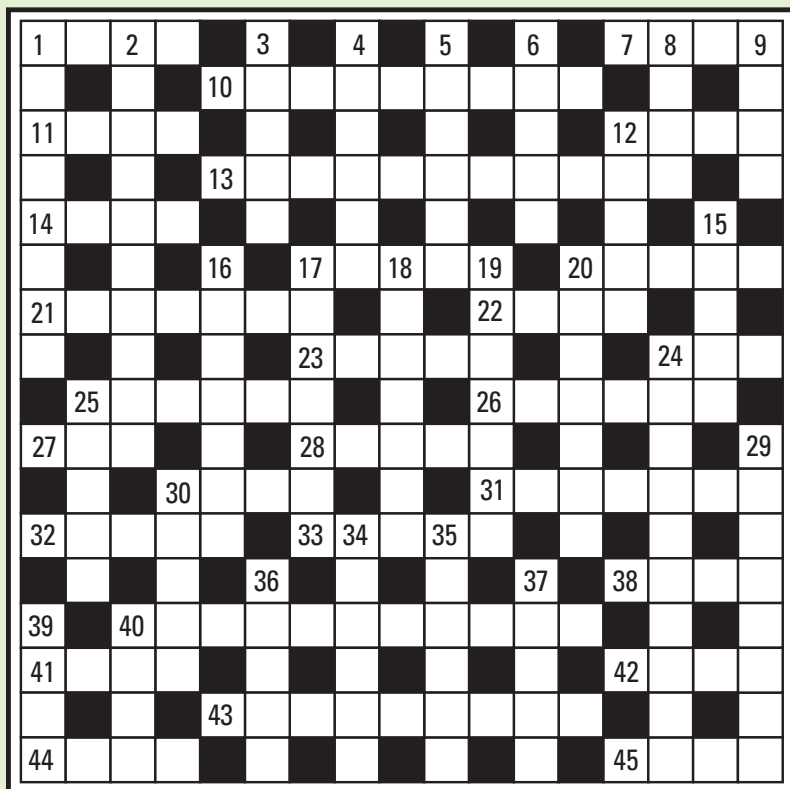
По вертикали. **1.** Знакомства в среде математиков (загадка по типу: ракетносец — муж теннисистки). **2.** Синеватый в зеленом цвете. **3.** Самый употребительный размер в русской поэзии. **4.** Совокупность свойств, диктующая многие поступки человека. **5.** Соседка реки Волхов по впаде-

нию в Ладогу. **6.** Столица, анаграмма к Венере. **7.** Неподсудное слово. **8.** Будильник времен Александра Македонского. **9.** Место спортивной стрельбы холостыми. **10.** Монтень по национальности. **15.** Человек, заставивший Алису побывать в Стране чудес. **16.** Часть цветка, защищающая бутон. **17.** Воздушный извозчик. **21.** Конь чувства. **22.** Прибор, помогающий девушке опаздывать на свидание. **23.** Человек, вызывающий сострадание, сочувствие. **26.** Человек у самовара. **27.** По Ш. Петефи, юноша «еще ничего, из которого может выйти все». **28.** Оттягивание кожи до боли. **32.** Невеста. **33.** Денежный мешок. **37.** Жительница черноморского города, где бытует проклятие: «Чтобы всю жизнь жил на одну зарплату!» **38.** Пулегон. **39.** Экран женской наругности. **42.** Высокомерие под флагом достоинства. **44.** «Знак дремоты ума» (Л. Вовенарг). **46.** Советский писатель, сказавший: «Писать для детей надобно так, чтобы эти книги мог понимать и взрослый». **48.** Фрегат, на котором в Крыму служил В. Даль; тогда он и начал записывать слова для будущего словаря. **49.** Горная страна, где ревность называют «желтым глазом». **52.** Меньше волости на Руси. **54.** Горное селение в Средней Азии. **55.** Разбушевавшийся персонаж песни с начальными словами «лучше нету того цвету».

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 6

По горизонтали. **2.** Ичиги. **6.** Отмашка. **9.** Пластун. **12.** Зверь. **13.** Ремарк. **14.** Эскорт. **15.** Ранец. **17.** Подвох. **19.** ...нос... **20.** Пушкин. **21.** ...вал. **23.** Кит. **27.** Молоток. **31.** Косуля. **33.** Футляр. **34.** Юнкер. **35.** Череп. **36.** Краяха. **38.** Байбак. **39.** Саксаул. **43.** Лес. **44.** Бах. **48.** Иванов. **49.** Цуг. **51.** Тополь. **52.** Белок. **53.** Дженни... **54.** Шишкин. **55.** Щипок. **56.** Емкость. **57.** Отмазка. **58.** Шабаш.

По вертикали. **1.** Оторопь. **3.** Човган. **4.** Гермес. **5.** Мустанг. **7.** Армида. **8.** Карпов. **10.** Лоскут. **11.** Скобки. **16.** Норов. **18.** Хам. **20.** Пик. **22.** Ловелас. **23.** Кожедуб. **24.** Скука. **25.** Устав. **26.** Флюха. **28.** Жупан. **29.** Глыба. **30.** Драка. **32.** Яна. **33.** Феб. **37.** Есаул. **39.** Сев. **40.** ...лат. **41.** Диадема. **42.** Зарево. **43.** Лорнет. **45.** Хорист. **46.** Москва. **47.** Пьяника. **49.** Целина. **50.** Голова.

По горизонтали. **1.** Самый гнусный из заговорщиков, ударивший Цезаря кинжалом в детородный орган. **7.** Русский дирижер, чей хор в 1919 году преобразован в Первый государственный хор. **10.** Одна из двух человеческих жертв Яриле. **11.** Декоративная деталь — наподобие карниза — в древнерусской мебели. **12.** Художник, создавший «герб» барона Мюнхгаузена с девизом: «Во лжи — истина». **13.** Письмоносец в Древней Греции. **14.** «Кость» в горле вулкана. **17.** Египтолог по имени Миллица. **20.** Название взятки во времена Ивана Грозного. **21.** Пернатая аф-

риканская «рябуха», истребляемая за вкусное мясо. **22.** Столица Египта при 24-й династии фараонов. **23.** Древнеармянская крепость с римским храмом Гелиоса. **24.** Египетский бог зла и пустыни. **25.** Жена римского императора Константина Великого, подобно Федре воспылавшая страстью к пасынку Криспу и, не достигнув цели, погубившая его. **26.** «Самый греческий из греческих поэтов» (М. Гаспаров). **27.** Его шумерское название звучит в греческом хитоне, римской тунике и английском названии хлопка. **28.** Французский художник-примитивист, стремившийся вернуться в

«детство человечества». **30.** Название на Руси немецкой упряжи без хомута. **31.** Южноамериканский грызун, в чьих норах часто селятся пещерные совы. **32.** Замок в Швейцарии, где жила Ж. де Сталь. **33.** Птица. В Румынии верят, что быстро съевший таких девять штук не состарится. **38.** Заменитель гипса в архитектуре Средней Азии. **40.** Горный инженер, первооткрыватель Донбасса. **41.** Народное название валерианы — кошачьей травы. **42.** Гад, чей взгляд заставляет оцепенеть. **43.** Символ единства книги и ее хозяина. **44.** Кичливые американцы, считающие, что теперь они хозяева планеты. **45.** Природный румянец.

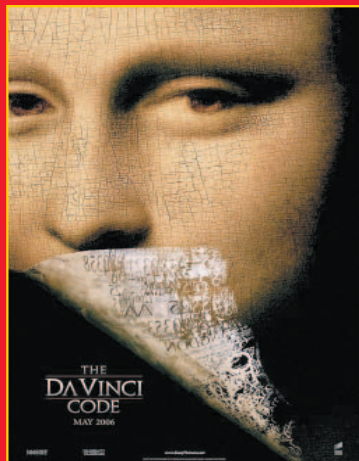
По вертикали. **1.** Дом жалоб и стон. **2.** Нынешняя страна, где родилась Анна Герман, чье пение буквально зачаровывало. **3.** Водоем, на дне которого стоит Колизей. **4.** Лопатка в руках богомаза для нанесения и выравнивания левкаса. **5.** Самоцвет, из которого сделан хранящийся в Оружейной палате посох, подаренный в 1632 году герцогом курляндским Иаковом патриарху Филарету. **6.** Густой отвар из соков лекарственных трав. **8.** Самый первый в новое время отравляющий газ, примененный на войне. **9.** Предмет американок как раз из того сорта бамбука, какой

агенты Эдисона искали по всему свету, истратив сто тысяч долларов. **12.** Стук гниды. **15.** Парусник, какой сумел с товарищами построить на острове Беринга, куда выбросило «Сятой Петр» В. Беринга, плотник С. Стародубцев. **16.** Море, куда не впадает ни одна река. **17.** Угощение, названное по долине под Ялтой, где князь Л. Голицын выставил бочку вина вытаскившим застрявшую коляску. **18.** Персонаж греческой мифологии, у которого Гера и Зевс спросили, кому секс приносит больше радости; он ответил: женщине; за это Гера ослепила его, но Зевс наградил даром прорицания. **19.** Ученица Т. Лешетицкого и учительница С. Прокофьева. **20.** С. Прокофьев как музыкант-исполнитель. **24.** Животное на гербе Франциска I. **25.** Воєвода ... Байков был главой второго посольства в Китай. **29.** Заведение, на крыше которого в средние века в Англии торчал шест с чучелом петуха или курицы. **30.** Свой среди чужих или чужой среди своих. **34.** Вече в Спарте. **35.** А. Кольцов: «Раззудись, плечо! Размахнись, рука!» (работа). **36.** Спутница посланий, чье 165-летие отмечали в минувшем году. **37.** ... — биография, икона — портрет. **39.** У вавилонян и евреев — воплощение зла, у египтян и греков — мудрости. **40.** Пластинчатый доспех русского воина.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 6

По горизонтали. **1.** Рептух. **7.** Ийеш. **10.** Трактир. **11.** «Зорвед». **13.** Юмор. **14.** Леонтович. **17.** Ирис. **20.** Таламега. **21.** Картофель. **22.** Подделка. **23.** Чубук. **25.** Жерех. **26.** Гей. **27.** Бег. **32.** Скотт. **33.** Вабик. **34.** Амазонки. **36.** Оглашение. **39.** Бригадир. **42.** Вамп. **43.** Федерация. **45.** Крыж. **46.** Муксун. **47.** Дилемма. **48.** Наос. **49.** Чайнка.

По вертикали. **1.** Резчик. **2.** Порфир. **3.** ...узел... **4.** Брунеллески. **5.** Экзот. **6.** Кизил. **8.** Йоммелли. **9.** Шарлатан. **12.** Делфт. **15.** Валох. **16.** Чаадаев. **18.** Рабус. **19.** Струг. **22.** Пентаграмма. **24.** Кенотаф. **28.** Гачев. **29.** Дидим. **30.** Сарбакан. **31.** Царицыно. **32.** Сквид. **35.** Харим. **37.** Надсон. **38.** Епанча. **40.** Делия. **41.** Ремез. **44.** Яуза.

Код Да Винчи

(«Da Vinci Code, The»)

Режиссер: Рон Ховард

Жанр: Мистика

Длительность: Попу точно отсидим

Год выхода: 2006

Страна: Как обычно

В главных ролях: Том Хэнкс,
Одри Тату, Жан Рено,
Йен МакКеллен.

Не успела отгреметь популярность книги, как уже и фильм сняли. Теперь у будущих читателей герои будут ассоциироваться с актерами, что не есть хорошо, ну да ладно. Главное, что Ден Браун не против. Фильм, как говорится, на любителя. Началось все с убийства смотрителя Лувра, рядом с которым обнаружили бумажку с именем Роберта Лэнгдона (историк) и непонятный код, выведенный кровью. Что делать? Естественно, попытаться разгадать значение надписи. Шокирующее раскрытие тайны, хорошие актеры и завораживающая музыка сделают свое дело. Смотреть будут все, даже те, кто уже прочел книгу.

Люди Икс 3

(«X-Men: The Last Stand»)

Режиссер: Бретт Рэтнер

Жанр: фантастика

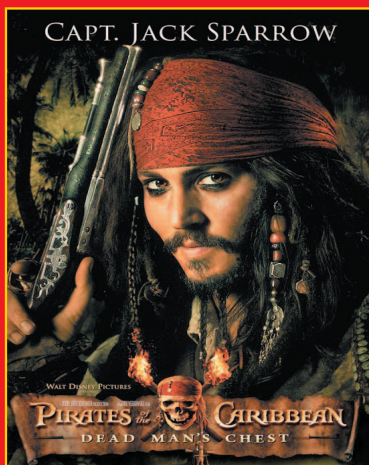
Длительность: часа полтора

Год выхода: 2006

Страна: Они самые

В главных ролях: Патрик Стюарт,
Хью Джекман, Йен МакКеллен,
Холли Берри.

Любят наши западные братья по разуму снимать фильмы по комиксам. Чего только стоят Бэтмен, Человек Паук, из которых сделали сериалы. Вот дошли и до людей X. Если первые две серии Бэтмена были качественными, то Люди X просто сказка для школьников младших классов. Для более взрослых фильм покажется глупым, однобоким и не интересным. Сюжет, как и в первых двух частях, повествует о мутантах и добром «человеке», который их объединил с целью обучить пользоваться силой в мирных целях или для борьбы со злом. На этот раз герои решают очередную проблему «вселенского масштаба». Любителям комиксов понравится.

Пираты Карибского моря 2: Сундук мертвеца

(«Pirates of the Caribbean:
Dead Man's Chest»)

Режиссер: Гор Вербински

Жанр: Приключения, комедия

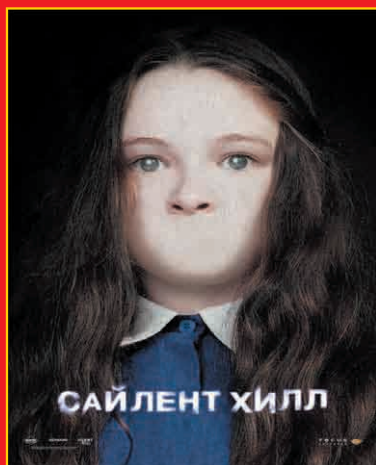
Длительность: Н'цать минут

Год выхода: 2006

Страна: Ю Эс Эй

В главных ролях: Джонни Депп,
Орландо Блум, Кира Найтли.

Сюжет до сих пор остается загадкой, но он непременно будет интересен тем, кто получил удовольствие от просмотра первой серии, части, эпизода — называйте, как хотите. Главное, что в фильме хорошо переплетаются элементы приключения, мистики и комедии. Чего только стоит одна манера поведения Джека Воробья, ой, простите, Капитана Джека Воробья. Предыдущая история порадовала очень многих, поэтому фильм метит в двадцатку самых кассовых за всю историю кино. Все сделано настолько качественно, что картину можно порекомендовать для просмотра вдвоем, так как погони, фрегаты, да и сама атмосфера очень романтичны.

Сайлент Хилл («Silent Hill»)

Режиссер: Кристоф Гэнс

Жанр: триллер

Длительность: как получится

Год выхода: 2006

Страна: США, Франция, Япония

В главных ролях: Рада Митчел,
Шон Бин, Лори Холден, Дебора Унгер.

Фильм снят по мотивам одноименной компьютерной игры. Похоже, новая мода набирает обороты. Сначала Resident Evil, потом Doom, а сейчас Silent Hill. Картину следует рассматривать с кинематографической точки зрения. Все же сюжет достаточно закручен и найдутся пару моментов, от которых можно вздрогнуть. Началось все с неизлечимо больной девочки. Ребенок умирал, ничего не помогало — одна надежда на знахаря. Не послушав мужа, мать с дочкой-таки поехали. По дороге заглянули в городок Сайлент Хилл, где ребенок и исчез. Обращение в полицию результатов не дало, а тут еще выясняется, что в городке темные силы правят бал...

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

